

ЭХО ...

Узбекали
Джанибеков



ӨНЕР



Реальный
интернационализм,
который мы отстаиваем,
питается
национальной гордостью,
соками малой родины,
запахами родных просторов,
наконец,
памятью детства
с его легендами,
сказаниями, песнями,
играми.

Узбекали
Джанибеков

ЭХО...



ИЗДАТЕЛЬСТВО
ӨНЕР



ПО СЛЕДАМ ЛЕГЕНДЫ О ЗОЛОТОЙ ДОМБРЕ

У времени на виду

Нар-Тауекел!— Добро! Рискнем!

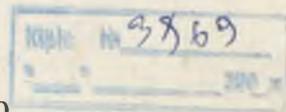
В тисках экстенсивности

Ищущий — отыщет

Жили, умеренность соблюдая

По следам легенды о золотой домбре

На пороге нового тысячелетия



Алма-Ата «Өнер» 1990

ББК 63,5 (2К)
Д40

Рецензенты:

доктора исторических наук К. А. АКИШЕВ, Х. АРГЫНБАЕВ,
К. М. БАЙПАКОВ, доктор филологических наук П. М. УРАЗАЕВ

Художники:

Х. АБАЕВ, Г. ЛУКМАНОВ

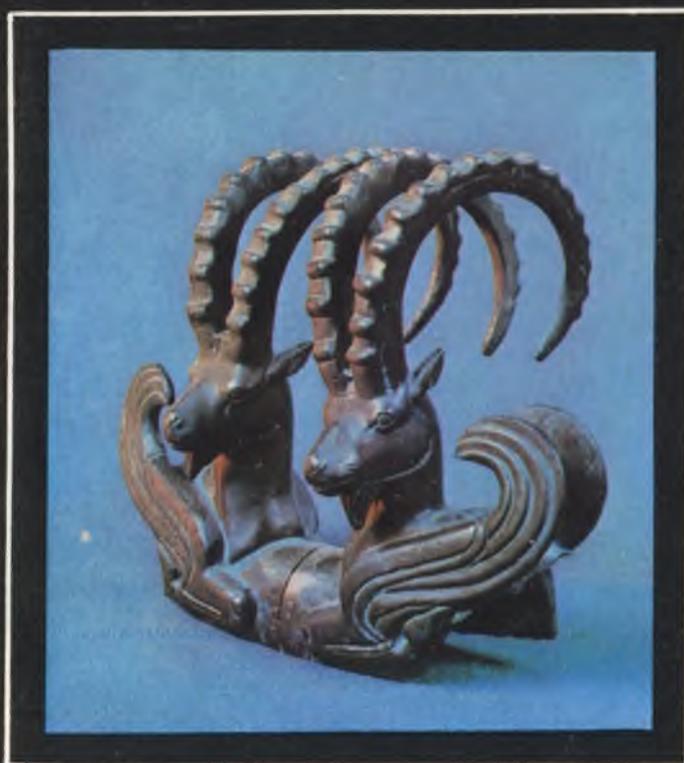
Фотографы:

О. БЕЛЯЛОВ, С. ЖУСУПОВ, В. ЛИХАНОВ, У. МУХАМЕДЖАНОВ и др.

Д $\frac{4901000000-38}{409(05)-90}$ — 90 без. объявл.
ISBN 5—89840—287—7

© Издательство «Өнер», 1990

У ВРЕМЕНИ НА ВИДУ



*«Степная земля бесконечна,
как время...»*

Казтуган жырау



У времени на виду

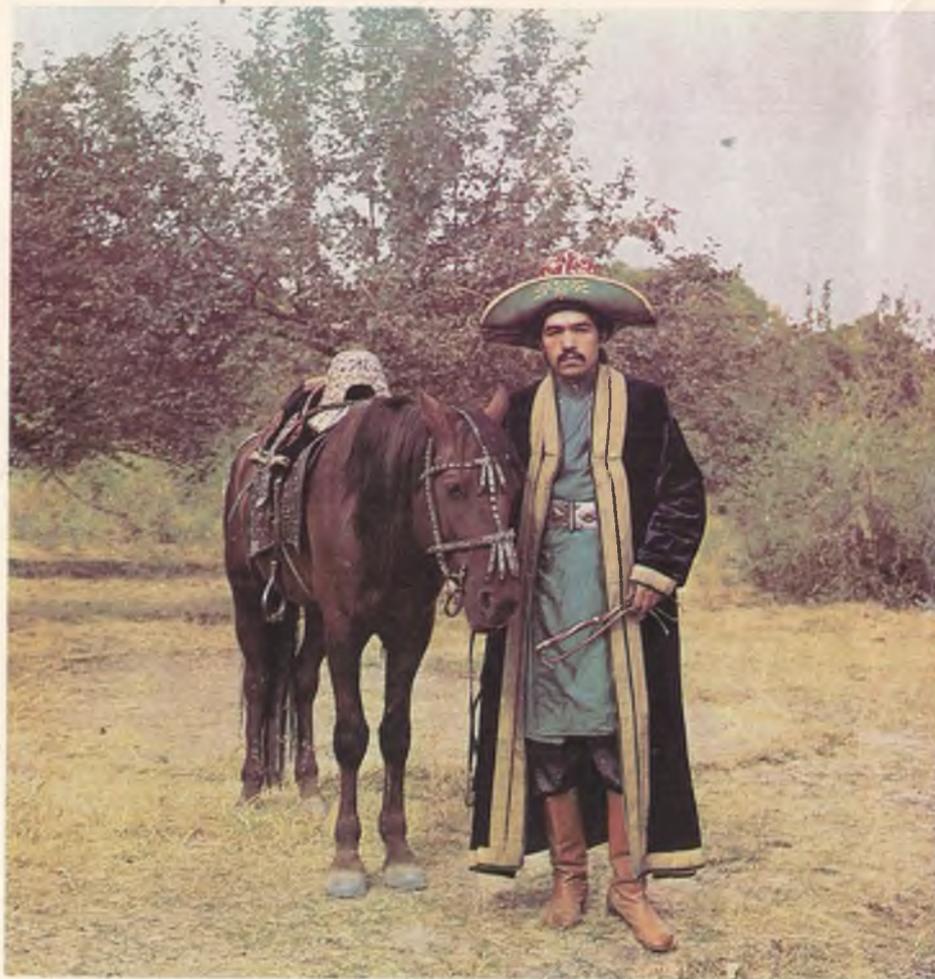
Широка и просторна земля казахстанская. Она простирается от Алтайских гор до Каспийского моря, от Западно-Сибирской равнины и Уральских гор до северных отрогов Тянь-Шаня и привлекает внимание не только своими размерами или богатыми природными ресурсами, но и тем, что в пределах этой огромной физико-географической области с незапамятных времен сложилась своеобразная и во многом единая культура степных племен, рамки распространения которой оказались гораздо шире современных границ республики. Генетические связи казахского общества со своими предшественниками — древними саками, усунями, кангюй-кангарами, тюрками и кыпчаками, пожалуй, ни в чем другом не находят более полного подтверждения, как в факте сохранения у казахов археологически прослеживаемого антропологического типа, элементов

материальной культуры, искусства, ремесел своих предков. На основе палеоантропологических и краниологических исследований установлена преемственность антропологического типа в Казахстане на протяжении трех тысячелетий¹.

Подобно тому, как стороны квадрата, части окружности в архитектуре, по утверждению Абу Наср Аль-Фараби, являются аналогами стопам в метрике, строфам в поэзии, силлогизмам в логике, сюжеты отдельных художественных произведений, выполненных в так называемом сакском зверином стиле, с достоверной точностью описываются в казахских героических сказаниях, а их мотивы отчетливо прослеживаются на наскальных рисунках, в орнаменте, ювелирных украшениях.

¹ Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. А.-А., 1970, с. 1.

Костюм казаха,
конская упряжь.
XIX в.



Изображение птицы, являвшейся по тюркским понятиям символом неба, рыбы — воды, дерева — земли, органически вписалось, хотя и несколько стилизованно, в декоративно-прикладное искусство казахов, обогатив его выразительными средствами¹.

Казахи унаследовали от своих

предков — древних тюрков и кыпчаков производство войлока, тип юрты, ковроткачество, особенно безворсовое, плетение циновок, умение инкрустировать костью, серебром домашнюю утварь, ору-

¹ Марғұлан Ә. Байырғы сак, ғұн, үйсін өнері. ҚСЭ. 2-том. 98—101-б.



*Золотое
украшение
из головного
убора воина
(горы, деревья,
птицы)*

жие, конскую сбрую, народные музыкальные инструменты. Отдельные элементы покроя и убранства тюркско-кыпчакской одежды выявлены в казахском народном костюме.

Сохранение у казахов этих и других форм материальной культуры прошлого объясняется тем, что, по словам Энгельса, «политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие основа-

но на экономическом развитии»,¹ а в натуральном хозяйстве казахов, не поддававшемся реорганизации, мало что изменилось за многие века.

«Перевороты (т. е. перемены.— У. Д.),— писал Арминий Вамбери,— происходившие в течение сотен, может быть, тысячи лет, внесли очень мало изменений в быт

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма. М., 1953, с. 470.

*Бляхи золотые.
Курган Тендик.
III—II вв. до н. э.*



*И. Клапрот.
«Калашские танцы
с музыкой».
1816 г.*





В. Верещагин.
«С гор на долины».
Начало 70-х годов
XIX в.

казахов»¹, порукой тому оказались широкие степные просторы, позволявшие при любых превратностях судьбы уходить в глубь родной земли, откочевывать в самые глухие ее уголки, изматывая преследователя не только трудностями перехода, но и неожиданными ответными ударами и отступлениями врассыпную, исчезая также внезапно, как и появляясь.

Казах вооружался копьем — *сунги* (*суңгі*), мечом — *кылыш* (*қылыш*), луком (*садақ*), если была возможность, надевал на себя панцирь и шлем. В условиях степей, где нередко приходилось отстаивать каждую пядь родной

земли, только тот был достоин уважения, кто имел оружие и умел с ним обращаться. Кузнецы, ковавшие оружие, пользовались большим уважением. Существовал даже культ кузницы, считавшейся одной из святынь. Это объясняется не столько суеверием казахов, сколько почтительным отношением к кузнецам, восхищавшим насельников степей таинственностью своего ремесла, общением с огнем, знанием секретов такого жизненно важного материала как железо.

Оружие казахов было холодным, по способу применения подразделялось на ударное (боевая палица, нагайка), колющее (пика, копье), рубяще-режущее (секира, меч, кинжал, нож). Наличие у каза-

¹ Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. СПб., 1865, с. 182—183.

Тюрки.
VII—VIII вв.
(реконструкция
костюмов
М. Горелика)

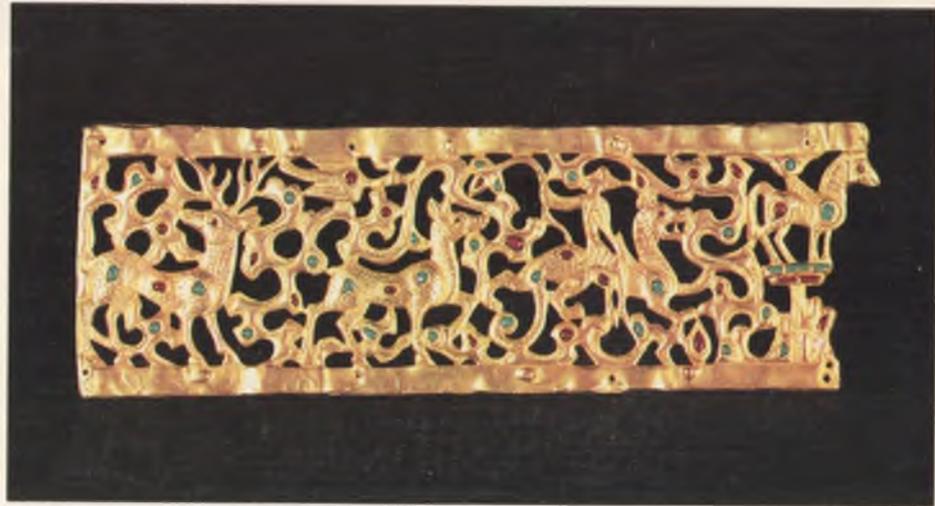


хов огнестрельного оружия, за исключением капсюльного ружья, которое «было редкостью в степи и переходило из рода в род»¹, до позднейшего времени не замечено. Каких-либо других боевых приспособлений, требующих участия в их обслуживании группы людей, не было.

Наиболее полное описание казахского оружия оставил Ч. Валиханов. Ценные для нас материалы о характере оружия содержат народные эпосы «Кобланды-батыр», «Алпамыс-батыр», роман «Путь Абая» Мухтара Ауэзова. В статье «Оружие казахов» В. П. Курылева, опубликованной в XXXIV сборнике Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР в 1978 году, впервые в историко-этнографической литературе сделана попытка

¹ Валиханов Ч. Оружие киргиз (казахов) в древние времена и их военные доспехи. Собр. соч., т. I. А.-А., 1961, с. 466.

Золотая диадема.
Урочище
Каргалы.
II—I вв. до н. э.





Скульптурные
изображения
козлов.
Бронза.
VII—VI вв. до н. э.
Центральный
Казахстан



вести в научный обиход отдельные образцы казахского оружия.

Известно, что в походе казахи носили *шокпар*, *сойыл* — боевые палицы с помощью ременной петли, которую обычно забрасывали на локтевой сгиб. Казахские нагайки — *камшы*, *дойыр*, *дырау*, *дода* отличались друг от друга не только размерами плетения, но и ручек. Для усиления удара, например, в ручки *дойыра* и *дырау* из таволги заливали расплавленный свинец, специально просверливая для этого отверстие.

Холодным ударным оружием казах пользовался при спорах с иноплеменниками, во время угона скота обидчика, чтобы выбить про-

тивника из седла, не доводя дело до смерти. А при столкновениях с врагами наряду с саблей, копьем применял секиру — *айбалга* с острым лезвием, напоминающим полумесяц, и обухом. Она имела длинную деревянную рукоятку.

Оружие, являвшееся по народным представлениям воплощением благополучия и счастья, особо почиталось как у воинов, так и у простых скотоводов и земледельцев. Но начиная со второй половины XIX в. постепенно ушли в историю такие виды оружия, как лук, пика, копье, меч и секира, в которых отпала необходимость. Казахи стали пользоваться огнестрельным оружием.



Говоря об этнической истории казахов, хочется обратить внимание еще на следующие обстоятельства. Это — обособление их в степях, зажатых между Россией, Китаем и среднеазиатскими ханствами. Это — кочевой и полукочевой образ жизни у большинства степного населения. Это — наличие у казахов экзогамной системы брачных отношений¹. Эти обстоятельства создавали условия для укрепления традиционных связей, постоянных контактов, сношений между различными племенами, населявшими Дешти-кыпчакские степи², способствуя их консолидации, сближению и образованию постепенно казахского народа как единого целого. Процесс этот, начав-

шийся с глубокой древности, получил дальнейшее развитие к середине XV века, точнее к 1456 году, когда, окончательно отмежевываясь от хана Абулхаира — правителя кочевых узбеков, как историки именуют насельников степей тех лет, откочевали на восток со своими подданными султаны Джанибек и Керей, положив начало объединению казахских племен в единое целое образованием на реке Чу самостоятельного ханства.

Сплочению и консолидации казахских племен благоприятствовала и сложившаяся к этому времени расстановка сил в степях евразийского пояса. В 1468 году в разгар подготовки к походу против мятежных султанов в городе Сыгнаке умер хан Абулхаир. После его смерти подвластное ему огромное государство от Сибири до Каспия распалось. Казахи окончательно локализовались в степях Сары-Арки, бассейнах Урала, Сырдарьи, Таласа, Чу, Или, Иртыша. Их прямые сородичи узбеки ушли в

¹ *Экзогамия* — запрет брачных отношений между членами родового объединения, у казахов — до седьмого поколения.

² *Дешти-кыпчак* (дословно — кыпчакские степи) — старинное название Сары-Арки — казахского мелкосопочника и прилегающих к нему степей.

Среднюю Азию, ногайцы — через Волгу на Северный Кавказ. К Казахскому ханству, созданному Джанибеком и Кереем, присоединяются еще несколько десятков тысяч семей, вследствие чего к началу XVI века объединение казахских племен в один народ стало уже фактом.

Этническое самосознание, чувство принадлежности к единому народу крепили вместе со становлением казахской государственности в XVII веке при хане Есиме (ум. 1628), и особенно, его внуке хане Тауке (1680—1718), сыне хана Джангира, погибшего на поле боя с джунгарами. Неустанную борьбу за объединение казахских племен в единое целое перед лицом общего врага — джунгарских поработите-

лей, не увенчавшуюся успехами, как известно, в практическом плане вел хан Аблай (1711—1781), отличавшийся жестокостью, беспощадностью к своим противникам. Проявляя личную отвагу, организовывая смелые вылазки народных ополченцев, Аблай завоевал славу и популярность среди народа, а приняв в 1740 году российское подданство, показал себя дальновидным, прозорливым политиком, государственным деятелем, хотя далеко не во всем последовательным.

В жестоких схватках с врагами, протягивавшими свои щупальца к присырдарьинским городам и другим жизненно важным центрам тогдашнего Казахстана, выросло единение народа. История не сохранила имен многих героев,

Сосуд
ритуальный.
Бронза.
V—III вв. до н. э.
Семиречье



народных мстителей, сломивших джунгаров физически, морально, политически, поставивших вопрос о самом существовании джунгарского государства. Однако угроза нового порабощения и даже физического истребления со стороны своего могучего восточного соседа — Китайской империи, правителей Коканда — с юга, Бухары и Хивы — с запада, каждый из которых был не прочь овладеть богатствами степей, вынудила казахский народ осознать необходимость сближения с Россией, искать в ее лице защитника. В 30-х годах

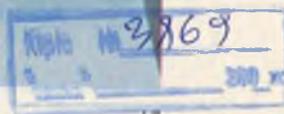


Сосуд ритуальный.
Фрагмент носика сосуда с изображением головы собаки



Котел. Бронза.
V—III вв. до н. э.

2—35

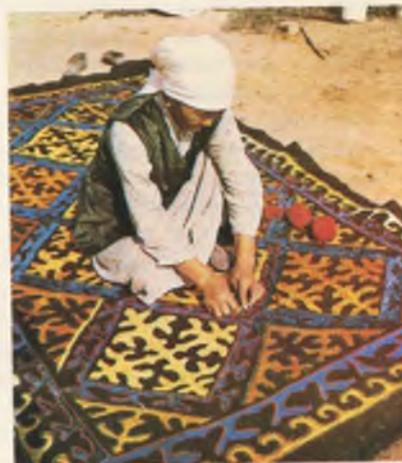


17

*Женщина
за аппликацией
по войлоку*

XVIII века в состав Российской империи вошли казахи Младшего жуза¹, немного позже — Среднего. Старший жуз принял российское подданство к середине XIX века. Однако фактическую независи-

¹ Жузы — однотипные территориальные объединения казахских племен, возникшие с укреплением в средние века этнокультурных, этнополитических, хозяйственно-экономических и прочих связей в рамках трех основных регионов их расселения. Они управлялись ханами с помощью биев — старейшин. Деление на жузы сохраняется как пережиток прошлого в этнической памяти населения и в настоящее время.



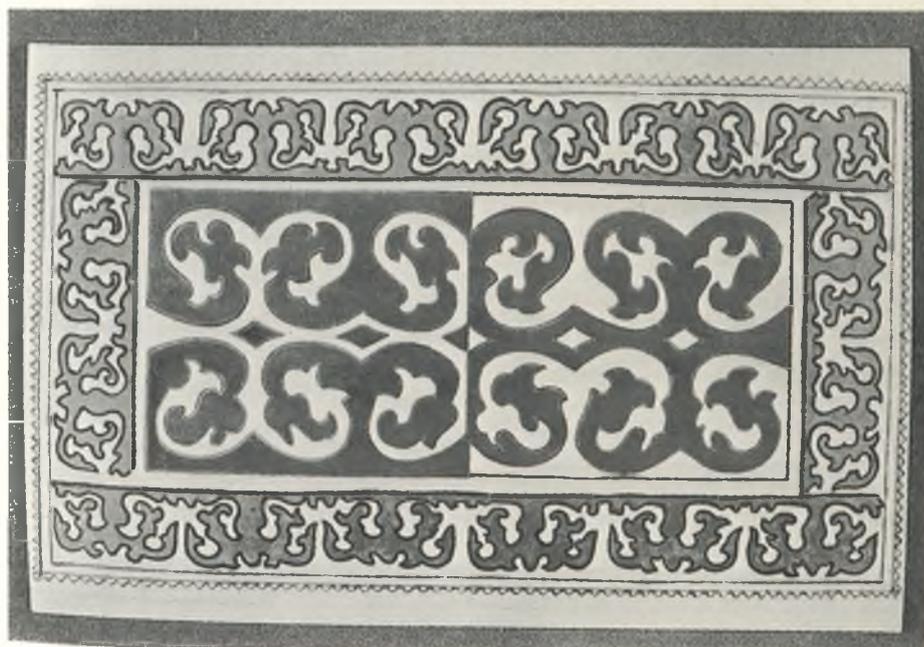
*Сырмак баскур.
Нашивка
вырезанного
из войлока узора
на первооснову.
Начало XIX в.*





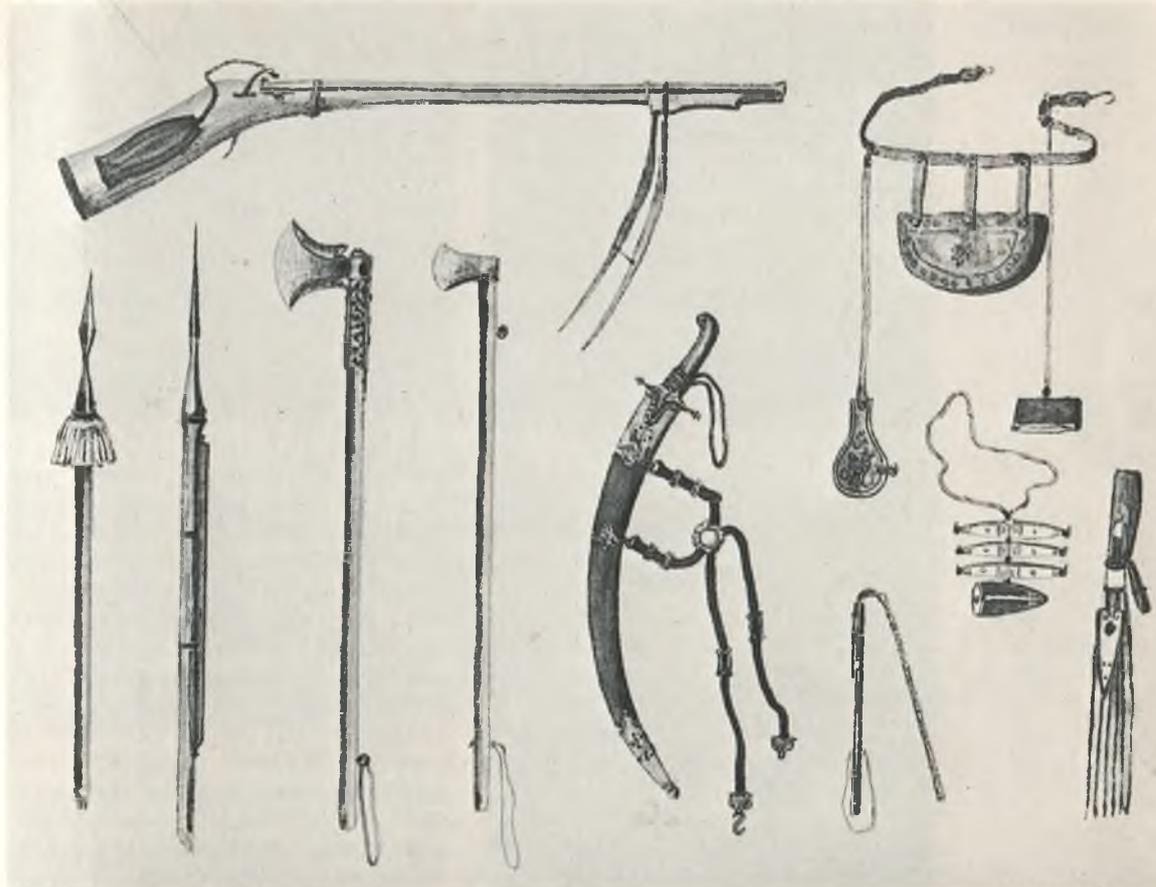
мость от России все они сохраняли очень долго, оставаясь под властью своих ханов, султанов — правителей и биев — старейшин.

Присоединение Казахстана к России имело особо важное значение в исторической судьбе казахского народа. Несмотря на двойной гнет царизма и местных баев-феодалов, самую омерзительную колониальную политику царских чиновников, в казахские степи стали проникать лучшие формы хозяйствования, черты передовой духовной культуры, прогрессивные идеи. Выдающийся ученый-востоковед,



Доспехи
воина-казахи.
Седло —
куранды ер





философ, историк-этнограф, путешественник Чокан Валиханов (1835—1865), основоположник казахской литературы критического реализма, поэт, композитор, философ Абай Кунанбаев (1845—1904), педагог-просветитель Ибрай Алтынсарин (1841—1889) были последовательными поборниками идеи братства и сближения с Россией, с ее передовой культурой. Но летопись подлинного об-

новления жизни казахского народа, как и других народов Советского Востока, ведет отсчет с Октября семнадцатого. Владимир Ильич Ленин внимательно следил за развитием революции в Казахстане, оказал огромное личное влияние на установление и упрочение в нем Советской власти. Он стоял у истоков казахской социалистической государственности, подписав 26 августа 1920 года дек-

*П. Кошаров.
Оружие казахов.
XVIII—XIX вв.*

Казахские сабля,
копье, секира

Казахские лук
и колчан
со стрелами



Казахская боевая
палка



рет об образовании Казахской Автономной Советской Социалистической республики, которая затем в 1936 году была преобразована в союзную.

На этом, нам кажется, можно было бы поставить точку по затрагиваемому нами вопросу в историческом аспекте, если бы проблема этногенеза казахов не усложнялась тем, что усилия исследователей многие годы были направ-

лены на выяснение этнонима «казах», нежели на детальное изучение древней истории и культуры народа. Намекая на его кочевой и полукочевой образ жизни в прошлом, в историко-этнографической литературе было предпринято немало попыток отождествить этноним «казах» с понятием «қаз-ақ» (подобен гусю.— У. Д.) или со словом «казак», широко распространенным в тюркских наречиях обозначением вольных людей, отважных воинов-наездников, искателей приключений. Существует и другое мнение, что «казах» якобы происходит от скрещенного двухсоставного этнонима «қас+сак», связанного с древними сакскими, ставшими важным компонентом в этническом составе предков казахского народа.

Между тем, вряд ли есть необходимость доказывать, что испокон веков казахами назывался народ, представлявший собой самостоятельное этническое образование, остававшееся, по словам



того же А. Вамбери, «по физиономии, характеру, языку и обычаям вернее других своему древнему типу»¹ и было бы излишним искусственно изыскивать этимологию его имени.

На всю тщетность таких попыток указывал в свое время и Г. Е. Грумм-Гржимайло. «Общепринятое объяснение слова «казак» — писал он тогда, — лишено оснований и искать его происхождение также бесполезно, как искать

происхождение наименований: русский, араб, англичанин и т. д.»²

Во всяком случае слово «казак», каково бы ни было его происхождение, встречается в письменных источниках, начиная с X века, широко употреблялось в обиходе среди населения, особенно в той части евразийского пояса, где жили кыпчаки и другие родственные им племена. Известно и то, что «в послемонгольский

¹ Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. СПб., 1865, с. 189.

² Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, Л., 1926, с. 122.

Хан Аблай
(1711—1781)



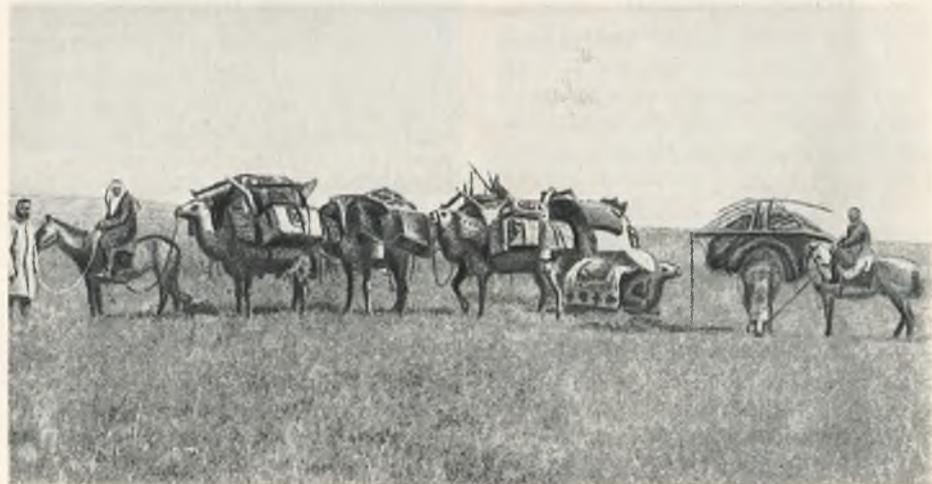
период те же кыпчаки составляли ядро казахского народа»¹. Упоминание о казахах, как уже сформировавшейся народности, имеется у Даниила Губина, русского посла, ездившего в 1534 году в ногайские степи. В донесении на имя Ивана Грозного он писал, что «казаки, государь, добре, сильны и, сказывают, государь, Ташкент воевали, и ташкентские царевичи, сказывают, с ними дважды бились, а казаки их побивали»². И наконец, если верить отцу Иакинфу, то «казах, по-китайски — хасак, есть большое владение, лежащее от реки Или к северо-западу»³.

¹ Бартольд В. В. Киргизы. Соч., т.1, часть I, М., 1963, с.493.

² Левшин А. И. Описание киргиз-кайсацких орд и степей. Часть I. СПб., 1832, с.47.

³ Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сб. I, А-А., 1935, с.152.

Перекочевка
казахов
на джайляу





При этом нельзя не учитывать то обстоятельство, что казахи представляют собой крупный по занимаемой территории и численности народ, со своим этнокультурным наследием, единым антропологическим типом, связанной с ними этнической психологией. Несмотря на расселение на огромных пространствах, казахи не имели в прошлом особых различий в хозяйстве, устройстве быта, традициях, литературном и музыкальном творчестве. Не знает диалектов и их язык, за некоторыми различиями лишь в произношении на востоке и юго-востоке занимаемой ими территории. А это очень важно для познания уровня материального производства, образа жизни, эстетических идеалов народа, этниче-

ская история которого своими корнями уходит в седую старину.

Вопросы эти у времени на виду. Только во взаимосвязи истории и современности, в сравнении с прошлым можно оценить настоящее, достижения казахского народа в социалистическом строительстве, преодолеть консерватизм сознания и приверженность определенной части людей к различным догмам. Только на этой основе можно ответить на всплеск всеобщего интереса к далекому и недавнему прошлому народа, помочь людям преодолеть тяжелый порок исторического беспамятства, ибо любое «белое пятно» истории в итоге отражается на нравственном воспитании подрастающего поколения.



НАР-ТАУЕКЕЛ
-ДОБРО ! РИСКНЁ



НАР-ТАУЕКЕЛ ! -ДОБРО ! РИСКНЁМ



У ДЕНЕУАТ ҒАН
МАҒИЗНА И ОҒЗОН

*«Да, поколения вольного мы
крылья».*

Махамбет

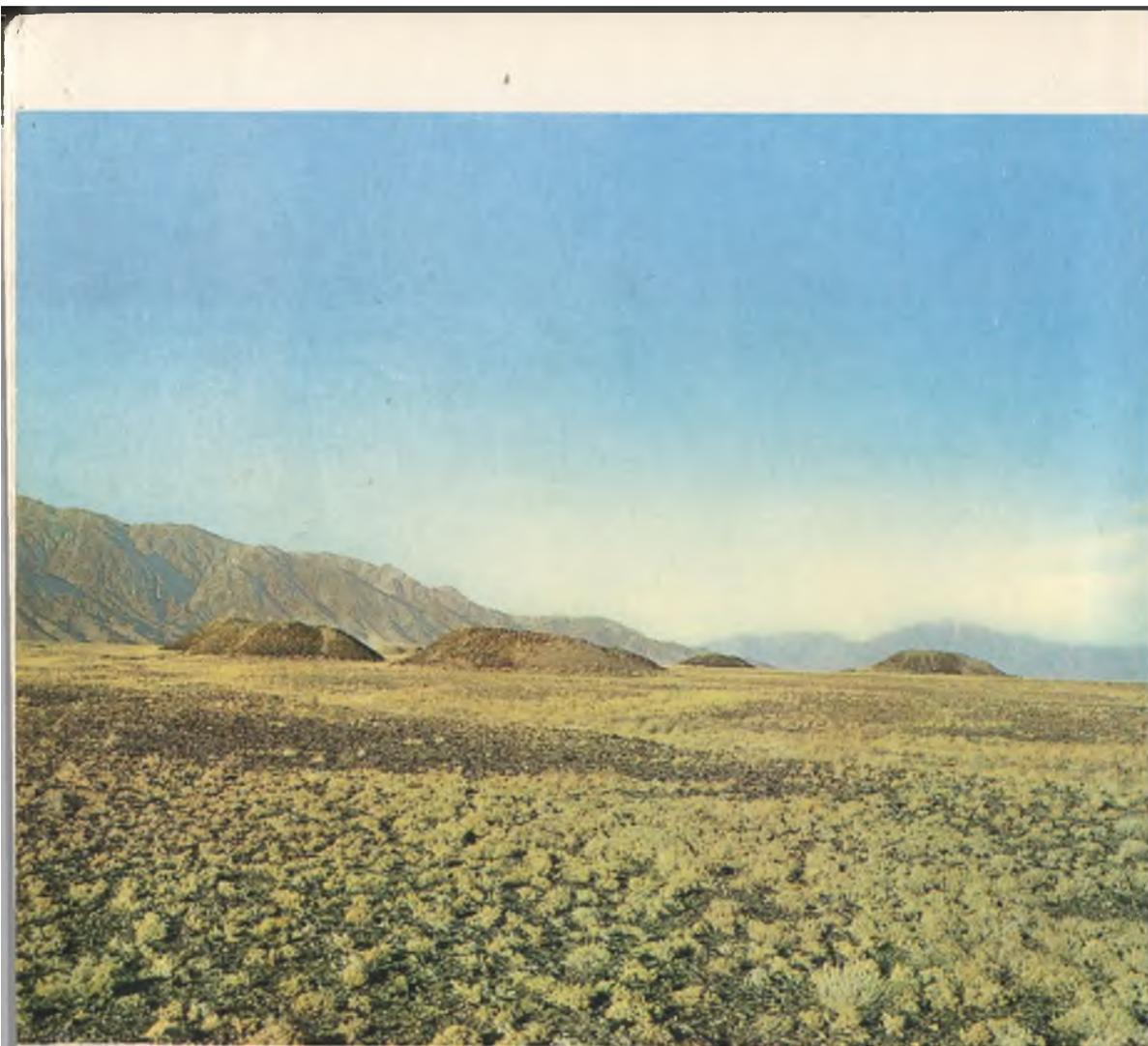


Нар-Тауекел!— Добро! Рискнем!

Жизненные условия, порождавшие необходимость постоянного перемещения с одного места на другое, практически никогда не прекращавшиеся набеги врагов, посягавших на родные степи, междоусобицы власть имущих выработали у казахов-кочевников, а их было большинство, неприхотливость, веру в судьбу, решимость перед лицом надвигающейся опасности, нашедшие выражение в восклицании «Нар-Тауекел!— Добро! Рискнем!». Поскольку жизнь и благополучие их зависели от выносливости, силы, ловкости и смелости, от того, как растет и воспитывается молодое поколение, особое внимание в степи уделялось привитию детям этих качеств с самого раннего возраста. Не случайно поэтому многие казахские обряды так или иначе связаны с рождением, детством, юношеством и совершеннолетием молодого человека. Например, на *шилдехане*

— празднестве по поводу рождения сына более или менее состоятельные люди делали щедрые угощения с приглашением жителей не только своего, но и соседних аулов устраивали состязания певцов импровизаторов, джигитовку на конях. Ребенка нередко нарекали именем почитаемого в ауле человека века. Бывали и случаи, когда давали ему первое попавшееся, ничем не приметное, порою весьма непристойное имя, якобы для того чтобы не сглазили ребенка, чтобы рос он не на виду, и потом здоровым и крепким.

Казах вел свою родословную по мужской линии. Он считал своим «*немере*»— внуком только того, кто рождался от сына. Тот, кто рождался от дочери, не мог считаться внуком, и потому назывался «*жиеном*» (*жиен*), дословно — племянником, а его чадо нарекали «*жиеншаром*» (*жиеншар*) — отпрыском жиена. Так полагалось



*Сакские курганы.
VII—IV вв. до н. э.*

по неписаному закону степей, где дочерей могли отдавать в жены только людям из других родов, в силу этого обстоятельства их дети не могли рассчитывать на положение прямых потомков главы семейного клана. Бытовало даже выражение «*жиен ел болмас!*»—«жиена не считай своим!», а о родстве

жиеншара не могло быть и речи. Только теперь, в наше время, и то преимущественно среди городской части населения, стали на европейский лад именовать детей, родившихся и от дочерей, внуками.

А того, кому суждено было родиться от немере, называли «*шобере*» (*шөбере*), значит правнуком,



рожденного в свою очередь от шобере — «шопшеком» (*шөпшек*) — праправнуком, что означает «крохотный», «маленький», разумеется, по отношению к главе семейства. Сына же шопшека, который приходился ему уже прапраправнуком, было принято называть «немене» — «непонятным», а его потомство

«туажатом» (*туажат*), «рожденным быть чужим».

Как особые этапы на пути к совершеннолетию отмечали в казахской семье такие события, как «бесикке салу» (*бесікке салу*) — укладка новорожденного в люльку, с намеком на то, чтобы быстро рос и набрался богатырского здо-

*Казахская семья.
Семиречье.
Конец XIX в.*

Девушка,
играющая
на шанкобызе
(шангаузе)



ровья; «тусау кесу» (*тұсау кесу*) — первые шаги ребенка, с пожеланиями, чтобы он умел ходить и бегать быстро; *атка отырғызу* — посадка на лошадь с передачей в руки не только *камшы* — плетки, но и копыя (*сүңгі*), чтобы наследник умел ездить верхом, метал сунги лучше других, далеко и точно; совершение обряда обрезания и, наконец, женитьба, сопровождаемые песнями, танцами, весельем на *алтыбакане* — переносных качелях, игрой «кыз-куу» (*қыз қуу*) — «Догони девушку». Последняя, очевидно, в прошлом входила еще и в свадебный обряд. Задача жениха тогда наверняка состояла в том, чтобы, догнав на коне впе-

реди скачущую верхом невесту, показать не только быстроту, ловкость, но и подтвердить свою любовь, свое право на нее. При неудаче такого права он лишался. Более поздняя по времени спортивная игра «кыз-куу», вероятно, — прямое отражение этого обряда.

Между прочим, самыми своеобразными и в то же время почему-то забытыми в наши дни являются игры, связанные со сватовством и свадьбой, ценность которых состоит не только в том, что в них наиболее полно проявляется духовная культура народа, ярко раскрываются его фантазия, тонкий юмор, но и в том, что посредством игр свадебный обряд превращался в удивительное представление, в своего рода театр, где на суд зрителей выставлялась изобретательность одной и изворотливость другой стороны, которые волею судеб должны стать родственниками.

Само собой разумеется, что во всех этих обрядах с играми народ хотел видеть своих джигитов смелыми, сильными и ловкими. Выработать эти качества в степных условиях можно было только участвуя, например, в *аламан-байге* — скачках на дальние расстояния; *жорга жарысе* (*жорға жарыс*) — скачках на иноходцах; *кокпаре* (*көкпар*) — состязаниях двух соперничающих групп всадников за овладение тушей забитого козла; *джигит жарысе* (*жігіт жарыс*) — соревнованиях двух всадников на быстроту седловки и прохождения определенной дистанции; игре «жаугашты» (*жау қашты*) — погоне за



условным неприятелем с целью осадить его плетью; а также в *аударыспаке* (*аударыспақ*), где противники перетягивали друг друга из седел; *жамбы ату* — стрельбе из лука, *кумис алу* (*күміс алу*) — подъеме монеты на полном скаку, и наконец, в борьбе *казахша курес* (*қазақша күрес*).

Поскольку игры были не только забавой, но и средством развития

жизненно важных навыков, подобно тому, как наши далекие предки включали в свои ритуальные обряды всевозможные пляски, охотничьи и бытовые сценки для передачи подрастающему поколению посредством игр и танцев своего житейского опыта, в степных условиях старались с помощью игр воспитывать юношей физически здоровыми, в духе уважения к стар-

Байге — скачки



Доение кобылиц.
1908 г.

шим, приверженности к народным традициям, обязанностям перед обществом, родными и близкими. Казах всегда отличался радушием и гостеприимством, простотой и непринужденностью в общении. Еще А. Вамбери заметил, что когда встречаются два казаха, первый вопрос к собеседнику — знает ли тот своих предков до седьмого колена? Спрашиваемый, если даже он «ребенок по осьмому году», должен был ответить, иначе можно было прослыть невеждой и невоспитанным человеком. Знание семи колен своего родства в данном случае, пожалуй, фактор историко-этнографического порядка, способствовавший, с одной стороны, сбору

сведений в степях, с другой — поиску путей для создания экзогамной семьи.

Утверждение, будто под видом «барымты»¹ скрывался узаконенный грабеж, на что обычно ссылаются некоторые исследователи прошлого казахов, нам кажется, не имеет под собой почвы. Ведь «барымта» никогда не совершалась без всякой на то причины. Корень зла «барымта» следовало бы поискать не в характере и национальных чертах целого на-

¹ *Барымта* (баранта — в русских источниках) — насильственный угон скота у обидчика, нередко и у соседей под давлением баев, наживавшихся за счет других.



*Разборка юрты.
1908 г.*

*Казахи.
Способы передвижения.
XIX в.*

рода, а в патриархально-родовых, феодальных отношениях, переплетенных с классовой дифференциацией.

Благодаря простоте образа жизни казахи стали больше чем кто-либо «детьми» природы, наделившей их пытливым умом и любознательностью. Народ, который в прошлом не имел представления о существовании компаса, не пользовался часами, мог по солнцу, луне, движению светил ориентироваться на местности, определить днем и ночью точное время суток. Он пользовался восточным календарем, составленным почти три тысячи лет назад, в основу которого положен двенадцатилетний животный цикл, дал свои названия месяцам, условно подразделенным на летние и зимние, в соответствии с временами года, характером погодно-климатических условий степей.

Начинали пахоту весной, как только теплые солнечные лучи проникали в юрту сквозь ее верхнее отверстие. По старому летоисчислению этот день обычно совпадал с 21 марта — днем весеннего равноденствия. Поэтому казахи называли март месяцем Наурыз. Считалось, что в день весеннего равноденствия все небесные тела возвращаются на свои исходные позиции, начинается обновление всего живого в окружающем мире. Но главными признаками обновления были первый весенний гром, набухание почек на ветвях деревьев, буйное прорастание зелени. Отношение народа к наурызу характеризуется и тем, что мальчи-

ков, родившихся в день весеннего равноденствия, нарекали Наурызбаем, Наурызбеком, девочек — просто Наурыз, Наурызгуль. Если в этот день выпадал снег, то это считалось добрым предзнаменованием. Даже девичью красоту в казахском эпосе сравнивают с белым снегом наурыза, поскольку в марте месяце обычно идет мягкий пушистый снег с особенной белизной на фоне обновляющегося мира.

В этот день в каждой семье накрывали дастархан — скатерть с различными яствами. Для угощения соседей готовилась похлебка, именуемая в народе «наурыз коже» (*наурыз көже*), из смеси очищенных зерен проса, пшеницы, кукурузы, риса — культивируемых в данном районе злаковых, — с мясом, солью и жиром, в другом варианте — просто из семи компонентов — мяса, соли, жира, лука, пшеницы, курта, ирмишика¹, то есть из тех, что имеются в наличии. Девушки готовили ритуальные блюда «уйкы ашар» (дословно «пробуждающий от спячки». — У. Д.) из свежего мяса и молозива. Этому яству по древним поверьям казахов приписывалась способность пробудить у юношей физическую силу и чувства любви. Им угощали парней, как правило женихов, чтобы они не проспали весеннего обновления природы. В ответ на угощение джигиты преподносили подарки «селт еткизер» (дословно «удивляющий». — У. Д.) в виде зеркала, гребенки, мыла, духов в платке.

До наступления дня весеннего

¹Курт, ирмишик — молочные продукты.

равноденствия люди приводили в порядок свои дома, хозяйственные постройки, посевной инвентарь, тщательно протирали мебель, домашнюю утварь, расплачивались с долгами, находившиеся в ссоре мирились, ибо, как утверждали старики, когда наурыз входит в их дома, все болезни, жизненные невзгоды и неудачи должны обходить их стороной. В ночь перед торжеством в знак пожелания обилия молока, урожая и дождя все емкости заполняли молоком, айраном, шубатом, семенным зерном, ключевой водой. В день наурыза все старались быть в добром расположении духа, при встрече заключали друг друга в объятия, высказывали самые добрые пожелания, дабы все невзгоды и беды миновали их. Каждый старался одеться опрятно, чисто, по возможности надевали что-нибудь из обновки.

В день наурыза рассвет встречали все вместе. С раннего утра мужчины очищали арыки, колодцы-тескен¹, истоки родников, старики высаживали деревья со словами «Пусть от человека остается потомкам дерево, нежели скот», «Срубил одно дерево — посади десять!», женщины кропили молоком посаженные деревья, очищенные родники, что символизировало пожелание благополучия земле-матушке.

¹Тескен, кескен — каризная (дословно — от персидского «гариз», что означает колодец) система водопровода на пересеченной местности. При строительстве и ремонте системы тескен грунт вынимался на поверхность через колодцы, соединенные между собой тоннелями.

В полдень на условленном месте у селения резали быка и варили из его мяса блюдо «бель котерер» (*бел кәтерер* — дословно «выпрямляющий стан». — У. Д.), поскольку бык считался одним из самых сильных и выносливых животных и пища из его мяса, подаваемая вместе с похлебкой из семи компонентов на праздничный дастархан, якобы передавала эти качества людям.

После этого начиналась игра «Айкыш-уйкыш» (дословно «друг другу навстречу». — У. Д.) Мужчины и женщины молодого, среднего и пожилого возрастов, образовав группы, располагались на определенном расстоянии, каждая в отдельности. После шуточного вызова ведущего, чаще всего в стихах, два участника игры — мужчина и женщина выбегали друг другу навстречу, сталкиваясь грудью в грудь, женщина шла к мужчинам, мужчина — к женщинам. Другая же игра — «Аударыспак» (*аударыспақ*), во время которой джигиты перетягивали друг друга из седла, а если кому-то удавалось пересадить соперника задом наперед, потерпевшего под общий хохот, шутки и прибаутки отправляли обратно в свою группу.

Праздник «Наурыз мейрамы» не обходился без спортивной борьбы, участвуя в которой девушка могла вызвать на состязание джигита с условием, что если он победит, то приобретет право на ее руку и сердце, если она, то джигит должен повиноваться ей и выполнять любые ее приказания. В таких случаях «Наурыз» превращался нередко в свадебные торжества, от-



*Внутреннее
убранство
богатой юрты.
XIX в.*

сюда и доброе пожелание, бытующее в народе — «Пусть продолжением праздника будет свадьба!».

День заканчивался театрализованным представлением, где два акына в стихотворной форме состязались в песнях, символизируя добро и зло, уходящий старый и наступающий в день равноденствия новый год. Состязания акынов прекращались с заходом солнца за горизонт, когда якобы добро побеждает зло. Затем разжигался

костер, как правило, у *алтыбакана* (*алтыбақан*) — переносных качелей. С зажженными от его огня факелами люди обходили все дома, окрестности селения, после чего у качелей пели и плясали, завершая праздник «Наурыз мейрамы».

На юге Казахстана такие народные торжества в старину дополнялись еще и своеобразным чествованием алого цветка — *кызгалдак* (*кызғалдақ*). Этому нежному созданию родной природы пос-



*Казахская
знать Семиречья.
Начало XX в.*



*Тауп — лекарь-
массажист*



Женщины
с детьми в юрте.
1908 г.

вящались айтысы¹, молодежные хороводы «Алкакотан» (Алқақотан) в композиции с народными играми. Здесь же выступали луч-

¹ Айтысы — состязания певцов-импровизаторов с присуждением призов победителям от имени устроителей торжеств. По сохранившейся в отдельных регионах древней традиции в айтысах состязаются парно и группами, исполняя импровизации в виде частушек.

шие певцы, джигиты-наездники, канатоходцы-даршы.

Как правило, только на следующий после праздника день все вместе приступали к полевым работам.

Не без участия некоторых горе-теоретиков социалистической обрядности этот очень своеобразный народный праздник был предан забвению в советское время. Кто видел в «Наурыз мейрамы» проявление религиозности населе-



ния, хотя массовые молитвы в мечетях в его честь, восхваления аллаха исследователями не отмечены. Да и традиция «Наурыза», как известно, возникла задолго до принятия мусульманства в казахских степях.

В 1988 году по инициативе общественности, впервые после долгого перерыва с 1926 года в Алма-Атинской области и г. Алма-Ате был проведен праздник «Нау-

рыз мейрамы». В Жамбулском районе он начался встречей Наурыза — марта месяца, пришедшего на смену Акпану — февралю. В процессии участвовали персонажи казахского эпоса и народных сказок — Алдар-Косе, Жиренше с красавицей Карашаш, Мыстан-кемпир (Баба-Яга), Даукара (Великан) с Канбак-шалом (стариком — перекасти-поле), хитроумный Тазшабала (мальчик-паршивец) и другие.

*Табун
верблюдов*



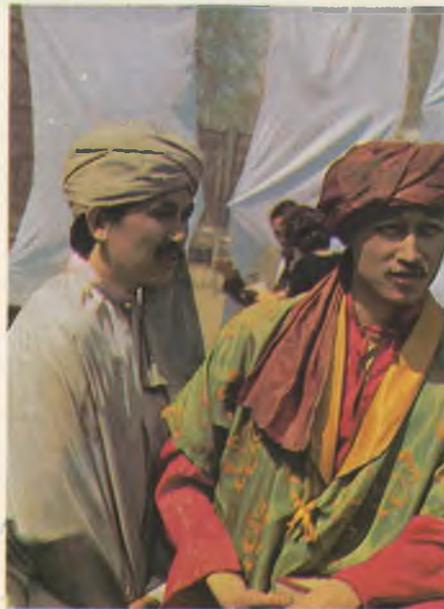
*На празднике
«Наурыз мейра-
мы». 1988 г.*



«Наурыз мейрамы» в Алма-Ате.
Символ весеннего
обновления.
1989 г.

«Наурыз мейрамы»
в Алма-Ате.
Шашу — раздача
гостинцев.
1989 г.

«Наурыз мейрамы» в Алма-Ате.
Джигиты. 1989 г.





*«Наурыз мейрамы»
в Алма-Ате.
1989 г.*

*«Наурыз мейрамы»
в Алма-Ате.
Участники
праздничного
шествия*

После театрализованного представления с их участием люди 36 национальностей, проживающих в районе, показали свое мастерство в исполнении народных танцев, песен, в рукоделии, приготовлении национальных блюд. Большой успех выпал на долю спортивных мероприятий, особенно конных скачек. В городке «Наурыз» была организована ярмарка по распродаже товаров массового спроса. На его центральной площади чествовали передовиков соцсоревнования, многодетных родителей, долгожителей.

Так «Наурыз мейрамы» стал подлинным праздником Весны, Труда и Обновления, подобно



тому, как сами степи в эту пору расцветают и благоухают под весенним солнцем. Такие празднества решено проводить ежегодно до весенних полевых работ. Не будет ничего плохого, если для участия в «Наурыз мейрамы» каждый приведет в порядок после зимы свой дом, побелит его, посадит деревце, цветы, примет участие в благоустройстве улицы, населенного пункта в целом. Пусть «Наурыз» станет еще одним смотром культуры села, поселка и города.

В прошлом, если надвигалась засуха, то на открытом месте, обычно у реки, озера или родника совершался старинный обряд «тасаттык», с жертвоприношением и



угощением, для чего собирали с каждого хозяина деньги или муку. Жертвенное животное, также приобретенное в складчину, резали над водой, прося бога ниспослать дождь. Бывали случаи, когда тасаттык совпадал с дождем. Тогда духовенство использовало это в своих интересах, объясняя случившееся милостью бога.

Некоторые обычаи и поверья казахов связаны с животными. Лошадей, овец, верблюдов они наделяли свойствами оберега — кие, и потому запрещалось бить их по голове, пинать ногами, тогда как таким почитанием не пользовались, например, крупный рогатый скот или, скажем, козы. Последних мог

отстегать любой прохожий, якобы для изгнания вселившихся в них «злых духов». Истоки почитания животных восходят к древности и средневековью. Примером этому могут служить надгробные изваяния «койтас» (дословно «каменный баран». — У. Д.), встречающиеся в мангышлакских некрополях, глиняные фигурки баранов, коней, верблюдов, находимые при раскопках средневековых городов на юге Казахстана.

Скотоводы, естественно, хорошо знали особенности домашних животных и по своему усмотрению регулировали время получения приплода. Обычно оно приурочивалось к наступлению тепла. Этим объяс-

*Могильник
Бештайыр.
IV в. до н. э.*

Глиняная
фигурка барана
из Отрара.
XI—XII вв.

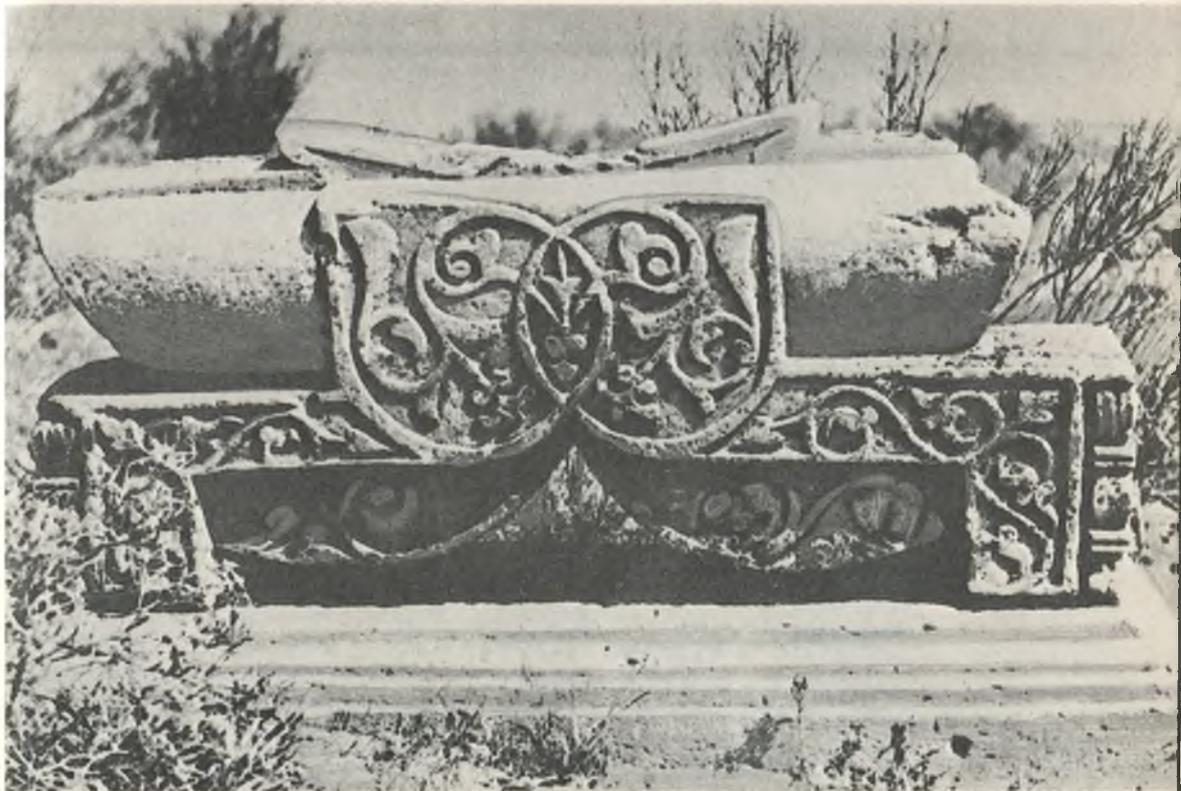


Горло кувшина
в виде головы
демона

Головка
статуэтки
женского
божества.
VII—VIII вв.

Дунгиршек —
детская
погремушка.
Отрар (Куйрук-
тобе).
X—XI вв.





няется подвязывание войлочных фартуков — *куйек* (*күйек*) баранам-производителям для исключения раннего покрытия маток и преждевременного ягнения.

Подвязывание и снятие фартуков поручалось по древним поверьям казахов многодетным женщинам. Вполне серьезно предполагалось, что это содействует плодовитости овец, получению большего количества самок в их приплоде. Фартуки снимали с баранов обычно в конце сентября, в среду или четверг ночью, когда, как считалось,

овцематки будут готовы к покрытию производителями.

Казахи исповедовали ислам, однако степень религиозности различных групп степного населения не была одинаковой. Наиболее скрупулезно мусульманство соблюдалось феодальной знатью, умело использовавшей его в своих интересах, а также в земледельческих селениях, городах, где располагались мечети, медресе и различные культовые сооружения. Большинству же казахов официальные догмы ислама были из-

*Койтас.
Некрополь Кара-
коль.
Западный
Казахстан.
XIX в.*

вестны в самых общих чертах, ибо аульные муллы не кончали каких-либо духовных учебных заведений и весьма условно представляли основы магометанства, чтобы повлиять с должной отдачей на религиозность народа. Мало что давало, например, обучение, основанное на зубрежке корана и других религиозных книг у аульного муллы, пользовавшегося дурной славой *думше (думше)* — невежды. Отдавая ему детей на обучение за неимением других «ученых» людей в степи, родители соглашались на все. Иные прямо-таки лебезили перед ним: «Кость моего чада принадлежит мне, а мясо — тебе. Распоряжайся с ним по своему разумению, лишь бы он научился писать и читать».

По этому поводу мы находим у Джамбула следующие строки:

Разве школа у муллы?
Сгорбив плечи, ходит злынь,
Из халата, как из торбы,
Ловит жертву глазом злым.
В белой он чалме, урод,
Верблюдицей он ревет,
Что же это за урок?
Слово к сердцу не идет,
Школа горькая, прощай!
Мне во сне явилась песня,
Сердце, песней закипай!
Мой отец! К мулле насильно
Ты идти не заставляй!

Это было первым стихотворением 10-летнего Джамбула, будущего великана казахской поэзии.

За учебу платили натурой, мулла мог бить детей розгами, наказывать любимыми другими средствами.

Д ж а м б у л Д ж а б а е в. Избранные произведения. А.-А., 1980, с. 23.

Ученики обязаны были, помимо прочего, отрабатывать еще и в его личном хозяйстве, на дому.

Хотя ислам начал проникать в казахские степи давно, начиная примерно с IX — X веков, среди народа, унаследовавшего от своих предков широкий круг представлений, вытекающих из преклонения перед силами природы, он смог пустить свои корни значительно позже, благодаря стараниям мулл, ишанов и ходжей². Ч. Валиханов считал, что ислам у казахов тесно переплетается с многочисленными пережитками домусульманских верований. Казахи верили и в заклинания баксы — шамана, и в проповеди ишана, которые одинаково усердствовали в восхвалении аллаха, поклонялись местам, связанным с именами мусульманских святых, их могилам — с одной стороны, камням, деревьям, родникам, не имевшим никакого отношения к мусульманству, — с другой, устраивали около них моления и жертвоприношения при болезнях, бесплодии.

В 1962 году в поисках начала древнего русла канала Акарык, с которым связана прекрасная легенда о *жеруюке (жеруіық)* — земле обетованной, нам довелось побывать в урочище Бес-торангыл (дословно — «пять туранг»), недалеко от железнодорожной станции Каракунгур, что на юге Казахстана. Легенду об Акарыке — Бес-торангыл слышал я от убеленного сединами старика.

² Муллы, ишаны и ходжи — служители культа.

«...Много-много лет назад на том месте, где река Бугунь теряется в солончаках, а река Арысь впадает в Сырдарью, у владыки здешних земель Бурыл-хана была единственная дочь красавица Дур. Немало баев и батыров мечтали добиться ее руки и сердца. Лишь один Шамиль — молодой витязь, великий дихан (дехканин), как его звали простые люди, — заслужил ее благосклонность. Капризная красавица выдвигала перед женихом все новые и новые условия. Чтобы жители ее родного города Бузука, что в низовьях Бугуни, никогда больше не изнывали от жажды, их прекрасные сады и виноградники больше не страдали от засухи, она просила соединить Арысь и Бугунь, оросить безбрежные степи между речья. Разве мог пылкий юноша, мечтавший о чистой любви, отказаться своей возлюбленной? В течение сорока дней он построил Акарык — канал, по которому Арысь пришла в Бугунь, чтобы пополнить ее водные запасы.

А вот на том месте, где юноша стругал черенок для кетпена, от стружек и поныне растут пять деревьев — туранг...»

Следы какого-то древнего канала сохранились здесь до наших дней, он был, по всей вероятности, разрушен очередными завоевателями, которых было в этих местах немало в те беспокойные времена. Имена молодых, подвергшихся транскрипции, ныне носит находящееся недалеко от этих мест большое казахское село Шаульдер (от скрещенных слов «Шамиль» и «Дур»). Прибыв в указанное нашим

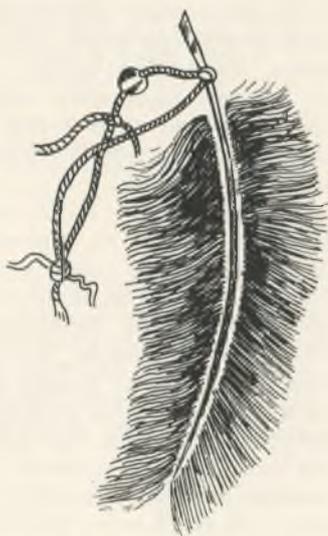
собеседником урочище, мы убедились, что действительно в степи, в солончаках растут пять туранг. Туранга, как известно, представительница флоры, существовавшей по крайней мере пять тысяч лет назад, растет лишь на Сырдарье и Или. В наше время предпринимаются меры к расширению площадей, занимаемых туранговыми рощами. Возможно, в данном случае мы имеем дело с остатками некогда шумевшего здесь леса, пустившего корни глубоко и приспособившегося к новым условиям жизни.

Служители культа в своих интересах искусно использовали и этот факт. Деревья обильно увешаны лоскутами тканей, амулетами — бесспорное свидетельство все еще сохраняющегося культа почитания «святых мест». Под кроной одного из деревьев в крохотном углублении скапливалась талая и дождевая вода, чья-то рука положила рядом деревянную ложку, очевидно, для питья воды с целью исцеления. Рядом на палку, как оберег, поднят конский череп. Здесь же предусмотрено место для жертвоприношений, приготовления ритуальной пищи.

Спустя 20 лет, в 1982 году, мы вновь побывали в урочище Бес-торангыл и были свидетелями другой картины. Деревья еще больше состарились, их сердцевины почти полностью сгнили, но они продолжают еще жить. Туранг уже не пять, а четыре: пятаю, очевидно, повалил ураган. Больше на них не было ни тряпок, ни амулетов.

В двадцати километрах от современного города Кентау располо-

Учеба у аульного муллы



Тумар — обрег

жен мавзолеей Укаш-Ата, куда наиболее ретивые мусульмане совершают паломничество и в наши дни. Человек, который погребен здесь, якобы имел рост около сорока метров. Согласно легенде, это один из мусульманских проповедников, погибших от рук иноверцев. Над гробницей, также длиной примерно до сорока метров, построена галерея навесного типа с помещениями для молитвы, нишами для свечей. Однако по кладке кирпичей, характеру стройматериалов, отдельных узлов гробницы нетрудно заметить, что она наращивалась правоверными мусульманами в разные века, возможно, для того, чтобы создать ореол святости вокруг его личности или в результате новых захоронений «у ног святого». Это мы обнаружили в 1978 году. А вот через



Сынтасы.
VI—VIII вв.
Эпоха древних
тюрков



Койтас.
Мангышлак.
XVIII—XIX вв.

четыре года мы не могли узнать гробницу. Она была оштукатурена и обмазана неизвестными лицами, уже не было видно прежних различий в кладке, расчленений в теле этого весьма нелепого сооружения.

Известно, что мусульманское духовенство никогда не пренебрегало использовать в своих интересах культовые объекты других религий, провозглашая погребенных в них людей «святыми», превращая их в молебные помещения, в мечети. Классическим примером этого является пещерный храм крестово-купольного типа, целиком вырубленный в массиве скалы, подземная мечеть Шакпак-Ата, что на Мангышлаке. Памятник явно домусульманский, который, очевидно, перестраивался в более поздние времена, но в ранний период его

жизни под сводами главного зала, возможно, и разжигался костер — символ огнепоклонников. На такое прежнее назначение храма указывает и его название — «Шакпак» — кремень, огонь, «Ата» — святой, святое место.

В обширных степях Казахстана все еще встречается великое множество таких «святых» мест. Есть немало древних насыпей, курганов, именуемых в народе «оба» (по всей вероятности, они были местами поклонения духам предков), объектов, связанных с древним культом природы — родников, деревьев, рощ.

Почитание «вечного неба», унаследованное от древних тюрков, как пережиток прошлого среди отдельной части населения, сохраняется и поныне. Отождествляя его с ал-



Мистер-каменщик
Мангышлак.
1952 г.



Фрагмент
сакского котла.
V—III вв. до н. э.

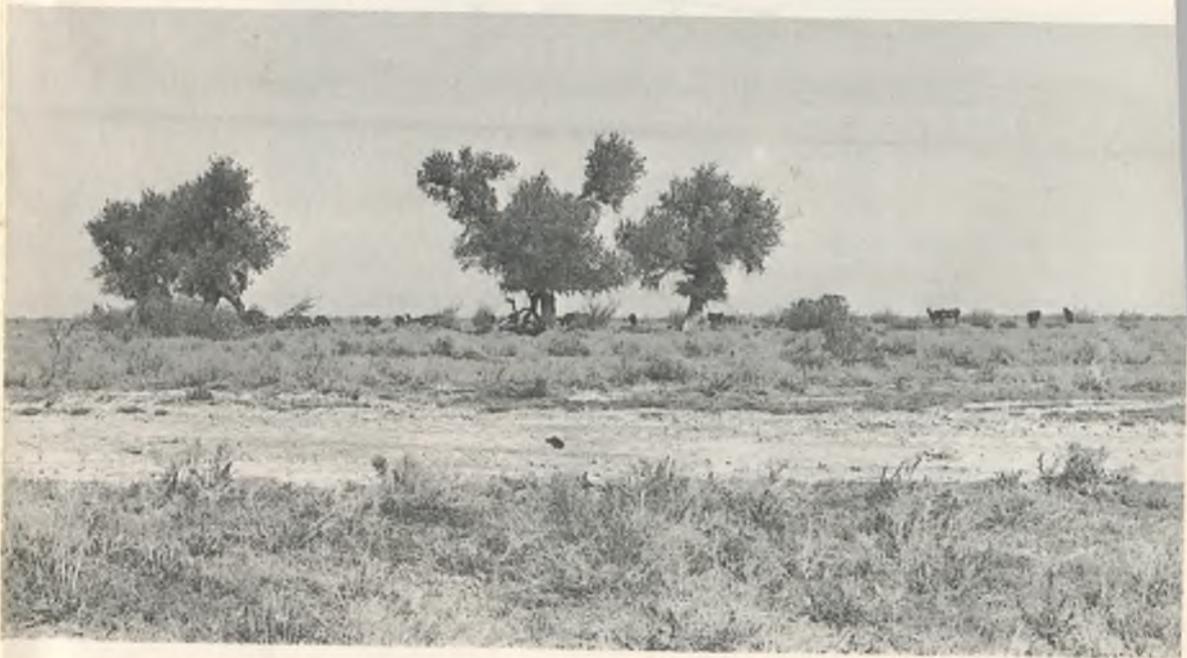


Наскальные
изображения
Казахстана

Ритуальный
очаг в полу
жилого дома.
Куйрук-тобе.
XII в.



Урочище
Бес-торингыл.
Южный
Казakhstan





Баксы — шаман

лахом, казах обращался всегда к «вечному небу», когда надо было послать по чьему-то адресу проклятия или присягать на верность духам предков: «О, тенгри» — «О, вечное небо!»¹.

С зороастризмом², по-видимому, связана вера в очистительную силу

огня. Оставляя весной зимовку, раскладывали обычно костры и прогоняли между ними скот, на-

²Зороастризм — древняя религия, возникшая, по-видимому, в Средней Азии и распространившаяся в Иране в начале I тыс. до н. э. Основной чертой ее является борьба двух божественных начал: доброго бога Ахурамазды и злого бога Ангра-Майнью. Особое значение в религии придается огню как «очищающей силе».

¹Валиханов Ч. Собр. соч., т. I, А.-А., 1961, с.470.

Асатаяк
(асай-мусай)
баксы



вьюченных верблюдов, чтобы «не-чистая сила» не преследовала их на кочевьях; возвращаясь же поздней осенью на зимовку, окуривали ее дымом, чтобы прогнать «злых духов», якобы поселившихся летом. Согласно древним поверьям, огонь нельзя тушить водой, в огонь нельзя плевать, нельзя наступать на очаг, шагать через него.

По обычаю, как только невеста переступала порог, мать жениха должна была предать огню ложку масла, после чего, нагрев свои ладони над огнем, водить ими по лицу суженой сына. Существовал ритуал

изгнания «злого духа», когда огнем описывали круги над головой недомогавшего. Культ огня прослежен еще у жителей средневековых казахстанских городов. В их домах имелись специальные очаги — алтари для возжигания огня. Интересно, что культ огня сосуществовал с исламом. Куплеты *бадика* (*бадик*), песен-бессмыслиц, исполнялись дуэтом у постели больного его сверстниками, если тот страдал от воспалительного заболевания кожи:

При исполнении всех этих обрядов произносились имя аллаха, мольбы об исцелении, просьбы о счастье и благополучии потомству. Конкретными носителями пережитков таких явно домусульманских верований в старом ауле были *баксы* — шаманы, *кумалакшы* — гадалышки, *козбайлаушы* — колдуны. Баксы играл на кылкобызе, плясал под звуки дангры, асай-мусая (асатаяка)¹, выкрикивая нечленораздельно и без того непонятные слова заклинания, создавая видимость «вселения» духа, доводя себя до исступления. При этом он мог бить недомогавшего, чтобы «выбить» из его тела «злого духа». Сеанс этот повторялся несколько дней и нередко заканчивался трагическим исходом.

Как с мусульманством, так и домусульманскими верованиями переплетаются у казахов обряды почитания умерших. Здесь мы видим, как в борьбе за существо-

¹Кылкобыз, дангра, асай-мусай (асатаяк) — народные музыкальные инструменты.



Могильники
Мангышлака.
XVIII—XIX вв.

вание здоровая стихия народного мировоззрения выработала определенное отношение как к жизни, так и к небытию. То повышенное внимание, которое уделяли наши предки уходящему, было обращено не столько в прошлое, сколько в настоящее и грядущее. Культ предков, как культ старших, бытовавший в казахском ауле, связан прежде всего с морально-этическими и нравственными устоями. Он являлся для народа здоровой основой и залогом сохранения себя как этнического целого в пору трудных исторических потрясений и горьких испытаний. В этом аспекте затрагиваемый нами вопрос сыграл, безусловно, объективно-прогрессивную роль.

По установившейся традиции правую сторону юрты, где по обыкновению спят старики, всегда оставляли свободной. И если в семье кто-то умер, то покойника на смертном одре также укладывали на этой стороне. Умершего из дома выносили вперед ногами, этим подчеркивалось, что он покидает его навсегда. Если хоронили состоятельного степняка, рядом с его юртой ставили вторую, траурную, застав ее пол коврами, установив с правой стороны кровать, покрытую черным ковром, на которой тело покойника должно было оставаться до окончания церемониала прощания с усопшим.

Обычно в такой юрте сидели мулла и старики, убитая горем жена с распущенными волосами. Дочери или сестры, накинув на плечи черные шали, оплакивали умершего, встречая скорбным напевом

— *жоктау* (*жоқтау*) всех, кто пришел почтить его память. Лица мужского пола в это время подпоясывались кушаками из темной ситцевой ткани и становились в ряд у юрты, соответственно возрасту, занимаемому в семейном клане положению, для встречи с теми, кто решил разделить горе утраты. Опираясь на посохи в знак скорби, они поочередно обнимались с каждым, обмениваясь траурными приветствиями, и заходили в юрту вместе с ними лишь на время чтения молитвы и произношения слов успокоения — *жубату* (*жұбатұ*).

Как бы ни ссорились, ни враждовали аулы, у «свежей могилы» забывались все обиды. В дни, овеянные дыханием смерти, никто не смел вспоминать размолвку. Родичи, друзья и сверстники покойного приезжали на похороны со своими юртами, убойным скотом, кумысом, поминальными лепешками, баурсаками, сладостями, ибо поминальный дастархан должен быть разостлан для всех, кто изъявит желание находиться в эти траурные дни вместе с родственниками умершего.

У казахов тургайских степей бытовала старинная традиция водружать пику справа при входе в юрту, с одной стороны — как оберег благополучия жившей в ней семьи, с другой — как знак присутствия в доме мужчины. По-видимому, этот обычай в измененном виде заимствован казахами от своих предков: в древности мужчина вешал свой колчан перед юртой или повозкой приглянув-

шейся женщины и вступал с ней в интимную связь¹.

А вот к юрте покойника с правой стороны полагалось прикрепить на острие пики траурное полотнище. «Это было самым большим знаком почитания покойного, знаком печали: траурный стяг, укрепленный на острие пики. Если бы Божей (имя покойника.— У. Д.) происходил из ханского рода,— писал Мухтар Ауэзов в романе «Путь Абая»,— то вывешено было бы знамя тюре²— белое, голубое или полосатое. Если же умерший простого происхождения, то цвет знамени зависит от его возраста. Байдалы советовался об этом с Суюндуком, который славился как знаток старых обычаев. Суюндук ответил, что у тела молодого умершего вывешивается красное знамя, у старика — белое, а у человека среднего возраста, каким был Божей, знамя должно состоять из двух полос — черной и белой.

Этот стяг, водруженный Байдалы с правой стороны траурной юрты на другой же день после смерти Божея, свидетельствовал о том, что память покойника будет почтена особо торжественно. Это обозначало, прежде всего, что почитание его памяти не прекратится в течение целого года, после чего будет устроен ас — поминальный пир.

¹ Древние авторы о Средней Азии. Ташкент, 1940, с.21.

² Тюре (торе) — каста ханов, султанов — правителей и их родичей. По обычаю, они могли жениться на дочерях простых людей, а своих дочерей не отдавали.

По другому старому обычаю, была совершена общая молитва, и к двери траурной юрты с противоположных сторон подвели двух коней и привязали к косяку. Один был огромный, жирный, темно-рыжий, с крутой шеей, другой — подтянутый, стройный, темно-серой масти. На рыжем коне Божей ездил зимой, темно-серого холил с начала этого лета.

Увидев коней, напоминавших о живом, чтимом всеми Божее, толпа не выдержала: поднялся новый горький плач. Некоторые рыдали, опираясь на свои посохи, другие падали на колени и склонялись к земле.

— О, несравненный мой! Лев мой! Родной мой! — гудела толпа.

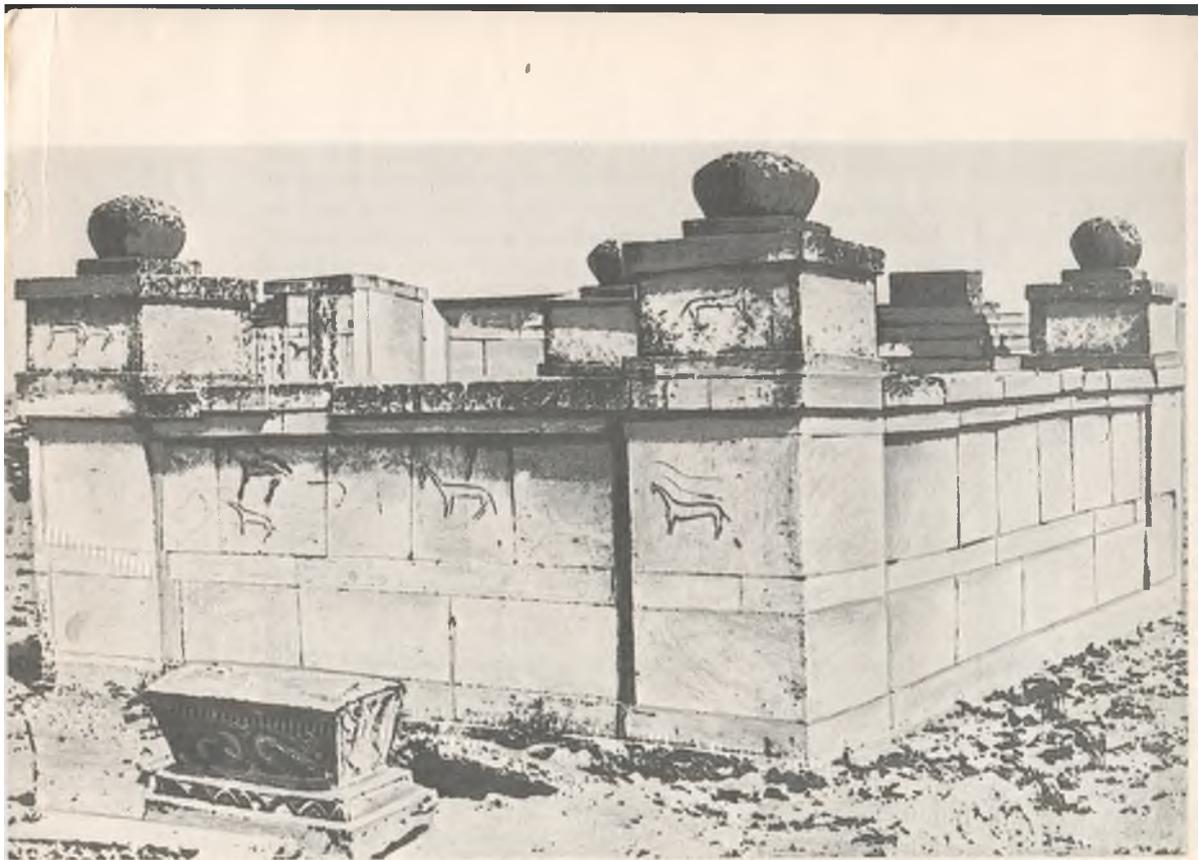
Байдалы пришел в себя раньше других. Он приблизился к темно-рыжему коню, привязанному у правого косяка.

— О, бесценный жануар! — обратился он к коню. — Умер твой хозяин, осиротел ты, несчастный!

И подойдя к нему, он отрезал его челку, потом захватил хвост и, хрустя ножом по конскому волосу, отрезал его вровень с коленями. Так же он подстриг и темно-серого коня. Потом оба меченых коня были отпущены в табун на отгул. За год отдыха они разжиреют, и тогда их забьют на поминках хозяина.

Байдалы посмотрел вслед коням.

У темно-серого — грива и хвост черные. Пусть он будет траурным конем. Во время кочевок он будет ходить под седлом хозяина, покрытым черным, — решил он.



Сагана
(торг кулак).
Мавзолей
открытого типа.
Некрополь
Сагандык.
Мангышлак.
Конец XIX в.

Здесь же, у траурного стяга, старейшины решили, какое количество скота и имущества следует выделить им на похороны»¹

Поминки устраивались на седьмой и сороковой после смерти дни и через год, как в данном случае. А по наиболее почитаемым людям поминальные асы, где помимо угощения, организовывались скачки, борьба, устраивались и через четыре года, после чего траур снимался. Победителям скачки, борьбы «казахша курес» присуждались ценные

призы. Например, для байги выделяли девять голов животных во главе с верблюдом, борцам — хорошего коня, шелковый халат с *бориком* (шапка с меховой опушкой).

Своеобразен у казахов культ почитания памяти усопших. По древней традиции обычно ничто не должно напоминать о покойнике, преданном земле, и потому казах не утруждал себя сооружением надгробий на могилах. Мавзолеи, каменные стелы, надгробия, явившиеся материальным воплощением культа предков, возводились лишь на могилах мусульманских «святых», особо почитаемых в народе биев — старейшин родов, отличав-

¹ Ауэзов М. Путь Абая. Роман-эпопея в двух томах., т. I, М., 1971, с.181—182.



Наскальные
изображения
тулпаров —
скакунов.
Гора Айрақты.
Мангышлак

шихся справедливостью, батыров, прославившихся воинской доблестью, акынов, певцов-импровизаторов, музыкантов-исполнителей ставших любимцами публики. Однако, в связи с ростом классового расслоения казахского общества в более позднее время, главным образом, начиная с конца XVIII века мавзолеи, богато орнаментированные *кулыптасы* — стелы, *кoyтасы* — надгробные изваяния, *кoктасы* — плитки стали устанавливаться и на могилах представителей власти имущих, феодальной знати и зажиточных степняков.

Более состоятельные люди строили еще и *сахану* — фамильный склеп. В подземной части саханы, куда обычно вела лестница с низким проходным коридором, предусматривались, как правило, две камеры для погребения отдельно мужчины и женщины. В склепе покойного, облаченного в *кеби*

(*кеби*) — посмертное одяние из белого полотна, как обычно, не закапывали в землю, а выносили на поверхность. При новом погребении останки предыдущего покойника соответствующего пола спускали в колодезь, расположенный рядом.

Все это бесспорное свидетельство тому, что казахское общество, остававшееся длительное время патриархально-родовым, состояло из феодалов, владевших несметным количеством скота, кочевьями, колдовцами, и зависимых от них *шаруа* — крестьян, *кедеев* — бедняков. К феодалам относились ханы, султаны, правившие обществом и державшие его в повиновении с помощью своих дружинников — тюленгутов; бии, руководившие делами родов, племен, судопроизводством; батыры, отличившиеся в прошлом воинской доблестью и нажившие немалое состояние за счет трудового наро-

да; баи, владевшие крупной движимой и недвижимой собственностью; и, наконец, служители культа — ишаны, ходжи, муллы, занимавшиеся поборами с населения для себя и в пользу мусульманской общины. А к классу эксплуатируемых относились шаруа — крестьяне, формально не закрепленные за феодалами, но вносящие наряду с отработками и продуктовую ренту в различных ее формах; кедеи, не имевшие ни рабочего, ни продуктивного скота и попадавшие целиком и полностью в кабалу к баям и богатым «родичам».

Общество делилось на роды, племена, жузы, каждый из которых имел свое знамя, свой боевой клич — уран (ұран), например, у аргынов — «Анжол», кыпчаков — «Мукамал», найманов — «Каптагай», уйсунув — «Абак», дулатов — «Бахтияр» и т. д. Отличались и племенно-родовые знаки — тамги, у кыпчаков он имел форму «кос алип» — парной первой буквы арабского письма, коныратов — босага (косяка входных дверей), найманов — бакана (жерди), дулатов — обруча, аргынов — двух кругов, алшынов — айрыка, круга, разделенного надвое, шымыров — айшыка (полумесяца). В качестве тамги принято у канглы изображать привод коня — шылбыр, адаевцев — лук, шектинцев — стрелы лука.

Исследователями установлено, что некоторые племена, меняя в силу обстоятельств места постоянных кочевий, оказывались в сос-

таве других племен. В этом случае племена, принявшие в свой состав пришлых, усиливались за их счет, пополнив свою численность. «Миграция одного поколения, стесненного другим, — писал Ч. Валиханов, — продолжала всеобщее движение, всеобщую перемену кочевков. Это-то обстоятельство и составляет величайшую трудность при исследовании происхождения современного нам кочевого поколения»¹. В таких условиях более мелкие общности, оказавшиеся в составе других, добавляли к их общепринятым тамгам свои знаки.

Расшифровав эти знаки, сопоставив их с обстоятельствами, известными из письменных и других источников, нам кажется, можно было бы определить этнический состав, характер занятий указанных казахских родов, племен, их место исторической арены. Например, «косяки» входных дверей у коныратов подчеркивают полупоселный образ жизни этого племени, символизируя привязанность к земле, жилищу, постоянному месту пребывания. На это намекает и бытующее в народе выражение: «Если ты коныратец — докажи это постоянством!» (*Қоңырат болсаң, босағаң берік болсын!*).

Наряду с религиозными мусульманскими догмами — шариатом в казахском обществе продолжали действовать и многообразные формы обычного права — *адата* (*әдет*), поощрялась кровная месть, допускались телесные побои, насильст-

¹ Валиханов Ч. Избранные произведения. А.-А., 1957, с.325.



Интерьер
саганы

венный угон скота, узаконенные еще сводом «*Жеті жарғы*» — «Семь истин» хана Тауке. Бытовали *калым* — выкуп невесты, *амангерство* (*әменгерлік*) — унаследование жены покойного брата, родственника (однако последнее не относилось к мачехе, овдовевшей после смерти отца). *Тамырство*, или побратимство, поддерживалось обычно между людьми разных семейных

кланов для взаимовыручки, оказания услуг, просто по дружбе.

Черты патриархально-родовых отношений носил *кун* (*құн*) — выкуп за убийство. Правда, казахское общество строго различало убийство по злему умыслу и убийство по неосторожности. Последнее, как правило, влекло за собой несколько меньшее наказание.

Кулыптас.
Мангышлак.
Начало XX в.



К патриархально-родовым пережиткам можно также отнести третейский суд старейшин — биев, аксакалов, вершивших правосудие исключительно по нормам обычного права, устоявшихся народных традиций, моральных норм.

Все это следует рассматривать как следствие того, что среди казахов несколько дольше сохранялись патриархально-родовые от-

ношения, переплетавшиеся с феодалными и ставшие формой и орудием классовой эксплуатации. В борьбе за укрепление своей власти ханы опирались на биев — старейшин жузов, ослабляя тем самым власть местных правителей. При хане Аблае, например, огромное влияние как на внутреннюю, так и внешнюю политику оказывали бии — наместники хана, старейши-

ны трех жузов: старшего — Толе Алибекулы (1663—1756), среднего — Казыбек Келдибекулы (1665—1765), младшего — Айтеке (Айтык) Байбекулы (конец XVII—середина XVIII вв.), трезвомыслящие государственные деятели тогдашнего Казахстана. Казыбек Келдибекулы (Казыбек-бий) оказался еще и крупным дипломатом своего времени. Сподвижник ханов Тауке, Самеке, Абыльмамбета, он был посредником Аблая в его переговорах с царским правительством о принятии казахов среднего жуза в состав России. Благодаря его личному влиянию Аблай переходит постепенно на позиции сближения с Россией. За свой ораторский талант — прекрасное владение приемами риторики, умение красиво излагать свои мысли, живость слова он был прозван Каз-дауысты — звонкоголосым Казыбеком.

С конца XVIII — начала XIX вв. еще больше усиливается феодальный гнет народных масс, доведенных и без того до полного обнищания джунгарским нашествием, непрекращающимися набегами кокандских, хивинских правителей, междоусобицей местных феодалов. Султаны, усилившиеся после упразднения титула хана, по-прежнему продолжали собирать с населения натуральные подати, распоряжаться землей, кочевьями. Особыми привилегиями стали пользоваться и старейшины родов — бии, наживались на эксплуатации чужого труда баи, на обмане людей — ишаны, ходжи и муллы.

Между тем, завершение присоединения Казахстана к России в

60-х годах XIX века способствовало вовлечению его в систему общерусской экономики, возникновению в Казахстане русских, украинских поселений, городов, развивавшихся уже по капиталистическому пути, дальнейшему сближению казахов с русским народом. В 1887 году в составе Туркестанского генерал-губернаторства были созданы Сырдарьинская и Семиреченская области. Год спустя в составе Оренбургского генерал-губернаторства были образованы Уральская и Тургайская, а Западно-Сибирского (позднее — Степного) генерал-губернаторства — Акмолинская и Семипалатинская области. Эти области делились на уезды, уезды — на волости, волости — на административные аулы из 120—200 семей. Вся земля объявлялась государственной собственностью, были внесены изменения в судопроизводство и юриспруденцию.

Реформы 1867—1868 гг. вызвали бурное негодование по существу всех слоев казахского общества. Султаны были недовольны ограничением их прав, бии-старейшины никак не могли примириться с ломкой управления по родам, племенам, изменениями в судопроизводстве, народные массы возмущались усилением произвола царизма и местных феодалов, увеличением налогов, ограничениями в землепользовании и т. д.

Классовая борьба между феодалами и бедняками, проявлявшаяся ранее в откочевке, угоне скота, стала теперь приобретать характер открытых

столкновений. Так что «Нар-Таукел!»—«Добро! Рискнем!»— выражение решимости людей, осознавших, что им терять нечего, имело прямой смысл. К решительной борьбе призвал свой народ пламенный патриот, поэт Махамбет Утемисов. «О, злые ханские отпрыски! Нам не ужиться с вами. Вы враги наши, врагам не быть друзьями!»— говорил он. Но силы были неравными. Вспыхнувшие в 1867—1868 годах народные волнения в Уральской, Тургайской областях, на Мангышлаке были жестоко подавлены.

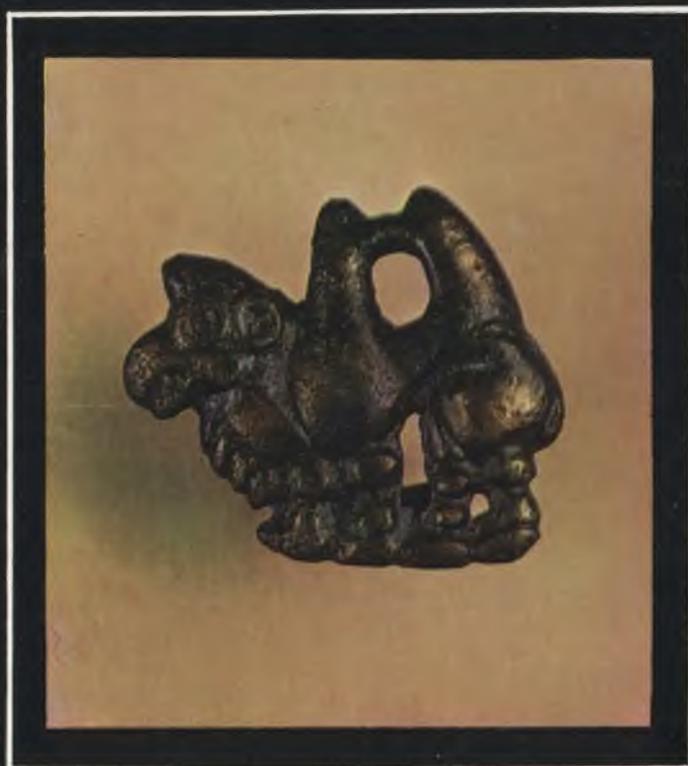
Общественный строй казахов, сохранявший черты патриархально-феодального вплоть до конца XIX в., единство мировоззренческих представлений, нравственных

устоев, религиозных верований несомненно ускоряли консолидацию народа на единой историко-культурной основе. Этому процессу была присуща взаимосвязь этноса и социальной структуры, экономики и образа жизни.

Знание этих факторов для нас важно еще и потому, что интерпретация истории используется сегодня для нападков на социализм как слева, так и справа. В такой обстановке сам факт сохранения этнокультурных и иных ценностей народа выступает бесспорным свидетельством проявления заботы социалистического государства и может быть использован для отражения этих наскоков, оспаривания неверных оценок.



В ТИСКАХ ЭКСТЕНСИВНОСТИ



*«Что в жизни считать несчастьем?
Степь, где тесно пасти — несчастье.
Доброе слово, которое мы
Не успели сказать, — несчастье».*

Асан Кайгы



В тисках экстенсивности

Несмотря на то, что становление кочевого, полукочевого и оседлого типов хозяйства в Казахстане своими корнями уходит к началу I тыс. до н. э. и развитие этих типов хозяйства в разных климатических условиях происходило одновременно, хотя и различными темпами и никогда не прекращалось¹, казахов по инерции продолжают считать типичными кочевниками, не имевшими ничего общего с оседлостью, земледелием и тем более городской цивилизацией. При этом не принимается во внимание и то обстоятельство, что основой формирования, даже и существования трех казахских жузов — старшего, среднего и младшего также являлся тот или иной оазис, где находились города, оседло-земледельческие поселения, жители которых занимались не только торгово-ремесленными делами, но и скотоводством, орошаемым земледелием, пусть даже ма-

лопродуктивным. Не всегда и не обязательно скотоводы степей и земледельцы соседних с ними оазисов были этнически различным населением. На протяжении всей истории в составе одной и той же кочевой народности или племенного объединения какая-то часть его была полукочевой и даже оседлой. «Элементы оседлости и земледелия всегда сопутствуют кочевому скотоводческому хозяйству», — доказывают советские ученые².

Имея своих сородичей на берегах Сырдарьи, в долинах Таласа,

¹Кадырбаев М. К. Скотоводство (историко-археологический очерк) — «Хозяйство казахов на рубеже XIX — XX веков», А.-А., 1980, с.40.

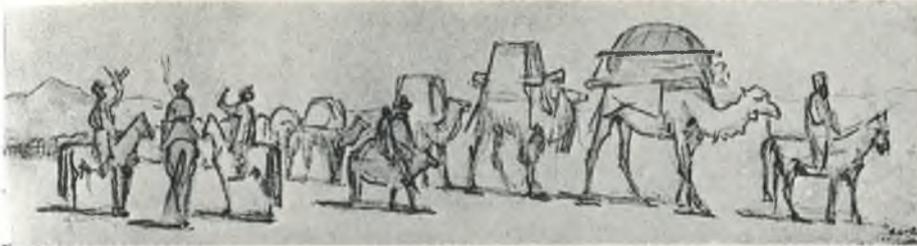
²Толстов С. П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. ИГАИМК, вып. 103, М.—Л., 1934, с.171; Жданко Т. А. Номадизм в Средней Азии и Казахстане (Некоторые исторические и этнографические проблемы). История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с.274 — 281.



*В урочище
Каска-су.
Южный Казахстан*

Келеса, Арыси, Чирчика, бассейне знаменитых семи рек — Джетысу, кочевники-скотоводы поддерживали с ними регулярные и достаточно прочные экономические связи, о чем свидетельствуют результаты раскопок на Отраре и других средневековых поселениях. В обмен на баранов, лошадей, верблю-

дов, шерсть, меха, кожи, шкуры кочевники получали в оазисах хлеб, который наряду с мясом и молочными продуктами составлял основу их пищи, а также ткань, посуду, оружие. В таких контактах было заинтересовано и население оазисов, которое получало из степей необходимые продукты.

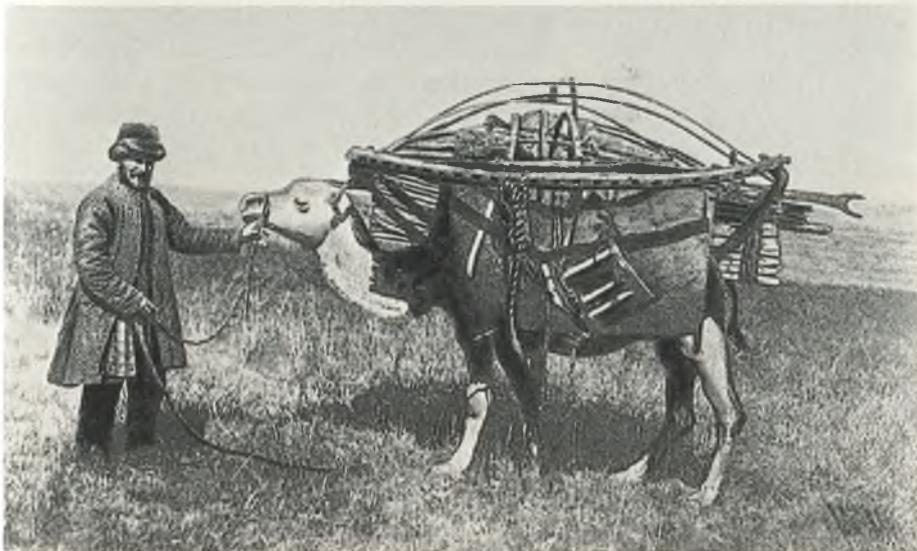


В. Верецагин.
Эскиз к картине
«Перекочевка
казахов («С гор
на долины»)

История знает немало примеров того, как казахи не раз отражали натиск среднеазиатских правителей, всегда стремившихся к овладению туркестанскими (присырдарьинскими) городами, к которым относятся Сыгнак, Сауран, Йасы (Туркестан), Сузак, Отрар, Сайрам и другие. «Этот район был чрезвычайно важен для казахских ханов, предводителей кочевых узбеков, правителей Могулистана и Мавераннахра как в экономическом отношении, будучи областью развитого земледелия, прекрасных

зимних пастбищ, ремесла и торговли, так и в военно-стратегическом. Между ними шла неухающая борьба за господство над этим районом на протяжении всего XVI века. Города Туркестана переходила из рук в руки. Только к концу века район среднего течения Сырдарьи вошел в состав Казахского ханства»¹. Примерно с

¹А х и н ж а н о в С. М. К вопросу о знаках на керамике позднесредневекового Отрара — «Древности Казахстана», А.-А., 1975, с.55.



Навьюченный
верблюд. XIX в.



Жылкышы —
табунщик

этого времени до первой четверти XVIII века, то есть до нашествия джунгаров, города эти подчинялись казахским правителям, которые, опираясь на своих соплеменников как на военную силу, чувствовали себя полновластными хозяевами этого региона и получали немалые доходы с городского торгово-ремесленного населения и окрестных дихан (дехкан) — земледельцев в виде налогов и повинностей.

Поэтому при оценке хозяйства казахов прошлого, очевидно, надо исходить из того, какая его форма преобладала в том или ином регионе и в каких пропорциях сочеталась с другими. В степях Сары-Арки (дословно с древнетюркского — «желтые дали»), например, казахи разводили в большом количестве овец, лошадей, верблюдов, которые содержались на подножном корму и постоянно нуждались



в перемене пастбищ. В силу этого обстоятельства крупные скотовладельцы были вынуждены перекочевывать на дальние расстояния, тогда как относительно малоскотным степнякам достаточно было одно-, двух- или трехдневного перехода, чтобы продержаться на ближних кочевьях. При этом и те и другие охотно эксплуатировали труд *жатаков* (*жатақ*) — самой обездоленной части степного населения позднего средневековья, вынужденной оседать за неимением собственного скота. Жатаки, дословно — «лежащие», занимались строительством и ремонтом зимних стоянок — кыстау, с их жилыми и хозяйственными постройками, заготовкой сена для байского скота, которого далеко не всегда хватало на зиму, примитивным земледелием на речных заводях, вокруг пресных озер. Все богатство у

жатака состояло, как правило, и одной или двух молочных коров, верблюда и лошади в качестве тягловой силы. Овец и коз у него почти не было.

«Кочевой степняк ест, пьет одевается скотом, — писал в свое время Чокан Валиханов, — для него скот дороже своего спокойствия. Первое приветствие киргиза¹, как известно, начинается следующей фразой: «Здоров ли твой скот и твое семейство?» Эта забота, с которой наперед осведомляется скоте, характеризует (его) более, нежели целые страницы (описания

¹В данном случае речь идет о казахе. В связи с присоединением Казахстана к России европейцы стали называть казахов «киргиз-казаками» или «киргиз-кайсаками», чтобы не путать их с русскими казаками, а также тяньшанскими киргизами, известными в истории под названием каркиргизов, с учетом тавтологии последних киргизов по языку, культуре и быту.

Старики у юрты.
Конец XIX в.



М. Знаменский.
«Казахский аул».
1866 г.





ний)»¹. А благополучие скота — главного богатства степняков зависело полностью от природных условий, в соответствии с которыми исторически сложились и сезонные пастбища. Северные лесостепные и юго-восточные горные районы Казахстана, где выпадало значительное количество осадков, использовались главным образом под летние пастбища — *джайляу* (*жайлау*), восточные же и центральные под зимние — *кыстау* (*кыстау*). А вот весенние — *коктеу* (*көктеу*) и осенние — *кузеу* (*күзеу*) пастбища непосредственно примыкали к призимовочным территориям. Сезонные пастбища, хотя традиционно и распределялись между родами, находились,

¹ В а л и х а н о в Ч. Избранные произведения. А.-А., 1958, с.331.

за исключением зимних, в общем пользовании.

Для казахов характерны все известные в истории виды кочевания — так называемые «меридианальное», «вертикальное» «призимовочное», определяемые прежде всего количеством скота хозяйствах, природно-климатическими условиями, в которых находились те или иные группы кочевников-скотоводов. Причем и кочевники, и полукочевники имели свои обособленные зимние стоянки, с охраняемыми участками для пастбы молодняка, слабые животных. Они назывались *кору* (*қорық*) или *кой болик* (*қой бөлік*). Более самостоятельные скотовладельцы располагали еще запасными зимовками — *келте кыстау* (*келте қыстау*), *жалга кора* (*жалған қора*) и часть своей

Игра в «тогыз-
сумалак»



Шырақдан —
свечильник.
Отрар. X—XII вв.

скота содержали в зимнее время в стойлах.

Летние кочевья казахов среднего и младшего жузов находились в лесостепной и степной зоне Сары-Арки, зимние — в поймах Сырдарьи, низовьях Чу, у подножий Каратау, в Приаралье, на Мангышлаке. С ранней весны, вслед за наступающим теплом кочующие начинали движение на север. Казахи южной части степей Сары-Арки, которые не только летом, но и зимой вели кочевой образ жизни в низовьях Чу, проходили только в одном направлении до тысячи километров от реки Чу, через Бетпак-Далу, Улытауские

горы до нынешнего Атбасара. Кочевое население правобережья Сырдарьи двигалось на север через Каракумы, Айнакуль на Тургай и далее до Кустаная. От плато Устюрт и Мангышлака, низовьев Урала, берегов Уюла, Сагыза, Иргиза, где не хватало летних пастбищ, люди перекочевывали за лето в пределы нынешних Уральской, Актюбинской и Кустанайской областей, преодолевая более тысячи километров в одну сторону. Однако немало хозяйств передвигалось в пределах своих исконных земель. А маломощные хозяйства или обедневшее население оставались и на зимних стоянках. Число таких хозяйств в начале XX в. было довольно велико даже в таких чисто кочевых

скотоводческих районах, как Мангышлак и Устюрт, низовье Сырдарьи.

Таким образом, многочисленные стада скота казахов среднего и младшего жузов летом находились на приишимских, тургайских, притобольских, приуральских и актюбинских пастбищах. А с приближением осени, вслед за отходящим теплом они двигались обратно на юг, к местам зимовок. Маршруты таких перекочевок регулировались в первую очередь расположением водных источников. Кочевали обычно аулом — подвижным селением, связанным родственными узами или хозяйственными выгодами, придерживаясь, во избежание столкновений с соседями, одних и тех же урочищ,



Шыгыр —
водоподъемник.
Конец XIX в.



колодцев. В урочищах с обилием травы, хорошим водоемом аул располагался на несколько дней, а если позволяли условия, и больше. В безлюдных пустынях со скудным травостоем стоянки сокращались до 2—3 дней. Этот вид кочевания у казахов принято считать «меридианальным», т.е. с юга на север и с севера на юг.

Для казахов старшего жуза летними кочевьями служили предгорья и горы Алтая, Тарбагатая, Джунгарского, Заилийского и Таласского Алатау. Зимовали обычно в песках Мойынкумов, Сары-Ишик-Атрау, горных доли-

нах, защищенных от холодных ветров, всюду, где бывало не так много снега и скот мог доставать корм. Весной, поднимаясь постепенно в горы, кочующие приводили свои стада на альпийские луга, где скот находился все лето. К осени все стада вновь спускали вниз. Это и есть т. н. «вертикальное» кочевание, с его несколько менее растянутыми, по сравнению с «меридианальным», переходами.

Третье, так называемое «призимовочное («стационарное») кочевание, было характерно для засушливых районов юга Казахстана. Зиму кочевники-скотоводы прово-



*Жагаа.
Конец XIX в.*



*Қырман — ток.
Конец XIX в.*



*Скирдование сена.
Конец XIX в.*

дили в селениях, расположенных в районах орошаемого земледелия, где находились их усадьбы с незначительным запасом сена, чтобы можно было держать при себе небольшое количество скота. А основные стада зимовали в тугаях, камышовых зарослях поймы Сырдарьи, Таласа, Чу, где животные могли сами добывать корм. Весной более состоятельные скотоводы выезжали со своими стадами на небольшие расстояния по обе стороны Сырдарьи, вдоль хребта Каратау, Таласского Алатау, Угама, располагаясь на лето около озер, колодцев, а поздней осенью возвращаясь на

зимние угодья. Расстояние до летовок было в пределах 40—50 километров.

Для всех видов кочевания казахов характерен был свой видовой состав скота. При «меридианальной» системе кочевания в стаде было много овец, лошадей, верблюдов, особенно двугорбых, способных тебеневаться, т. е. самостоятельно доставать корм и переносить трудности длительного перехода. При «вертикальной» системе — к овцам, лошадям добавлялись и коровы, а при «призимовочной» — и те и другие животные, но только в ограниченном количестве. Последовательное



передвижение по сезонным пастбищам являлось единым производственным процессом, при котором кочевка выступала как стадия его замкнутого годового цикла.

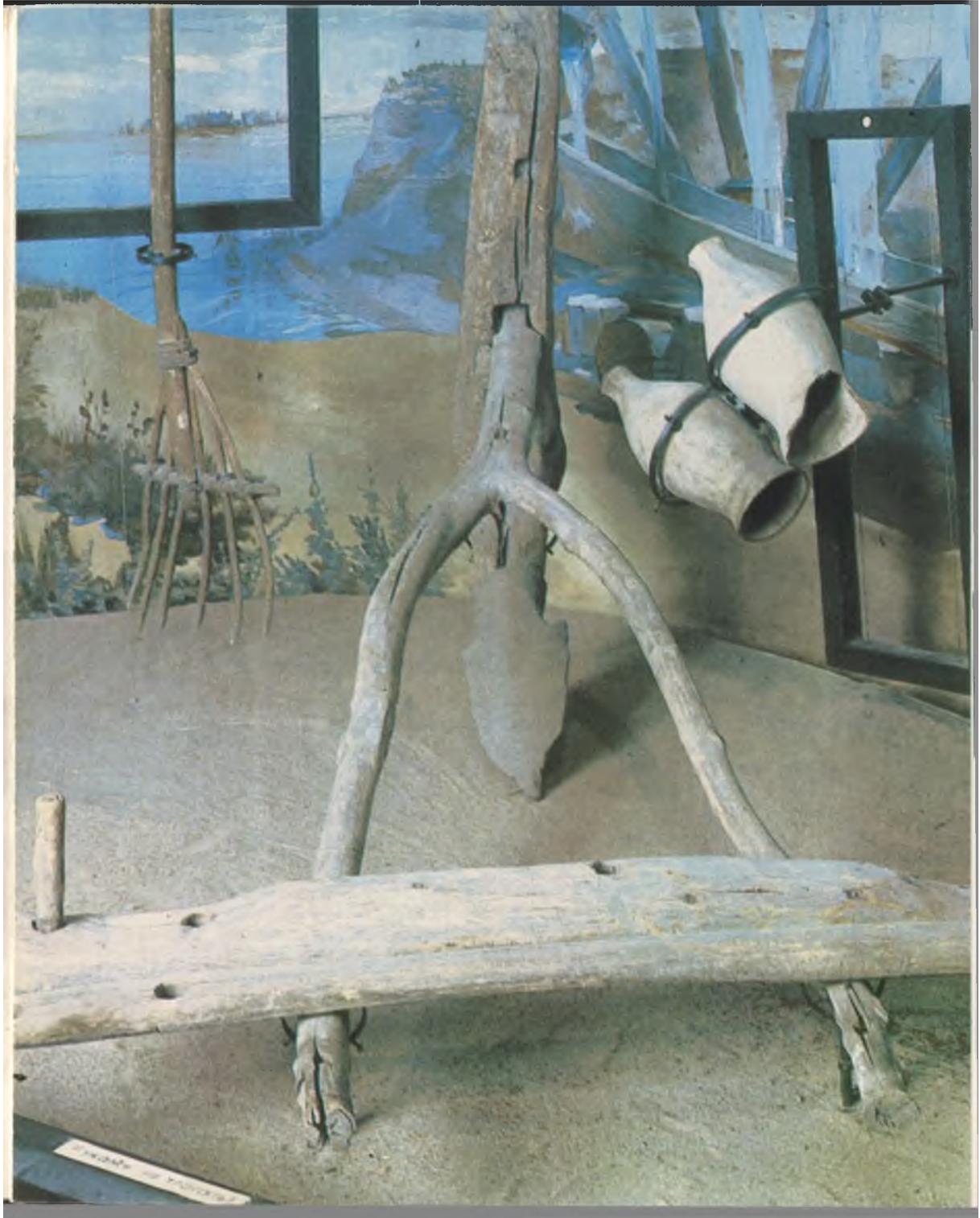
Несмотря на трудности перехода, летние перекочевки — лучшее, что степняк мог испытывать в жизни, когда скот на летнем подножном корму быстро набирает вес, можно наслаждаться свежим мясом, молоком и кумысом, провести беспечно несколько месяцев на чистом воздухе под открытым небом. Это и пора свадеб, состязаний в песнях, ловкости, силе. И потому щедрое лето с его красочными переездами воспето в

6—35

песнях, эпической поэме «Кыз-Жибек» всеми красками стихосложения.

По всей вероятности, именно с тех далеких времен осталась у казахов традиция любовно украшать ковровыми изделиями навьюченного верблюда, для которого специально изготовляли попоны с вышивкой и всевозможными подвесками. Караван навьюченных верблюдов обычно водила девушка в богатом наряде на коне-иноходце или на головном верблюде — наре.

...Снова девушка одна
Возглавляет караван
И ведет на поводу



Тридцать наров — все желты!
 Сам таких не видел ты!
 Медь намордников — как жар,
 Шелк сученый — повода,
 А под ней самую нар —
 Краше всех, могуч и яр!
 А сама, сама она —
 Словно полная луна,
 Как серебряный сазан,
 Разыгравшийся в воде,
 Гнет она свой гибкий стан...

— так описывается кочевье богатого аула в эпической поэме «Кыз-Жибек»¹.

Однако, по мере изъятия колониальной администрацией царизма лучших земель у казахов, начиная со второй половины XIX века, размеры летних пастбищ с севера на юг постепенно уменьшались, а в некоторых местах были сведены к нулю, что привело к резкому изменению традиционных путей кочеваний. Но несмотря на это, их основные типы сохранялись долго, только в других пропорциях и размерах.

На обширных равнинах по среднему и нижнему течению Сырдарьи, ее притоков Арыси, Келеса и Чирчика, в бассейнах Таласа, Чу, Или казахи знали с давних времен способы регулярного орошения земель с помощью арычных систем, по которым вода поступала самотеком на поля, для чего сооружали магистральные каналы, делали искусственные запруды во время разлива рек, заполнявшего естественные низины, котловины, старицы, овраги. Ими использовались также и участки речных



долин, обильно орошаемые паводковыми водами, дно усыхающих летом озер. На небольших площадях высевали просо, пшеницу, ячмень, овес, кукурузу, выращивали дыни и арбузы, а по свидетельству П. Рычкова, кое-где растили и «хлопчатую бумагу», т. е. хлопок². Следы былых вино-

*Орудия труда
 дихана.
 Тырма, аши,
 кетпен, айыр*

² Рычков П. Обстоятельное описание Оренбургской губернии. Часть I, СПб., 1762, с. 30.

*Жерагаш —
 пахотное орудие
 дихана*

¹ Казахский эпос. Пер. Л. Пеньковского, А.-А., 1956. с. 548.

В одной из шахт
Караганды.
1903 г.



градников выявлены у старинного казахского селения Чилик, что в низовьях реки Бугунь. Садами и виноградниками славилась и округа древнего Тараза.

Монголы, завоевавшие Казахстан в XIII веке, разорили его основные экономические и культурные центры, нанесли огромный урон оседлоземледельческой культуре наших предков. Были разрушены города, магистральные каналы, выведены из строя системы регулярного орошения. Десятки тысяч ремесленников, земледельцев были физически уничтожены или угнаны в рабство.

Едва восстановленное в после-монгольский период земледелие у казахов вновь подвергалось жестоким испытаниям во время завоевательных походов Тамер-

лана в XIV веке, позже — в 1723—1728 годах, известных в истории казахов как «годы великих бедствий» («Ақ табан шұбырынды»), когда большая часть оседлоземледельческого населения была истреблена, а те, кому удалось спастись, покинув свои селения, поневоле стали кочевниками-скотоводами. Сведения о следах опустошения, запущенных полях и садах мы находим в путевых записях Ф. Назарова, следовавшего в 1819 году из Сузака в Чимкент¹. Дома, которые он встречал в пути, имели вид укреплений, хотя возле них находились обработанные поля и на лето стави-

¹ Назаров Ф. Записки о народах и землях средней части Азии. СПб., 1821, с. 31.



лись юрты — верные признаки того, что их хозяева жили в ожидании неприятелей, в экономическом укладе сочетали скотоводство с земледелием.

Вполне возможно, что именно в «годы великих бедствий» население присырдарьинских оазисов вернулось вновь к практике первоначального скотоводства. Сажали из плодовых только урюк, не требующий особого ухода, закрепляли декоративными деревьями берега *оманов* — арыков, *котерме* (*көтерме*) — насыпных участков оросительных систем. И потому исследователями не отмечено наличие у казахов культурных садов, виноградников в период после нашествий джунгаров, за исключением тех немногих, которые жили в городах

и селениях с сохранившимися садоводческими традициями.

Тем не менее значительная часть населения юга Казахстана продолжала сочетать земледелие со скотоводством, при этом в некоторых районах оно занимало доминирующее положение в хозяйстве казахов. Обычно во время паводков Сырдарья разливалась на многие километры, заполняя емкости прибрежных озер, запруживаемых *диханами* после половодья, чтобы предотвратить обратный сток воды в реку. Накапливаемую таким образом весной воду разбирали по оросительным сетям, каких было великое множество во все времена по обоим берегам реки. А на Арыси Бугуни, Келесе, Таласе и Ч. сооружались специальные плоти



Доение кобылицы.
Начало XIX в.

ны, именовавшиеся в народе *богетом* (*бөгет*), *тоганом* (*тоған*). Для укрепления дамб, плотин использовали также *карабуру* (*қарабура*) — связку хвороста или камыша. Карабуру опускали в воду у основания сооружений. На дамбы, головные арыки ставились *чигиры* (*шығыр*) — водоподъемные устройства, с помощью которых подавали воду в оросительные сети¹. Обработывали

¹ Один из городов на Сырдарье назывался *Зернук* — это название разновидности чигира.

землю примитивным способом, удобряли овечьим навозом, залежавшимся и прогнившим под толщею подстилок в скотных дворах. *Атызы* (*атыз*) — небольшие делянки для злаковых, бахчевых, клевера, огороженные тamarиском, реже *дуалами* (глинобитными стенами), традиционно располагались в тыловой части усадьбы — жилого дома с хозяйственными постройками, куда вода подавалась арыками из магистрального канала.

Более состоятельные казахи, имевшие тягловых животных и

рабочие руки, могли, конечно, высевать пшеницу, ячмень, просо, овес, кукурузу на нескольких гектарах, лишь бы земля была плодородной и можно было поливать посевы водой из арыков. Участки эти были, как правило, разового пользования и не закреплялись за хозяевами, нередко забрасывались после двух-трех посевов. О них напоминали лишь сохранившиеся в дальнейшем названия полей, например — турабаевские тальники, козыбакова балка, курмановское поле и т. д.

Далеко за пределами юга славились дыни — «сатыбалды», «басыбалды», «торлама», «сексеул», «аккауын», «шыртылдак», «каракауын», арбузы — «карадарбыз»,

«аладарбыз», отличавшиеся не только вкусовыми качествами, но и весом. Для того, чтобы набрать вес побольше, стебли дыни приподнимали на раздвоенных ветках, чтобы плод не касался земли. К тому же выращенные таким способом дыни сохранялись дольше.

Молочную корову дихан держал при себе, отправляя по утрам на пастьбу вместе со скотом соседей. Образованные таким образом гурты, так называемые «пада», пасли поочередно или нанимали пастуха. Рабочую лошадь, кобылицу с жеребенком держали на своих покосах.

Такая форма ведения хозяйства обуславливалась еще и тем, что



*Коце́к — кобылий
подойник.
Миска*



*Доение овец
на привязи коген*

вдоль Сырдарьи, Келеса, Арыси, Таласа и Чу было много корма для скота, особенно для крупного рогатого, а расположенные рядом предгорья Каратау, Таласского Алатау, пески Кзылкумов и Мойынкумов могли служить летними выпасами для небольшого количества овец, верблюдов. Скот мог пастись также на *анызах* (*аңыз*) — полях, освобождавшихся после уборки урожая.

В силу сложившейся веками

традиции, исходя еще из того обстоятельства, что поливные земли давали все же гарантированные урожаи, казахи занимались орошаемым земледелием даже в тех районах, где возможно было богарное (неполивное. — У. Д.). Большинство арычных систем в основном выводили из горных или степных речек. Так, в Чимкентском уезде орошаемые пашни были на реках Арысь, Бугунь, Аксу, Чаян; в Аулие-



Атинском — значительные посевы были расположены в долинах Чу и Таласа; в Верненском уезде воду выводили из многочисленных притоков Или, берущих начало в горах; в Тургайском уезде источником орошения служила р. Тургай с притоками; в Каркаралинском — р. Тоқырауын и ее приток Жинишке и т. д. В степных районах широко использовали также озера, например, Кургальджинское в Акмолинском уезде и др.¹ Это в

¹ Биржанов К. А., Захарова И. В. Распространение поливного и неполивного земледелия. Способы орошения и типы ирригационных сооружений. — «Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX вв.» А.-А., 1980, с. 177.

то время, когда с богарным земледелием казахи были знакомы в общем-то давно, выращивая злаковые на склонах предгорий Каратау, Таласского, Заилийского, Джунгарского Алатау, где выпадало достаточное количество осадков.

Однако, начиная с середины XIX века, в связи с переселенческим движением из России и Украины, оказавшим огромное влияние на распространение повсеместно богарного земледелия, орошаемое было вытеснено из многих этих мест. Но в целом уровень земледелия у казахов оставался низким.

Население левобережья Сыр-

Саба.
Емкость для
приготовления
и хранения кумыса





Взбалтывание
кумыса в сабе



Торсык, саптыаяк —
емкости для
хранения
и разлива кумыса

дарьи параллельно со скотоводством и земледелием промышленно караванным извозом саксаула из Кзылкумов. Из саксаула выжигали уголь, добывали в природе охру, варили мыло, заготовливали у кочевников шерсть, скручивали арканы. Всю эту продукцию реализовывали на городских рынках юга Казахстана и Средней Азии¹. *Крекеши* (*кірекеш* — караванные погонщики.— У. Д.) совершали многодневные переходы с караванами верблюдов не только в Туркестан, Сайрам, Чимкент,

¹ Кармышева Б. «Кочевая степь» Мавераннахра и его население в конце XIX и начале XX вв.—«Советская этнография», 1980, № 1, с. 52.

Аулие-Ату (так прежде назывался нынешний Джамбул), но и в Бухару, Самарканд, Ташкент.

Рыболовством казахи занимались на берегах Каспия, Арала, в речных заводях Сырдарьи, Урала, Или, на многочисленных степных озерах. Охота у казахов не была промысловой, она скорее походила на увлечение отдельных богатых людей, предпочитавших облавную охоту, меньше всего утруждавших себя поисками и выслеживанием дичи. Нелегко было охотнику-бедняку прослыть среди них мергеном — стрелком, когда во время охотничьих «состязаний» ему приходилось соперничать с владельцем борзой собаки и ловчих птиц, прежде всего, беркута. Охотились

Приготовление казы



на пернатую дичь, зайцев, лис и волков. Прелести такой охоты в яркой, красочной форме описаны в эпической поэме «Камбар и Назым», народных сказаниях.

Таким образом, опираясь на результаты научных исследований хозяйства и образа жизни казахов конца XIX—начала XX веков, можно выделить у них три основных хозяйственно-культурных

типа, характерных для территории их расселения. Это кочевое население степей, занимавшееся подвижным скотоводством; полuosедлое население, сочетавшее скотоводство с земледелием, главным образом, поливным; оседлое население оазисов, ведущее интенсивное земледельческое хозяйство также с применением искусственного орошения. При этом послед-



Кумыс и шужук
на дастархане

нее занимало к началу XX века доминирующее положение, о чем свидетельствуют и данные переписи 1920 года. Тогда 53 процента казахского населения занималось земледелием, сочетая его со скотоводством, 22 процента — находилось в условиях полуседлости, 25 процентов — кочевничества¹. Цифры эти приведены тем более без учета данных по Сыр-

дарьинской и Семиреченской областям, входившими тогда в состав Туркестанской республики в которых процент оседлого населения должен был быть гораздо выше. Например, в конце XIX — начале XX вв. в Чимкентском уезде

¹ Аргынбаев Х. А. Қазақтың ма- шаруашылығы жайында этнографиялы очерк. А., 1969, 33-б.

оседлые казахские хозяйства составляли 83,4 процента, кочующие — лишь 16,6 процента. Причем абсолютное большинство казахского населения со всем своим скотом находилось в пределах призимовочных пастбищ, а на относительно дальние джайляу, сосредоточившиеся в предгорьях Каратау, в песках Кызылкумов, уходили лишь более состоятельные хозяйства¹.

В этой связи особенного внимания заслуживает вывод известного советского учено-востоковеда Льва Николаевича Гумилева о том, что кочевники организуют фауну своей территории, земледельцы — флору.

Орудия труда скотоводов, будучи функционально совершенными, не изменялись на протяжении веков. Таковы, например, приспособления для привязи: овец — *косак* (*қосақ*), ягнят — *коген* (*көген*), жеребят и верблюжат — *жели* (*желі*), коров и телят — *бас жип* (*бас жіп*); недоуздок, привод для коня — *шылбыр*, повод для верблюда — *буйда* (*буйда*), крюк для ловли лошадей — *курык* (*құрық*) и др.

В качестве пахотного упряжного орудия казахи испокон веков пользовались *жерагашем* (*жерағаш*), известным с эпохи бронзы и раннего железа. Он представлял собой что-то среднее между оралом и сохой, не имел отвала и только разрывал и раз-

двигал землю в обе стороны. Жерагаш состоял из естественно искривленного ствола дерева — корпуса с глубоким отверстием для носка пахотного орудия — сошника (*тіс*, *бозна*, *түрен* — в разных районах), вставляемого в паз корпуса и закрепляемого клином *грядили* (*жетекағаш*, *оқтық*), а также упряжного для тягловых животных приспособления — *ярма* (*мойынтұрық*). Рукоятка жерагаша — *тутка* (*тұтқа*) служила правилом, с помощью которого направлялось его движение.

Другим наиболее распространенным типом пахотного упряжного орудия в конце XIX — начале XX вв. был *сабан* (*атсабан* — на юге Казахстана) — местная разновидность колесного плуга, который состоял также из корпуса, двухколесного передка, бруса — *белагаш* (*белағаш*), соединяющего корпус сабана с передком, *грядили*, закрепляемой на передке и служившей для упряжки животных. На белагаше располагались два отверстия, в переднее из них вставлялся резец — *кылыш*, находившийся перед сошником и резавший для него почву, во второе, располагавшееся над плоскостью сошника, вкладывался винтовой железный стержень, регулировавший угол наклона сошника, т. е. глубину пахоты. Сошник же сабана бывал массивнее сошника жерагаша и в отличие от него имел трубицу, на которую насаживался носок полоза. На ось колесного передка крепился деревянный брус — *палек* (*пәлек*). Вспашка сабаном требовала в зависимости от

¹ Аргынбаев Х. А. Направление и протяженность кочевых путей — «Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX вв.» А.-А., 1980, с. 76.

состояния земли тяглового скота в две и более пары, особенно когда поднимали целину. Тягловый скот запрягался пара за парой, грядиль второй пары укреплялась на ярме первой пары, грядиль третьей — на ярме второй. На правом конце планки, соединявшей рукоятки сабана, предусматривался зубец, на который накидывали вожжи — *делбе*.

На орошаемых землях юга Казахстана, Семиречья широко применялся *кетпен* (кетмень), отличавшийся от общепринятых тяпок размером и несколько округленной формой, *курек* — лопата, *отак* — тяпка, изготавливаемые методом горячейковки. Ими копали каналы, водоемы, канавки, обрабатывали посеvy, удаляли сорняки.

В качестве бороны казах использовал обыкновенное бревно (*мала*), накладывая на него тяжести или становясь на него сам. Широко применялся им и другой вид бороны, состоящий из двух массивных балок с деревянными зубьями, соединенных для образования квадрата двумя планками. Кольцо тяги прикреплялось к одной из этих балок. В обиходе была рамочная борона с находившимся друг от друга на расстоянии 10—15 см поперечными планками и вставленными в них деревянными зубьями. Кольцо тяги в данном случае крепилось на один из углов рамы.

Для жатвы, сенокоса использовались цельнокованные, с жестким сквозным креплением, или без него, серпы — *кол орак* (*қол*

орақ), лезвия которых традиционно не имели зубьев, были гладкими, а также серпы, изготовленные из кос — *шалгы орак* (*шалгы орақ*), которые представляли собой часть лезвия косы, с прикрепленным к ней железным черенком или деревянной рукояткой.

Определенный интерес представляет подготовка тока — *кырмана* (*қырман*) к жатве. Обычно кырман располагался вблизи посевов, его площадь зависела не только от количества рабочего скота, используемого в молотье, но и ожидаемого объема зерна. На площадке, выбранной для кырмана, дихан снимал верхний дерновый слой и оголенный таким образом грунт заливал водой. После некоторой просушки, разбросав на площадке солому или сено, гонял по ней скот в течение нескольких часов. И когда земля утрамбовывалась и становилась твердой, сгребал настил и давал ей просохнуть в течение 2—3 дней. Тщательно подметая всю площадь, готовил кырман к приему урожая. При повторном использовании кырмана его подравнивали, вновь заливали водой и после подсыхания утрамбовывали бревном, привязанным к лошади или верблюду. А на орошаемых землях кырман устраивался непосредственно на одной из делянок хлебного поля, где грунт был достаточно уплотнен многочисленными поливами. Посередине кырмана вбивался короткий, высотой до двух метров стоб (*оқағаш*) со свободно вращающимся металлическим

*Казы, карта.
Блюдо из конины*



*Шужык.
Блюдо из конины*





*Карта.
Блюдо из колбасы*



Баурсаки

Блюда из пшеницы,
проса, молока
с маслом



колесом, к которому прикрепляли приводы животных, используемых для молотбы. Животных прогоняли по кругу. А с конца XIX в. по примеру переселенцев казахи-земледельцы стали применять и каменные катки. Вилами (*айыр, аша*), граблями (*тырма*) очищали зерно на току от соломы, деревянной лопатой веяли его, просеивали через решето (*елек, қалбыр*), освобождая хлеб от камней и других примесей. В качестве решета использовали и старые тазы, ведра и другие металлические емкости, в днище которых пробивались мелкие отверстия, после чего они подвешивались на треногу для просеивания.

Зерно хранили в небольших утепленных соломой ямах (*үра*).

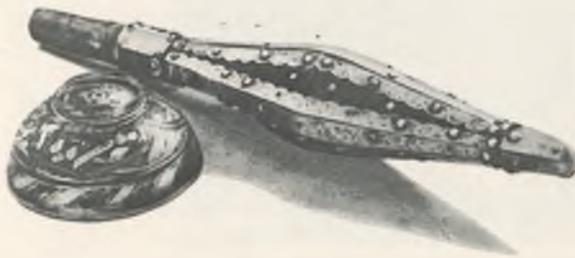
вырытых во дворе дома. Те, кто располагал относительно большим хлебом, имел амбары — *камба* (*қамба*) в составе жилого дома. Из приведенных выше примеров явствует, что хозяйство казахов испокон веков было экстенсивным, основанным на кочевом, полукочевом скотоводстве, низкотоварном богарном или орошаемом земледелии, примитивных орудиях труда, способах обработки почвы. Тем не менее к началу XX в. в формах хозяйствования, быту и образе жизни казахов произошли значительные качественные изменения. Включение Казахстана в орбиту общероссийской экономики способствовало возникновению и развитию горнодобывающей и нефтяной промышленности, рыбных и соляных промыслов и на



этой основе пока что малочисленного, но организованного рабочего класса, процесс формирования которого значительно ускорился со строительством Транссибирской и Оренбургско-Ташкентской железных дорог. Ряды рабочего класса пополнялись за счет обедневших крестьян, бедняков — кедеев, жатаков — самых обездоленных слоев казахского общества.

В составе рабочих казахи составляли тогда до 70 процентов. Они овладевали массовыми профессиями с помощью русских рабочих, что само по себе имело особо важное значение для сближения двух народов.

Наличие в хозяйстве казахов земледелия и скотоводства, преобладание последнего на громадной степной территории в



*Ыдыс-аяк.
Кумысный набор*

*Головка пспека.
Инкрустация
серебром.
Тостаган
серебряный. XIX в.*

*Ожау — черпаки
для кумыса*

*Теркеш войлочный.
Начало XX в.*



*Кели-келсап —
ступы деревянные*



значительной мере определило характер и особенности их кухни, которая является наиболее устойчивым элементом материально-бытовой культуры народа. Она отличается разнообразием и специфичностью продуктов. Основу ее составляли мясные и молочные блюда с некоторым увеличением доли растительной пищи на юге Казахстана. Из всех видов мяса казахи ставили на первое место конину. *Казы*, *шужык* — колбасные продукты, *карта* — обезжиренные слоеные из кишок лакомства, *жал-жая* — особого приготовления деликатес из отдельных кусков — вот далеко не полный перечень продуктов из конины.

Своеобразны и способы их при-

готовления. Например, для *казы* от лошадиной туши отделялись ребра, причем целиком, от позвоночника до конца вместе с межреберной тканью, затем их засыпали солью и выдерживали двое-трое суток, после чего просоленные конские ребра вымачивали и вместе с другими нарезанными жирными кусками мяса вкладывали в кишечные оболочки. Подготовленную таким образом *бурама казы*, дугообразной за счет кривизны ребра формы, перевязывали шпагатом, особенно туго в концах кишок и слегка сушили. Варили в котле в течение 2,5 часов и подавали на дастархан. *Шужык* готовили из отдельно нарезанных кусков конины, выдержанных в емкости вместе с солью, перцем и

другими специями, также путем набивания ими кишечной оболочки. Копченый шужык варили в котле, как и казы, в течение 2,5 часов, на медленном огне, чтобы не лопнула оболочка. А жал-жая приготавливали из погривной и набедренной части конины, вырезая куски продольной формы. Употребляли жал-жая в копчено-вареном виде.

В казахской кухне в пищу шло мясо других видов домашнего скота — овец, коз, верблюдов, крупного рогатого, а также сайгаков, архаров, таутеке, еликов, другой дичи, добываемой на охоте. Использовалась в казахской кухне и рыба. Мясо заготавливали на зиму, предварительно пропитав собственным соком, для чего куски мяса солили, заполняли ими рубцы и хранили в кладовой.

Порядок убоя скота, разделки его туши у казахов строго регламентировался. Например, барана прежде показывали гостю, затем валили на левый бок, разрезали ножом горло и выпускали кровь, которая у казахов не шла в пищу, после чего подрезали сухожилия, отделяли нижние части ног по коленным суставам. Шкуру снимали, отслаивая рукой сначала с брюшной полости, затем с ног, в последнюю очередь — со спины. Желудок освобождали от содержимого где-нибудь в стороне, чтобы не пропитать его запахом мяса. Затем разделявали тушу по частям. Голову барана, его ноги опаливали на огне, чистили, отскабливали, с ног удаляли копыта. Отделив нижнюю челюсть от головы, выбивали зубы и, хорошо промыв,

опускали голову в котел. Варили на слабом огне 2—3 часа, солили через некоторое время после закипания.

По старой традиции голову преподносили гостю вместе с почетной едой *ет* (*ас* — на западе Казахстана), которую принято именовать в европейской среде «мясом по-казахски». Сами казахи никогда не называли его бесбармаком — «пятью пальцами», как это настойчиво пытаются утверждать в наши дни отдельные несведущие в национальной кухне люди, намекая на то, что ели раньше руками, и видя в этом некую оригинальность, романтичность и своеобразие.

Варили *ет* (*ас*) из отборных кусков баранины с курдюком в течение 2,5—3 часов, добавив соль через 10—15 минут после закипания и поддерживая огонь под котлом на одном уровне. Для топки выбирали сухие дрова, саксаул или кизяк. Обязательно снимали с поверхности нагара образующуюся при кипении пену. В оседлых казахских селениях, где это позволяли условия, в котел со сварившимся мясом опускали еще тонко накатанные сочни, приготовленные из муки твердой пшеницы с добавлением яйца и нарезанные большими квадратами. Все содержимое котла варилось еще 10—15 минут, после чего перекладывалось дуршлагом — *кепсер* (*кекпір* — на юге Казахстана), сплетенным из проволоки или тонких прутьев, на большую деревянную (*табақ*) или фаянсовую (*леген*) неглубокую тарелку.

При этом кусочки теста слегка расправляли, чтобы они не прилипали друг к другу, а мясо и курдюк резали ломтиками и накладывали поверх теста на тарелке. Приправляли блюдо луком, нарезанным кружочками и слегка припущенным в наваре, перцем и другими специями и подавали на дастархан. Голову с *жамбасом* (*жамбас*) — тазовой костью вместе с предназначенными для гостей кусками мяса, бульон с луком и перцем полагалось подавать отдельно.

В казахской кухне имелись и другие способы приготовления и подачи к столу мяса — с тестом или без теста, целыми кусками или нарезанным, в соответствии со вкусом хозяев.

Весьма разнообразной была у казахов молочная пища. Из овечьего, козьего и коровьего молока делали *айран*, *катык* — разновидности простокваши, *каймак*, *иркит*, *клегей* — сливки, масло — *сарымай*, всевозможные лакомства, такие, как *курт*, *иримшик*, деликатесы типа *ежегей*. Из молозива в первые 2—3 дня после появления молодняка у овец, коз и коров готовили *уыз*. Для этого молозиво разбавляли молоком, вливали его в брюшнину молодого барашка и опускали в кипящий мясной навар, добавляя, разумеется, соль. Через 30—40 минут молозиво свертывалось и превращалось в белую массу — *уыз*. А вот *балкаймак* делали из верблюжьего молока, доводя его до свертывания путем медленного кипячения и помешивания. И *уыз*, и *балкаймак* подава-

ли на дастархан остуженными.

Для казаха, отличавшегося неприхотливостью, и пищей, и прохладительными напитками служили похлебка *коже* и ее разновидности *тарыкоже*, *бидайкоже*, *жугерикоже*, *ашыган коже*. Готовили их самым простым способом: воду кипятили в котле, сыпали в нее дробленую пшеницу, пшено, рис, в других случаях просто муку, остудив после кипения вместе с содержимым, ставили в теплое место для брожения в течение 10—15 часов, после чего добавляли квашеное молоко — *айран*.

Из айрана после обезжирения на маслобойне и кипячения в котле при постоянном помешивании получали сгущенную массу, наливали ее в мешок и подвешивали над емкостью. После стекания жидкости — *сарысу*, которая шла на обработку кожи и очистку шерсти, из оставшегося в мешке сгустка — *сузбе* (*сүзбе*), добавив соль и немного масла, формовали шарообразные, примерно с куриное яйцо лакомства, именуемые в народе *куртом* (*құрт*). Сушили *курт* на *шыпте* (*шыпта*) — навесе из камышовой циновки над входом в юрту, или *соре* (*сәре*) — специально устроенных для этой цели помостках, которые проветривались и снизу, и сверху. Разновидностями *курта* являлись *ежегей*, готовившийся из свежего айрана с добавлением молока; *ащыкурт*, который делали из сгущенной кисломолочной массы, накопленной в мешке за 10—15 дней; *тущыкурт* — из той же массы

*Кабак — емкости из
тыквы-горлянки.*

Тостаган — миска



Теркеши





Ожау и теркеш



*Астау.
Посуда для вар
мяса*



Тегене, астау.
Посуда для вареного
мяса

Саптыаяки.
Черпаки для разлива
кумыса

с добавлением небольшого количества муки во время кипячения.

Курт употребляли в пищу главным образом зимой, растворив в горячей воде или в мясном наваре — *сорпе*.

Иримшик (*ірі.миік*) готовили из парного овечьего, козьего, реже — коровьего молока, заквашенного с помощью сычуга (*мәйек*), который опускали в молоко для свертывания и кипятили до тех пор, пока в котле не останется жидкости и не образуется оранжевого цвета сгусток, именуемый собственно иримшиком. Перекладывали его в мешочек из *даке* (*дәке*) — марли и сушили на воздухе для длительного хранения.

С наступлением зимы из иримшика любители готовили особую смесь — *коспа* путем его размельчения и смешивания с топленным маслом. *Коспа*, как и сливочное масло, хранилась в вычищенном и высушенном специально для этих целей бараньем бурдюке.

Кобылье молоко шло исключительно на приготовление вкусного, питательного и целебного напитка — *кумыса* (*қымыз*), верблюжье — другого подобного кумысу напитка *шубат* (*шұбат*) — на западе, *кымыран* (*қымыран*) — на юге, *түйекумыз* (*түйеқымыз*) — на востоке Казахстана.

В зависимости от времени года, качества поедаемых лошадьми трав кумыс бывал летний, осенний, зимний, значительно отличающийся друг от друга вкусом. Кумыс, как и шубат, различали и в зависимости от выдержанности:

Саумал — мало сброженный, смягченный добавлением парного кобыльего молока и хорошо перемешанный. Предназначался, главным образом, для стариков и детей;

Тунемел — кумыс, отстаивавшийся в торсыке — специальной емкости с остатками старого кумыса в течение двух суток, созревший. Такой кумыс пили с лепешкой, иримшиком, куртком;

Ушкундук — крепкий кумыс, отстаивавшийся в торсыке в течение трех суток. Такой кумыс давали взрослым людям, не употребляющим саумал.

Выдерживали раньше кумыс, добавляя в определенных пропорциях свежее молоко в течение четырех, пяти, шести и более суток к праздникам, поминкам. Его вкусовые качества зависели от способа приготовления состава закваски, качества молока (связанного, в свою очередь, с травостоем пастбищ), свойств емкости, в которой кумыс готовился, и, наконец, от частоты взбалтываний. Чем чаще кумыс перемешивали, тем он становился вкуснее.

Шубат также является не только тонизирующим напитком, но и пищей, ибо верблюжье молоко очень жирное и содержит много полезных для обновления организма человека компонентов. В сочетании с чистым воздухом, свежими продуктами питания он применялся и как эффективное средство лечения от разных болезней, в особенности — от легочных.

Распространены были и такие напитки, как *шалап*, *акта*, *койырт-*



*Легены.
Тарелки неглубокие
деревянные*



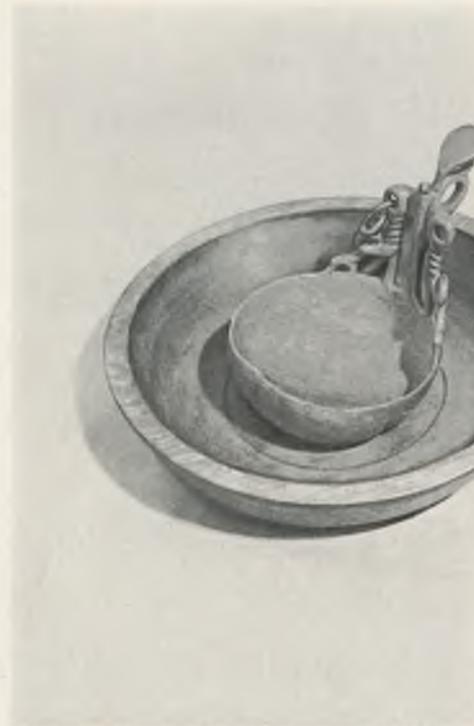
*Табаки.
Миски деревянные*



пак. Шалап — это смесь кислого молока с водой, употреблялся как напиток тонизирующий. Акта и койыртпак приготавливали несколько другим способом: выезжая утром вместе со скотом, пастух брал с собой *торсык* — кожаную флягу с айраном. Добавив туда свежего овечьего молока, он подвешивал его на переднюю луку седла, чтобы содержимое торсыка постоянно перемешивалось в такт движению коня. В течение дня несколько раз вливали в емкость свежее молоко, из которого получался густой вкусный напиток — акта. Койыртпак готовился таким же образом, только вливали овечье молоко во флягу с кумысом, постоянно добавляя все новое парное молоко в течение дня.

Шалап, акта, койыртпак называли в прошлом напитками пастухов. Они также приготавливали для себя вскипяченное на раскаленных на костре камушках овечье молоко — *кoryктык* (*кoryктық*).

Мучными в казахской кухне были такие блюда, как *каттама*, *катырма*, *шылпын*, *нан салма*, *кулшетай*; хлебные изделия — *таба нан*, *казан жаппа*, *шелпек*, *бауыр-сак*, *тандыр нан* (на юге Казахстана) и другие. Широко употреблялось в прошлом и просо, его варили, жарили, очищали, затем толкли в ступе, пропустив через решето, слегка обдав кипятком, смешивали со сливочным маслом, посыпали немного сахаром и приготавливали пищу разового приема — *майсок*. Из сильно измельченного пшена, смешанного со сливочным



маслом, сахаром и специями готовили впрок *жент*, который хранился, также как и масло, *коспа*, в бараньем бурдюке.

Считались лакомством и были доступны лишь оседлой части населения вяленая рыба, блюда из кукурузы, риса, например, *плов* (*палау*), сушеные дыни — *кауынкак*, сушеное варенье — *кауынкурт*. Последние вместе с куртмом, иримшиком, ежегеем заменяли в прошлом кондитерские изделия на дастархане — скатерти казахов.

Казахи любили и любят чай. Пили его с молоком перед едой, без молока — после еды. Алкогольных напитков у них в прошлом

*Шубат.
Тонизирующий
напиток
из верблюжьего
молока*



не было, за исключением *бозы* (браги), приготовляемой из проса, пшеницы молочно-восковой спелости со специями и закваской перебродившего кислого молока.

Разнообразной по форме, размерам и назначению была посуда и утварь казахской кухни. Из специально обработанной кожи делали *саба*, *суйретпе* (*суйретпе*), *мес*, *торсык*, *конек*, а из дерева — *астау*, *тегене*, *шара*, *табак*, *гостаган*, *ожау*, *шомиш* (*шөміш*), *саптыаяк* и др. Фарфор, фаянс, другую керамическую и металлическую посуду покупали. Для перевозки бьющейся посуды, например, для *кесе* (пиал) делали войлочные, иногда деревянные, плетеные чехлы, именуемые по разному — *шыныкап*, *кесекап*, *теркеш*, которые мало чем отличались друг от друга по форме.

Саба — емкость обычно до 100 литров для приготовления и хранения кумыса, *шубата* имела коническую форму с квадратным у основания дном, переходившим постепенно в узкую горловину вверх, в отверстие которой вставлялся *пспек* — деревянная мутовка, представляющая собой палку с крестовиной на нижнем конце для взбалтывания жидкости. К горловине *саба* привязывали шнур, прикрепляя другой его конец к кереге. Для *саба* делали специальную подставку — *сабаяк*, зачастую просто ставили ее на прутья, чтобы не отсырела, не перегрелась или не обветрилась, от чего зависели и вкусовые качества ее содержимого. *Сабу* раз в неделю

прокуривали дымом горячей таволги, смазывали жиром или сливочным маслом. Верхнюю часть *пспека*, подставку нередко украшали резьбой, дополненной росписью, инкрустацией костью и серебром.

Для перевозки кумыса использовали кожаную, сужающуюся кверху емкость — *суйретпе*. Шили ее из шейной части шкур лошади, верблюда, крупного рогатого скота, а разновидность *суйретпе* — *мес* из цельноснятой шкуры холощенного козла. Путники, пастухи брали с собой обычно *торсык* — емкость, вмещающую до трех-четырёх литров кумыса.

Подойниками служили в разных регионах: *конек* (*көнек*) — кожаный, напоминающий по форме чайник, сосуд; *шелек* — цельнодолбленное небольшое деревянное ведро; *кабак* (*қауақ*) — емкость из тыквы-горлянки и др.

Одним из простейших в комплекте казахской посуды был *астау* — емкость для подачи вареного мяса. Способ его изготовления был самым простым: брали кругляк длиной 30—40 см, разрезали вдоль, выдалбливали вытянутым квадратом внутренность, оставив с двух сторон часть материала для выточки ручек. *Табак* аналогичен *астау* по назначению, был также цельнодолбленным, но круглым, зачастую в форме тарелки.

Кумыс перед тем, как подавать гостям, наливали в деревянные, цельнодолбленные глубокие миски *тегене*, *шара*, а отсюда разливали его черпаком — *ожау*, *саптыаяк* по *гостаганам* — внешне напоминающим пиалы деревянным мискам.





У под
Зайл
Алат

Эта посуда украшалась резьбой. инкрустировалась костью и серебром.

Сбивали масло в прошлом в *куби* (*кубі*) — маслобойне, представлявшей собой усеченный конус с чуть суживающимся кверху стенками. Они бывали цельнодолбленными или собранными из отдельных нешироких планок.

Почти вся пища у казахов готовилась в *казане* — чугунном котле различной величины. В *тайказане*, например, варили мясо целой лошади, предназначался он для обслуживания всевозможных пиршеств, поминальных асов. Обычный котел ставили на *ошак* — железную треногу над костром или в специально вырытой яме — *жерошак*. Регулировали огонь на костре металлическими

приспособлениями — *косу*, *шымшеурин*, *калак*. Котел ставили и снимали, надев на руки войлочные рукавички *гуткыш*, напоминающие внешне прямоугольный кошелек с пришитым к нему треугольным клапаном. При этом четыре пальца вкладывались в «кошелек», большой палец ложился на клапан. Котлы мыли, используя лопатообразный металлический скребок — *кыргыш*.

Таким образом развитие всех трех типов хозяйства казахов — кочевого, полuosедлого и оседлого, на всем протяжении истории происходило в тисках экстенсивности. Этим условиям соответствовали и их кухня, бытовая культура в целом. Тем временем размеры летних пастбищ становились все меньше и меньше. В первой

Женщ
сбива
масло

четверти XX века на обширной территории Казахстана «чистые» кочевники, не имевшие постоянных зимних стоянок с жилыми и хозяйственными постройками обитали, пожалуй, только на Мангышлаке, по Эмбе, в Кылкумах и низовьях реки Чу. Изменились и орудия труда. В хозяйствах казахов появились плуги, жатки, косилки, грабли и веялки заводского производства. Деревянные бороны были заменены железными, исключая юг Казахстана, где небольшие поливные участки легко обрабатывались деревянными боронами, нередко жерагашем, выполнявшим функции не только пахотного орудия, но и бороны.

Таковы основные черты хозяйства казахов, их пищи, на качественные изменения которых громадное влияние оказала совокупность исторических и социально-экономических факторов на рубеже XIX—XX вв.

Из сказанного напрашивается вывод: решая неотложные задачи сегодняшнего дня, мы обязаны использовать все ценное, что накоплено народом на протяжении веков, для организации современного хозяйства, быта сельского населения с учетом местных условий, складывавшихся традиций материально-бытовой культуры.

Это не только возможно, но и необходимо.



ИЩУЩИЙ – ОТЫЩЕТ



*«Пусть удачу, довольство тебе
доведется узнать...»*

Шал-акын



Ищущий — отыщет

Наряду со скотоводством, низкотоварным земледелием, основанным на примитивных способах обработки земли и орудиях труда, рыболовством, в какой-то степени и охотой, в хозяйстве казахов прошлого важное значение придавалось народным промыслам, связанным с обработкой шерсти, кожи, плетением, ткачеством, инкрустацией костью, резьбой по дереву, ювелирным искусством. «Эта особенная степная культура, — писал Л. Н. Гумилев, — имела древние традиции и глубокие корни, но известна нам в значительно меньшей степени, чем культура оседлых стран. Причина, конечно, не в том, что тюрки и другие кочевые племена были менее одарены, чем их соседи, а в том, что остатки их материальной культуры — войлок, кожа, дерево и меха — сохраняются хуже...»¹

Шкуры и кожа являлись древнейшими материалами для изготов-

ления одежды, на что обращали внимание еще и античные авторы. У казахов свежеснятую шкуру обычно просушивают в развешенном виде, затем смазывают *ащыайраном* — перебродившим кислым молоком, смешанным с мукой, свертывают мездрой внутрь на 2—3 дня, после чего промывают и кладут в соленую воду. Продержав в таком состоянии некоторое время, шкуру высушивают вновь и соскабливают мездру ножом. Разминают кожу вручную, подвергают дублению и окраске натуральными красителями. Цвет выделанных кож был желтым, темно-малиновым, оранжевым, бордовым, в зависимости от свойств применяемых в качестве красителя корней растений.

В народных промыслах казахов преобладало в прошлом валяние

¹ Гумилев Л. Н. Древние тюрки М., 1976, с. 5.



войлока — их древнее достояние, связанное с подвижным скотоводством. Войлоком покрывали юрты, застилали ее пол, утепляли стены. Из него делали *абдрекан* (*эбдіреқан*) — чехлы для сундуков, *аяккан* — настенные сумы для посуды, *кебенек* — войлочные плащи, *калпак* — войлочные шляпы, *байпак* — войлочные чулки, *жабу* — попоны, *терлик*, *токым* — подстилки, *тебенга* (*тебіңгі*) — пот-

ники боковые для седла и другие изделия.

Наиболее традиционными для казахского кошмовальения изделиями являются:

Кииз — войлок гладкий, по обыкновению из белой или серой шерсти, шел на покрытие юрты, хозяйственные нужды;

Текемет — кошма постилочная, получаемая путем вваливания рисунков из окрашенной непряде-



ной шерсти на полуготовую основу, свертываемую вместе с циновкой в рулон, который неоднократно поливался горячей водой и катался ногами и предплечьями рук;

Сырмак, сырдамал — полотнища постилочные, изготавливаемые по обыкновению путем нашивания на первооснову двух разноцветных, но одинаковых рисунков, вырезанных из тонкого войлока;

Сырдак — полотнище пости-

лочное, вышитое по войлоку разноцветными шерстяными нитями;

Тускииз — ковры войлочные настенные¹. Аппликация по войлоку бархатом, вырезанным в виде

Валяние войлока

¹ Ковры войлочные настенные. Казахи не называют коврами войлочные полотнища, украшенные вышивкой или аппликацией, как это принято в европейской среде.

Тус-кииз.
Апликация
по войлоку



Тус-кииз.
Апликация
по войлоку





Сырмак.
Нашивка
одинаковых
рисунков,
вырезанных
из войлока,
на первооснову



Сырмак.
Вышивка
по войлоку
разноцветными
шерстяными
нитьями



Изготовление
алаши на ткацком
станке ормек

орнаментальных рисунков двух цветов. При этом фоном для первого рисунка служат остатки от второго, или наоборот.

Некоторые виды одежды, головных уборов, как сказано выше, казахи шили также из войлока, на изготовление которого преимущественно шла белая шерсть. Для этого шерсть тщательно очищали и взбивали палочками — *сабау*, специально нарезанными для этой цели из тamarиска, таволги или других степных кустарников, затем из нее валяли тонкий войлок. Для придания ему идеальной белизны

мокрую шерсть посыпали мелом.

Для казахского прикладного искусства характерен и такой сложный вид промысла, как плетение циновок из *чия* — степного тростника. Для этого сначала каждую тростинку в отдельности обвивают по заданному рисунку разноцветными волокнами непряженной шерсти. Затем, сплетая их вместе, получают великолепный ковровый рисунок. Плетеными таким способом полотнищами — *шым ши* (*жез ши* — на юге Казахстана) обкладывались решетчатые стены юрты — кереге, а также

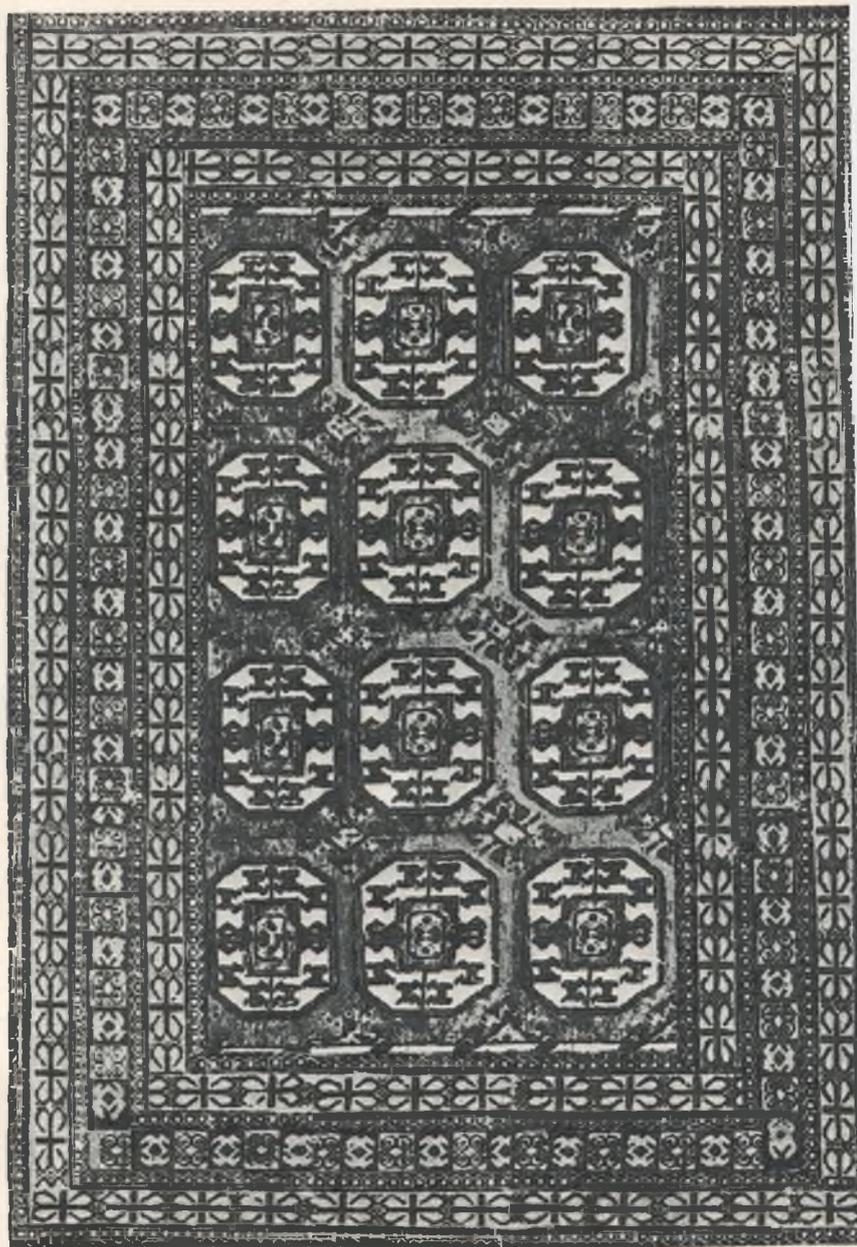


Алаша.
Ковер безворс
шитый из тк



Арабы-клем.
Ковер безворс
паласного тип

*Калы-клем.
Ковер ворсовый.
Южный Казахстан.
Начало XX в.*





внутренняя сторона дверной завесы.

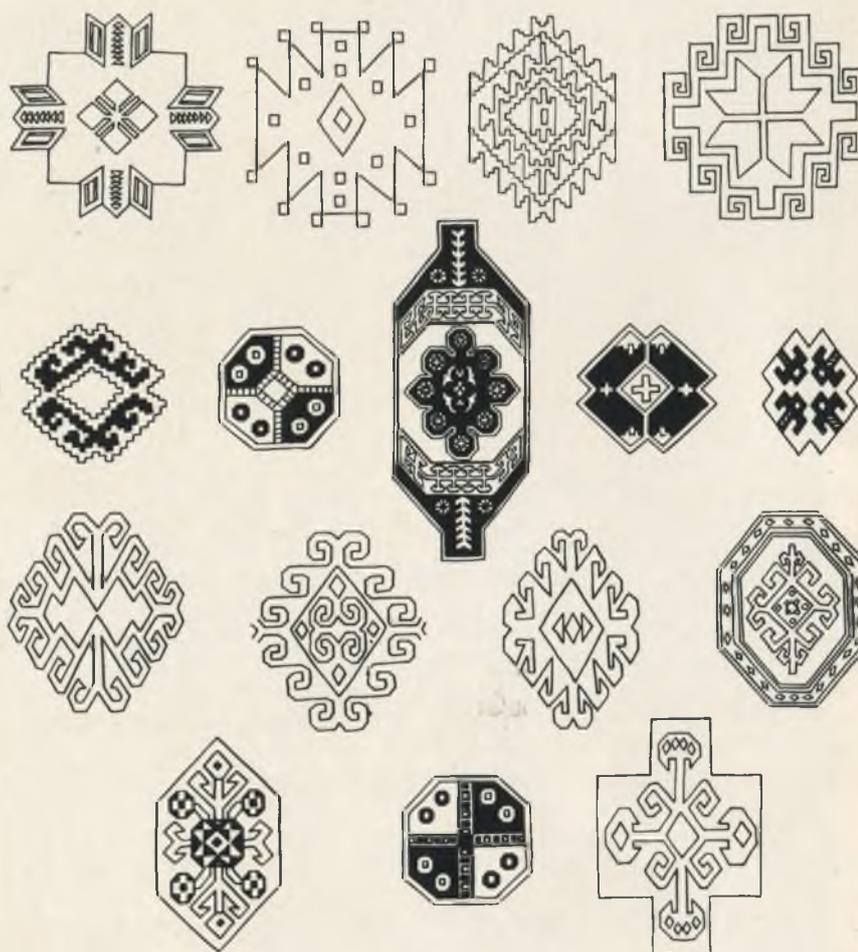
Ковроткачество в Казахстане также имеет глубокие корни. Им занимались в основном женщины. Секреты ткачества на *ормеке* (*өрмек*) — горизонтальных станках изделий типа *алашы*, *баскуров* — ковровых полос, *тангыша*, *бау* — ковровых лент, *шекпена* — домотканого сукна из верблюжьей шерсти передавались из поколения в поколение.

В казахских коврах как безворсовых, так и ворсовых присутствует довольно несложная кайма — *корган*, *коршау* (дословно — бордюры), с разделительными полосами — *су* (дословно — вода), обрамляющими центральное поле ковра — *кёл* (*көл*, дословно — озеро), где обычно один и тот же геометрического или растительного типа рисунок со сложным сочетанием

завитков и других знаков, которые принято называть «розеткой», повторяется строгим порядком несколько раз. Розетки центрального поля ковров в отдельных регионах Казахстана называют по-разному: *кумбез* (купол), *тс* (окружность) — в присырдарьинских степях, *табак* (блюде), *жудыз* (звезда) — на юге Казахстана, *тур* (узор) — в Сары-Арке, (орнамент) — в Семиречье и т.

Безворсовое ковроткачество имевшее в прошлом большое распространение в степях Сары-Арк Западного Казахстана, связано с кочевым образом жизни населения степей. Наибольшим спросом у них всегда пользовались сшитые из отдельных полос ковры — *аша*, ковры паласного типа *ауыл клем*, *арабы*, *адай клем* и т.д. Практика развития безворсов

РОЗЕТКИ КАЗАХСКИХ КОВРОВ





*Конырат-клем
(сыр-клем).
Ковер ворсовый.
Южный Казахстан
Конец XVIII в.*

*Гуль-кумбеди.
Ковер ворсовый
цветочный.
Южный Казахстан.
50-е годы XX в.*



ковроткачества в этих регионах продолжается в принципе по сей день.

Ворсовые же ковры, требующие много времени, труда, притом не одной женщины, ткали и ткнут в основном на юге Казахстана, в Семиречье. Возможно, это обусловлено оседлым и полuosедлым образом жизни в прошлом значительной части населения этих мест.

Немаловажную роль в развитии этого вида ремесла сыграли, очевидно, имевшие место в прошлом прямые контакты с районами развитого ковроделия, в частности, с Ираном, Восточным Туркестаном. На такую возможность указывает наличие у казахов, как и у туркмен, ворсового ковра *калыклем*, название которого происходит от персидского «галы» — ковер. А нарицательное «клем», означающее по-казахски

ковер, по-видимому, также заимствовано у персов, которые именуют так паласные изделия.

Калыклем в прошлом был наиболее распространенным типом среди ворсовых ковров казахов. Композиция его традиционно составлялась из размещенных строгими рядами одинаковых розеток и сложной многополосной каймы. Он был главным предметом в приданом невесты, дарообмене среди населения, служил знаком высшей почести, оказываемой лицам, заслуживавшим всеобщее уважение, использовался в качестве приза на наиболее значительных конных скачках — байге. Преподнесением калыклема нередко искупали вину за причиненное зло, обиду.

Позднее калыклемом стали называться различные с многополосной каймой ворсовые ковры



Таз-клем.
Ковер безворсовый.
Южный Казахстан.
50-е годы XX в.

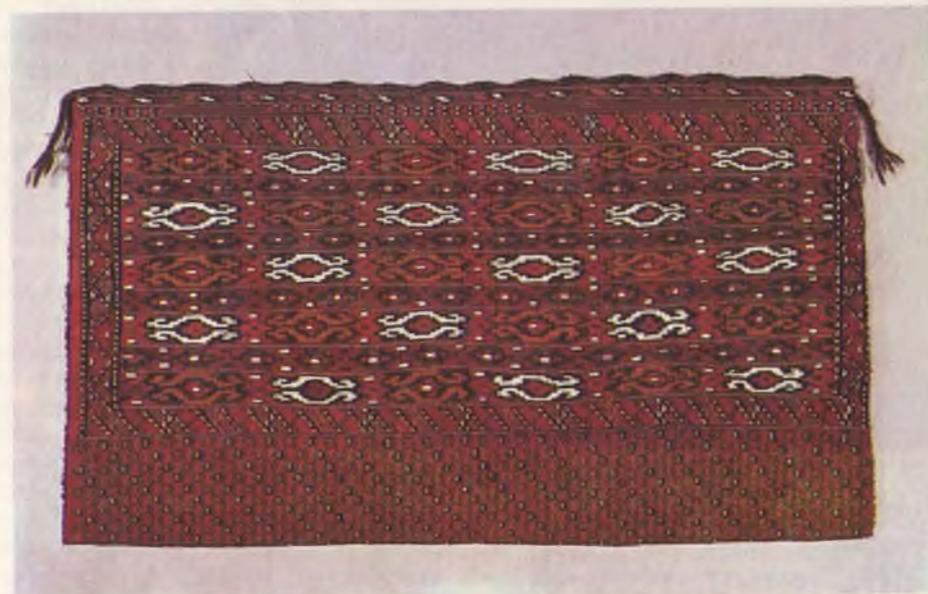


Тыкыр-клем.
Ковер безворсовый.
Южный Казахстан.
50-е годы XX в.

*Тыкыр-клем.
Ковер безворсовый*



*Коржын.
Чехол
для постельных
принадлежностей.
Мангышлак.
80-е годы XX в.*



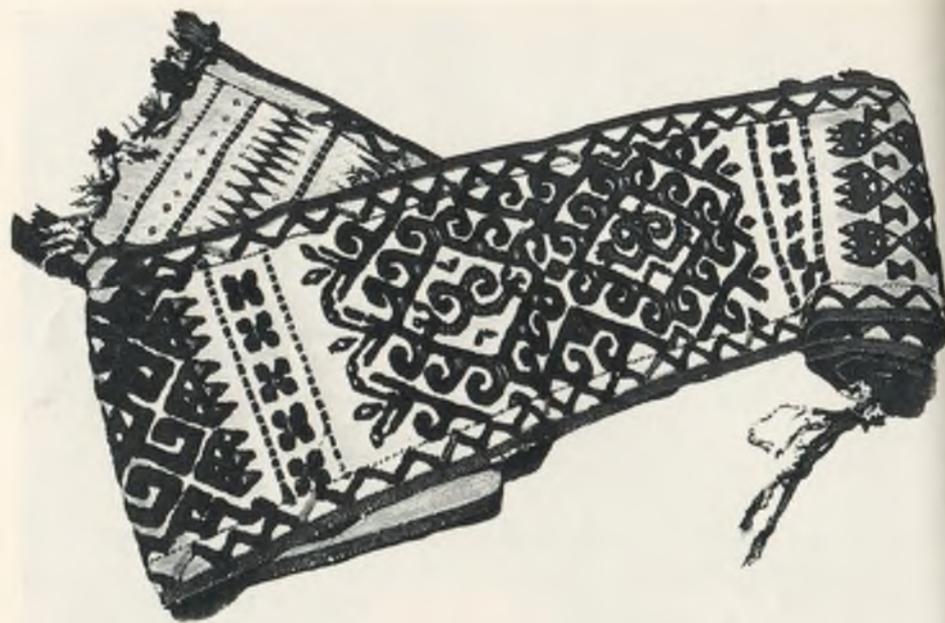


Пл

высокого качества. Но само название ковра постепенно вышло из употребления, уступив место нарицательному «клем».

Для казахского ковроткачества характерны своя техника изготовления, манера исполнения, равновесие фона, отточенность рисунков, строгая симметрия их расположения. Но в то же время в ворсовом ковре *гуль кумбезди* (*гүл кумбезді*, дословно — «цветочный») граница между

центральным полем, состоящим из трех-четырех крупных розеток, известных в искусствоведческой литературе под названием кумбез (купол), жулдыз (звезда), и каймой выглядит нередко весьма условной. В коврах паласного типа тыкыр клем, таз клем орнаментальные рисунки могут располагаться произвольно и в секциях, разделенных полосами, заполненными зигзагами. А в композициях таких паласных ковров, как арабы,



Ак баскур.
Тканые полосы
с ворсовым рисунком

адай клем, алты ауыл клем, напротив, рисунки центрального поля отличаются отточенностью и строгостью.

В дореволюционном Казахстане, как известно, не было района, пользовавшегося репутацией коврово-производящего центра, работавшего на рынок, если не считать район города Туркестана, где, по словам старожиллов, кустари безуспешно пытались наладить артельное ковроткачество. Отсутствие товарного коврового производства было обусловлено низким уровнем товарно-денежных отношений в казахских степях, где ковры выносились на продажу исключительно при нужде и крайней необходимости. Это обстоятель-

ство не позволяет нам выделить какого-либо исторического центра этого ремесла. Но все же мы можем попытаться классифицировать тканые ковры, прежде всего, по местам производства их первоначальных образцов, например, *джетысу* (*жетісу*) — семиреченский, *торгай тури* (*торғай түрі*) — тургайский; родоплеменной принадлежности — *конырат клем* (*қонырат кілемі*) — коньратовский, *адай клем* (*адай кілемі*) — адаевский, *керей улги* (*керей үлгі*) — кереевский, *найман нуска* (*найман нұсқа*) — наймановский; рисункам центрального поля — *шугыла* (луч), *гуль кумбезди* — цветочный, *торкоз клем* — секционный и т. д.



Такая классификация правомерна еще и потому, что поражающая взор декоративная орнаментация ковров достигалась за счет соблюдения его давно сформулированного рисунка. Казахские мастерицы, как известно, подчиняя своему замыслу тот или иной рисунок, всегда подчеркнуто следовали сложившимся на протяжении веков композиционным приемам, стараясь использовать вариации исходного элемента — узора.

Кроме собственно безворсовых и ворсовых ковров, к ковровым

изделиям можно отнести также так называемые *акбаскуры* (*акбасқур*) — тканые полосы с ворсовыми рисунками на гладком белом фоне, декорирующие стык цилиндрической части юрты — кереге с куполом. Они располагаются фризом внутри юрты под войлоком по всему ее периметру, от восьми до пятнадцати метров длиной и от тридцати до сорока сантиметров шириной в зависимости от ее размера. Узоры, включенные в рапортную систему по всей длине акбаскура, представ-

*Тус-кесте.
Ковер вышитый
прикроватный*



*Тус-кесте.
Ковер вышитый
прикроватный.*





Тус-кесте.
Ковер вышитый
прикраватный.
Южный Казахстан



Тус-клем.
Ковер вышитый
комбинированный

Тус-клем.
Ковер вышитый
комбинированный



ляют собой законченную композицию. А сходные по функции, но безворсовые, с одним и тем же по центру рисунком *кошкараты* (дословно — узор, именуемый бараном), тканые полосы, называются просто баскурами.

В прошлом в обиходе были и так называемые *биз кесте* (*біз кесте*), *тус кесте* (*тұс кесте*), *тус клем* (*тұс кілем*) — ковры настенные, вышитые тамбуром по бархату, замше, тонкому сукну. Их некоторые современные исследователи путают почему-то с нарицательным *тускизом* (*тұс киіз*) — настенным войлочным полотнищем. Композиции таких ковров состоят из широкой каймы, обрамленной полосами, при этом центральное поле, нижняя полови-

на зеркала квадрата оставляются не вышитыми, ибо тус кесте, тус клем были функционально коврами прикроватными, нижняя часть которых всегда прикрывалась постельными принадлежностями. Уникальные образцы таких полотнищ хранятся в Центральном госмузее Казахстана, музее архитектурного комплекса мавзолея-мечети Ахмеда Ясави в г. Туркестане, Государственном музее искусств Казахской ССР. В композиции этих ковров присутствуют мотивы древа жизни, листьев, бутонов.

В советское время товарным ковроткачеством в Казахстане занимались артели промысловой кооперации, пока не была построена в Алма-Ате крупнейшая в стране

ковровая фабрика, продукция которой пользуется большим спросом не только в республике, но и за ее пределами. Художники фабрики умело используют в своей работе и традиции национального ковроткачества. В 1978 году на фабрике были восстановлены и пущены в серийное производство два интереснейших образца старинных ковров. Оба ковра восстановлены по образцам, сохранившимся в комплексе мавзолея-мечети Ахмеда Ясави в г. Туркестане. Первый из них, ковер «шугла» — выткан, вероятно, в конце XVIII века. Он имеет сложную многополосную кайму, обрамляющую центральное поле ковра, на котором доминируют изображения древнейшего в казахском орнаменте узора шугла (*шұғыла*), что означает луч солнца. Другой ковер — коньрат клем (*қоңырат кілемі*) — коньратовский, датируется условно концом XVIII — началом XIX веков. Этот тип ковра народ именует еще *сырклемом* — сырдарьинским. Он интересен тем, что центральное поле его сплошь заполнено геометрическими фигурами в виде ромбов, шестиугольников и обрамлено узкой с двумя разделительными полосами каймой. Специалисты насчитали на ковре 18 различных красок, что само по себе делает его уникальным.

Если обработкой шерсти, ткачеством у казахов занимались женщины, то обработкой кожи, скорняжничеством, тиснением, изготовлением деталей конской сбруи, кожаной посуды для хранения и перевозки кумыса — муж-



чины. Изделия казахских кожевников пользовались большим рыночным спросом. В одном из документов, попавших к проф. М. Мендикулову, относящемся к началу 70-х годов XIX века,

*Изделия кожевников.
Теркеши, торсыки,
конек.
Начало XX в.*

Изделия
кожевников.
Сбруя.
Середина XIX в.





8
C

говорилось о том, что «казахи Баян-Аульского и Кокчетавского округов в сапожном мастерстве и шитье ичигов и калош нисколько не уступают бухарским и ташкентским мастерам, если еще только не превзойдут как аккуратностью, так и прочностью».¹

Оригинальна и неповторима у казахов резьба по дереву, которая бывает плоскостной, объемной, сквозной и дополняется росписью. Резными в прошлом были двери, верхняя цилиндрическая часть остова, низ купольных жердей юрты, ее обруч, а также *кебеже* — ларь, *абдре* (*эбдире*) — сундуки, *тосекагаш* (*төсекағаш*) — кровать, *жастыкагаш* (*жастықағаш*) — изголовье подушечное, *асадал* — шкаф разборный для хранения посуды, скатертей, салфеток; музыкальные инструменты; посуда: ожау, саптыаяк — черпаки, тостаганы (*тостаған*) — миски, кубы (*күбі*) — маслобойни и многое другое.

В отдельных изделиях народных мастеров, дошедших до нас, присутствуют почти все виды резьбы. Значительную ценность в этом плане представляют выявленные нами в 1972 году в поселке Тургай Жангильдинского района Кустанайской области тосекагаш (деревянная кровать), асадал (шкаф), датируемые условно концом XIX в. В тосекагаше применены и объемная (колонны спинки, их навершия, ножки), и плоскорельефная (боковая поверхность), и сквозная (декоративные детали) резьба. На боковых поверхно-

стях изделия представлены растительные мотивы — листья, трилистники, бутоны. Все они дополнены росписью. На асадале, изготовленном тем же неизвестным мастером, створки шкафа выполнены в технике сквозной резьбы, ящики — плоскорельефной. Асадал имеет, как и сундук, ручки с двух сторон, с помощью которых его можно переносить. В орнаментальных мотивах резьбы его створок доминантой является изображение вазы с букетом на мотив узора *битпес* (*бітпес*) — «нескончаемый», из которого как бы вырастает бутон цветка, залитый лучами солнца, олицетворяя не только бесконечное движение, вечную жизнь, но и взаимосвязь, согласованность и порядок в мире. В эту вертикальную композицию включены также довольно редкие в казахском орнаменте и, по-видимому, заимствованные изображения лотоса, символизирующего знаки внимания, пожелания счастья и благополучия потомству, фазанов — древнейшего символа благожелательности.

В композиции резьбы верхнего ящика асадала доминируют солярные круги — символы мирового пространства, «окутанного» таинственностью, для раскрытия которой мастером использованы всевозможные ободки, пересекающиеся линии, волны, обозначающие, соответственно, тучи, облака, дальние расстояния. А на нижнем ящике от солярных кругов расходятся лучи и длинные листья — символы жизни на земле.

¹ Архитектура Казахстана. А.-А., 1959, с. 117.

Эти изделия представляют особую художественную ценность тем, что в них сочетание самых различных орнаментальных мотивов создает единое смысловое целое, отражающее поэтику народных представлений о строении мира, смысле жизни и т. д. Они бесспорное свидетельство тому, что запрещение исламом изображения живых существ сковывало творческие силы, привело к условностям и схематизации в изображении. Но, приспособившись однако к материалам, пожеланиям заказчиков, ограниченные даже рамками орнаментального искусства, народные мастера создавали свои индивидуальные варианты, разрабатывали нередко и собственную систему орнаментации.

Кость использовалась народными мастерами для инкрустации домашней утвари, музыкальных инструментов, седел. Резьба по камню связана была в основном с архитектурой и монументальным искусством казахов — кулыптасами, койтасами, коктасами. Изображение в качестве надгробия стилизованных каменных баранов связано с древним верованием казахов, наделявшим это домашнее животное свойствами оберега.

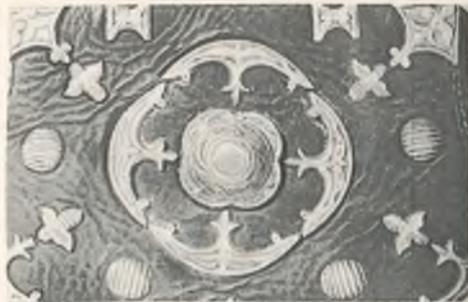
Казахские *зергеры* — ювелиры в большей части из серебра, различных драгоценных, полудрагоценных камней, реже — из золота искусно изготавливали ожерелья — алка, тамакша, подвески — шолпы для кос, браслеты, серьги, кольца, металлические украшения к головным уборам, поясам, достигли совершенства

в чеканке, применении таких сложных способов, как зернение, чернение, филигрань.

Народные мастера любят украшать свои изделия орнаментом, развивавшимся на протяжении тысячелетий в логической преемственности художественного мышления и его пластического эквивалента — формы, в строгом соответствии с эстетическими вкусами общества. При этом прообразами для построения собственной системы казахского орнамента служили несомненно предметы и явления окружающего мира, соединенные порою с магическими обрядовыми знаками, трансформированными творческой мыслью многих поколений. В казахском орнаменте четко выделяются зооморфные (животные), космогонические, растительные, геометрические и другие мотивы. Они легко сочетаются друг с другом, трансформируются так, что порою бывает трудно выделить их по общепринятым признакам. Отдельные из них могут выглядеть как геометрические, например, узор *ормекши* (дословно «паук-ткач»), на самом деле он относится к зооморфным, другие, наоборот, по характеру или названию зооморфные, а их можно принять за космогонические или растительные.

Широко распространены в казахском орнаменте зооморфные мотивы. Однако это не только роговидные дуговые линии, известные в искусствоведческой литературе под формально-типологическим названием *кошкар муйиз*,

Окшантай.
Деталь мужского
пояса ксе



Окшантай.
Деталь мужского
пояса ксе

что по-русски означает бараньи рога, но и всевозможные вариации и композиции этого узора: *муйиз* — рог, *кос муйиз* — двойные рога, *сынык муйиз* — сломанные рога; а также изображение отдельных частей тела животных, например, верблюда: *табан* (ступня, след), *туйе мойын* — верблюжья шея; птиц: *кусканат* — крылья птицы, *каз мойын* — гусиные шейки и т. д.

По всей вероятности, и бараньи рога, и верблюжья ступня, и птичьи крылья, и паук имели некогда значение оберегов. На это указывает и то, что их можно встретить в самых затейливых формах на различных предметах домашнего обихода. Космогонические мотивы казахского орнамента возникли, очевидно, в толще напластований культур древних племен и народов. К ним относятся *донгелек* (*дөңгелек*) — солярный круг, *торт кулак* (*төрт құлақ*) — крестовина, *шимай* — спираль, символизирующие, соответственно, пожалуй, со времен древних саков, — мировое пространство, четыре стороны света, вечное движение. В религии саков, как известно, большое место отводилось верховному божеству, связанному с культом солнца, а в искусстве — его сложному и очень емкому философского звучания символу. Космогоническими, по сути, являются также изображения звезд, луны.

Растительные мотивы — листья, пальметты, трилистники, бутоны, цветки. Их переплетения раскрывают в казахском орнаменте понятия единства, согласованности, причинно-следственной



обусловленности жизни на земле. Ромбы, зигзаги, треугольники, многогранники, меандровидные узоры, например, *шынжара*, *балдак*, сетчато-пересекающиеся линии составляют основу геометрических мотивов казахского орнамента.

О том, как эти узоры сочетаются друг с другом, дополняют друг друга, подчиняясь закону композиции, говорит орнаментация практически всех изделий казахского народного прикладного искусства, отделка и украшения народного костюма и других предметов материально-бытовой культуры.

Казахский орнамент легко поддается не только интерпретированию, но и преобразованию одних мотивов в другие. Народные мастера Мангышлака, например, разрабатывая мотивы *откизбе* (*откізбе*) — вьющегося стебля, переходящего в пальметту, *узильмес* (*үзілмес*) — роговидного завитка, превращающегося в удлиненный стебель, завершаемый

снова трилистником или пальметтой, создавали ритмическое единство всей орнаментальной композиции.

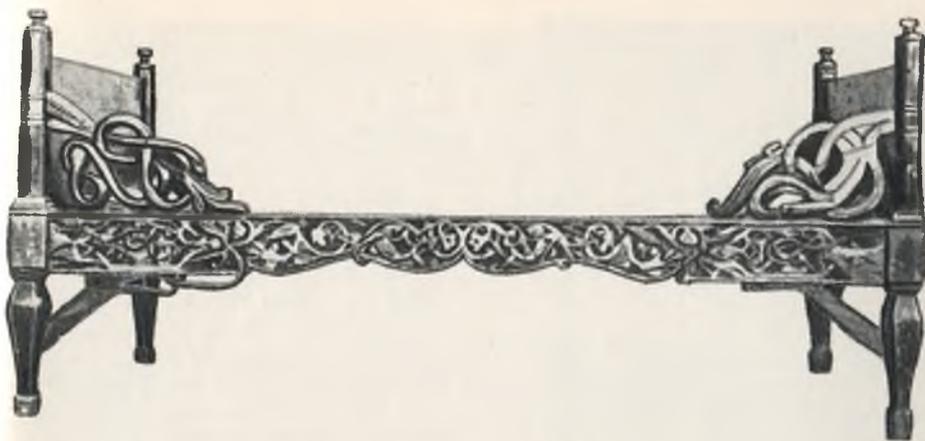
Уникальным проявлением материальной культуры прошлого является казахский народный костюм, создававшийся под влиянием условий жизни в степях с их знойным летом, с пронизывающими ветрами, морозами зимой, большими перепадами дневных температур. В нем нашли отражение эстетические идеалы народа, его образ жизни, социальные эквиваленты. Он отличается ярко выраженным своеобразием и сыграл определенную роль в сохранении и упрочении этнического самосознания народа, наряду с разговорной речью, антропологическими показателями служил стойким определителем, по которому отличали своих от чужих. Для него характерна общность форм для всех слоев населения с определенной возрастной регламентацией.

*Жастык ағаш.
Изголовье
подушечное.
Резьба по дереву,
роспись.
Центральный
Казахстан*

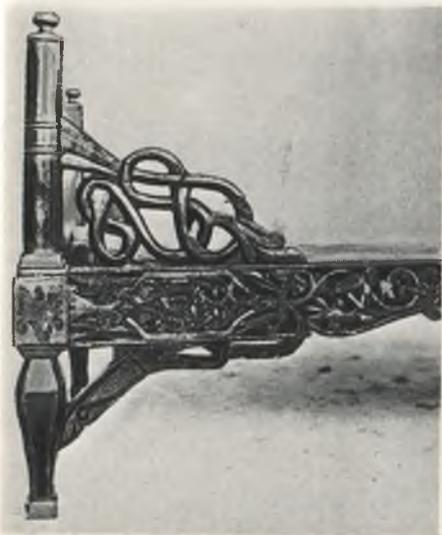


*Кебеже. Ларь.
Резьба по дереву*



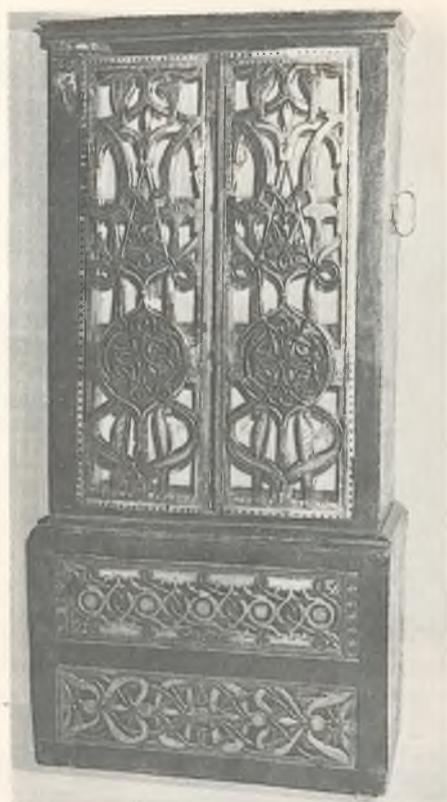


*Тосекага
Резьба и
Роспись.
Централ
Казахст
Конец X*



Тосекагаш. Фрагмент

Прост в композиции, целесообразен, удобен для верховой езды, поскольку в прошлом не обойтись было без коня, приспособлен к защите тела от холода, жары, знойных ветров, отличается нарядностью благодаря отделке мехом, вышивке, инкрустации, широкому использованию всевозможных украшений. При этом следует учесть, что последние могли возникнуть не только из-за стремления к красоте, ибо в степных условиях у людей, вечно кочующих вместе со стадами, со всей семьей, домашним скарбом в поисках пастбищ, времени было не так уж много, чтобы заниматься украшательством. Обогащение одежды золотыми нашивками с люрексом, вышивкой, по всей вероятности, возникло позже, чтобы по ним можно было определить положение человека в обществе, его принадлежность к определенной социальной группе степного населения. Оно могло жить в дальнейшем в силу укоренившихся



Асадал. Шкаф.
Резьба по дереву.
Роспись.
Центральный
Казахстан.
Конец XIX в.

традиций, развиваясь и совершенствуясь в соответствии с эстетическими идеалами и представлениями людей о красоте и гармонии.

Почти все элементы казахского народного костюма однотипны везде, во всех регионах республики, нет особой разницы в покрое, выборе материала, назначении отдельных предметов одежды. Некоторые различия, имеющиеся в головных уборах, поясах, украшениях, в отдельных специфических фасонах будничной и праздничной одежды, очевидно, связаны с

общим историческим процессом сложения отдельных групп казахского народа. И объясняются они тем, что в некоторых регионах могли несколько дольше сохраняться более архаичные формы традиционной одежды, тогда как в других они уже были заменены новыми.

Распашной характер верхней одежды, запахивание ее на левую сторону, приталенность, наличие шапок, украшаемых перьями, обогащение женского платья оборками делают казахский народный костюм своеобразным. В нем отражены те этнические компоненты, из которых сложился казахский народ, уровень его производительных сил в прошлом, характер занятий степного населения, суровые климатические условия просторов Сары-Арки — казахского мелкосопочника, и наконец, исторические традиции, элементы заимствований у соседей.

Например, головные уборы *айыркалпак*, *мурак*, *саукеле*, на наш взгляд, напоминают островерхие шапки древних саков — предков казахов. Складывавшийся из квадрата белой хлопчатобумажной или шелковой ткани женский головной убор *жаулык*, по всей вероятности, унаследован от древних тюрков, о чем свидетельствуют изображения на каменных изваяниях той эпохи, а *белдемше* — тип распашной юбки восходит, пожалуй, ко временам гуннов. Манера запахивания на левую сторону, расположение цветной строчки и вышивки по краям выреза *кимешека* для лица, окаймление халата нашивками с люрексом, края подола,

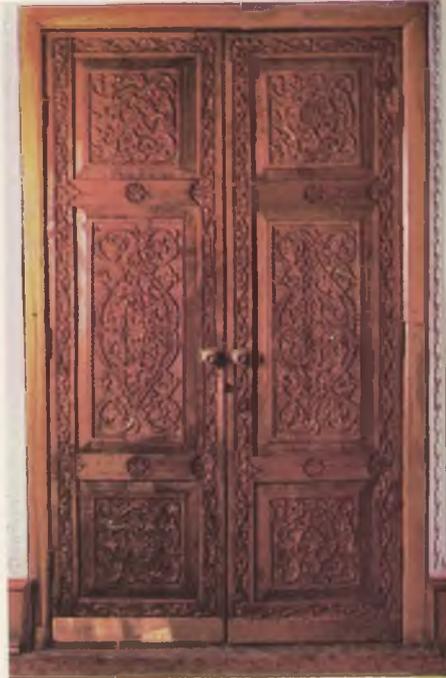




Кебеже. Ларь.
Резьба по дереву.
Роспись. Мангышлак.
Начало XX в.

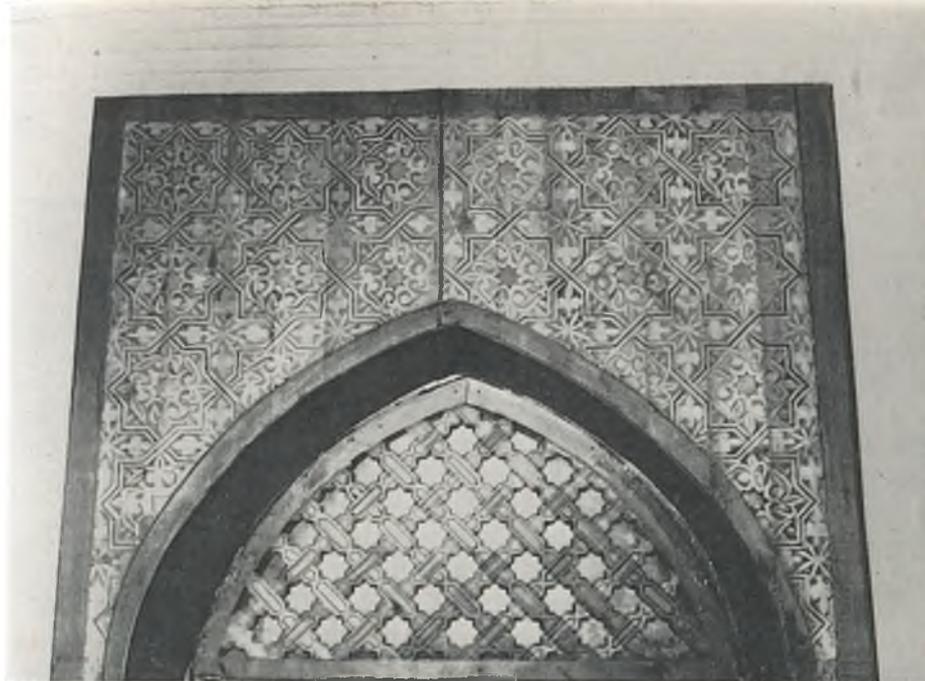
Кебеже. Ларь.
Резьба по дереву.
Инкрустация костью.
Центральный
Казахстан

Есик. Двери.
Резьба по дереву



ворот и рукавов камзола галунами, якобы для «защиты» от неведомых и воображаемых сил, украшение детских, девичьих шапок, а в ряде случаев странствующих певцов перьями совы, считавшейся священной птицей, как оберега от дурных глаз, болезней, уходят к тюркско-кыпчакскому этническому пласту.

А ношение *тона* — тулупа, шаровар со вставками-клиньями из окрашенной в естественные цвета овчины, сапог — *саптама* на высоких каблуках с войлочным чулком — *байпаком* связано с характером занятий казахов в прошлом — подвижным скотоводством, а также с климатическими условия-



ми. В покроях мужского бешмета с перехватом у талии, женского расклешенного платья *кулиш койлек*, женского широкого платья *жаз койлек* — с густыми сборками на кокетке и отложным воротником нетрудно заметить влияние русской, татарской, среднеазиатской одежды, т. е. соседей казахов.

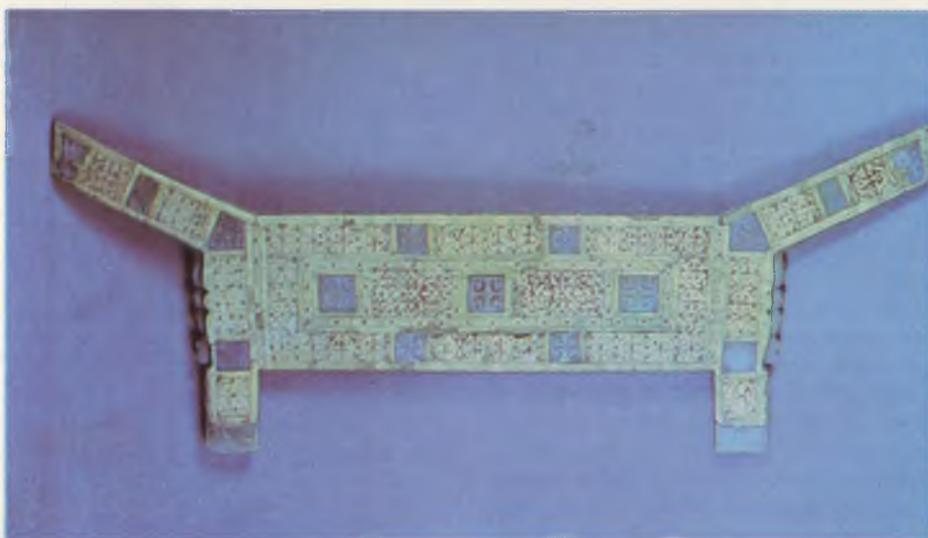
Традиционными материалами для казахского народного костюма всегда служили кожа, мех, тонкий войлок, шекпен — самотканое из верблюжьей, реже — бараньей шерсти сукно. Для изготовления одежды широко использовались овчина, козы, жеребьячи, сайгачьи шкуры, из которых обычно шили нагольные тулупы, безрукавки, ша-

ровары, вышитую тамбуром верхнюю одежду. В сочинении Сейфи, написанном в 1582 году, есть интересные сообщения об одежде казахов. Он пишет: «...их кафтаны сделаны из овечьей кожи, они окрашиваются в разные цвета и становятся похожими на атлас, их привозят в Бухару и продают по той же цене, что и кафтаны из атласа, настолько они элегантны и красивы»¹. На шубы, головные уборы шли также меха волков, лисиц, выдры, куницы и некоторых

¹ Султанов Т. И. Краткое описание сочинений Сейфи. «Известия АН Казахской ССР», серия обществ. наук, 1970, № 1, с. 49.



Кебеже. Ларь.
Резьба по дереву.
Инкрустация
костью.
Начало XX в.



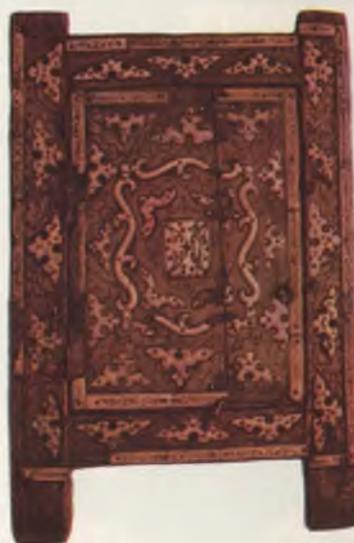
Тосекагаш.
Кровать.
Дерево.
Инкрустация
костью.
Металлические
бляхи.
Центральный
Казахстан.
Конец XIX в.



других пушных зверей. Тесемки для шекпенов, пояса для шаровар изготавливались на четырех дощечках с отверстиями по углам.

На одежду шли также хлопчатобумажная ткань, доставлявшаяся купцами из Индии, шелк, бархат, парча, шерстяное сукно из Китая, Средней Азии. С этими материалами казахи, как и их предки, знакомы с давних времен по обменной торговле на древнем караванном «Шелковом пути», проходившем некогда через города Южного Казахстана. А с XVII века в казахские степи стали поступать русские товары.

Нарядность казахскому народному костюму, создававшемуся на протяжении столетий искусством и



Кебеже, кобдиша.
Лари.
Резьба
по дереву.
Инкрустация
костью.
Роспись



Верблюды
стилизованные.
Искусство
савроматов.
V—III вв. до н. э.

талантом, помноженными на труд многих умельцев, придавали не только отделка дорогим мехом, вышивка или, скажем, узорчатое тканье, нашивки с люрексом, но и пояса, украшенные золотыми и серебряными бляхами, подвески из бусин драгоценных и полудрагоценных камней, кораллов, прикрепляемых к женскому комплекту одежды и др.

Комплект мужского костюма состоял из нательного белья — жейде (рубаха — койлек, штаны — дамбал), верхней плечевой одежды — бешмет, шекпен и шаровар — шалбар, сым, заправляемых в сапоги. Основные элементы этого комплекта мужского костюма



Ер-тоқым.
Сбруя

оставались неизменными на протяжении веков. Социальные различия проявлялись здесь лишь в материалах, из которых шили комплект костюма, в его декоре, качестве изготовления.

Рубашку, длинную до колен с отложным или стоячим воротником, плечевым швом, выкройной проймой, несколько скошенным

плечом, шили из белого холста, с разрезом на груди. Под рукавами вставлялись клинья в виде треугольников, служившие ластовицей. Штаны же «с широким шагом» имели вид прямоугольника с двумя длинными и чуть сужающимися книзу штанинами, со вставкой-клином в соединении.

Поверх жейде казах надевал

Сырга.
Серьги сакские.
Золото.
VII—IV вв. до н. э.



Коза сырга.
Серьги височные.
Серебро. XIX в.





*Зергер.
Мастер-ювелир*

обычно легкую, сшитую по фигуре и расширяющуюся книзу распашную одежду, шаровары. Эта одежда могла быть со вставленными в пройму рукавами и без рукавов. В зависимости от этого в первом случае ее именовали бешметом, в другом — камзолом. Шили ее из тонкого шерстяного сукна — мауты, бархата, шелка, преимущественно синей, коричневой, темно-зеленой окраски. Обшивали бешмет стоячим воротником из той же ткани, края подола, рукавов окаймляли тесьмой, несколько ниже талии



*В
С*



*Капсырма.
Застежки женские.
Чернение, вставки камня.
Середина XIX в.*

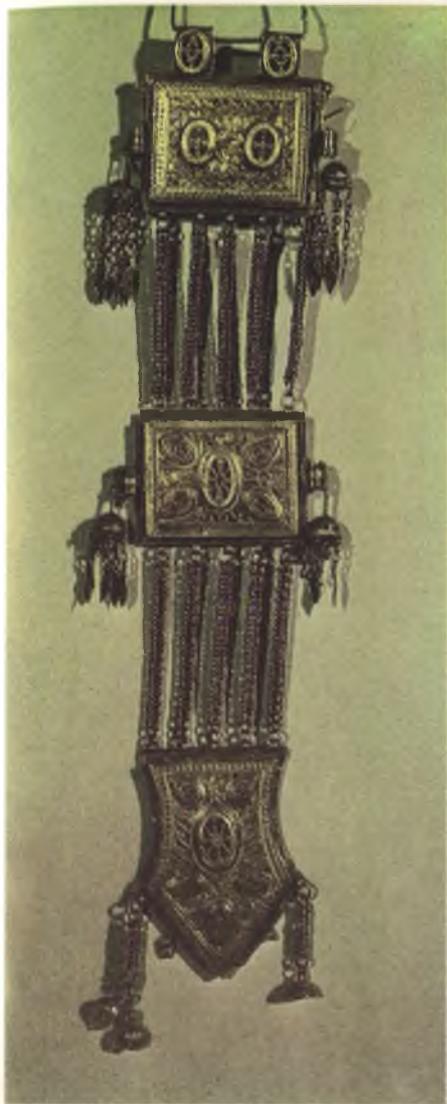
располагали прорезные карманы без клапанов. Шаровары шили из того же материала, что и бешмет, со вставкой-клином для удобства при верховой езде, верхние края штанин заворачивали для того, чтобы в них можно было продеть пояс, заменявший в данном случае ремень. Каких-либо застежек и пуговиц они не имели.

В зависимости от сезона бешмет, камзол и разновидность по-

следнего — *кокрекше* могли быть утепленными.

Поверх бешмета надевали шекпен — просторный халат прямого покроя, с длинными и широкими рукавами, из грубого самотканого сукна из верблюжьей шерсти, или чапан — халат такого же покроя из плотного материала на подкладке.

Зимой мужчины носили овчинный или волчий тулуп — тон, лисий треух — *тымак*, тяжелые кожа-



Алка.
Нагрудное женское
украшение.
Серебро.
Начало XX в.



Деталь
пояса

ные сапоги — саптама. Овчинный тулуп нередко заменялся шубой — купи (күні), покрытой шекпеном, сукном (бархатом — в женском варианте) со стеганым подкладом. С. И. Руденко, обследовавший в 20-х годах XX века на основе палеоэтнологических данных одежду казахов бассейна рек Уила и Сагызга, считал купи достоянием казахов и их предков по меньшей мере двухтысячелетней давности. Среди феодальной знати высоко ценились крытые шубы — ишик, сшитые из шкурок ценных зверьков. Самые нарядные шубы обшивались по краям мехом выдры, куницы. Большой популярностью пользовалась мужская одежда на матерчатой основе из подобранных по цвету шкурок жеребят, сайгаков. Из них шили разного рода камзолы, брюки, дополненные вышивкой.

Одним из древних в комплек-

Капсырма.
Застежка женская.
Серебро.
Вставки камня

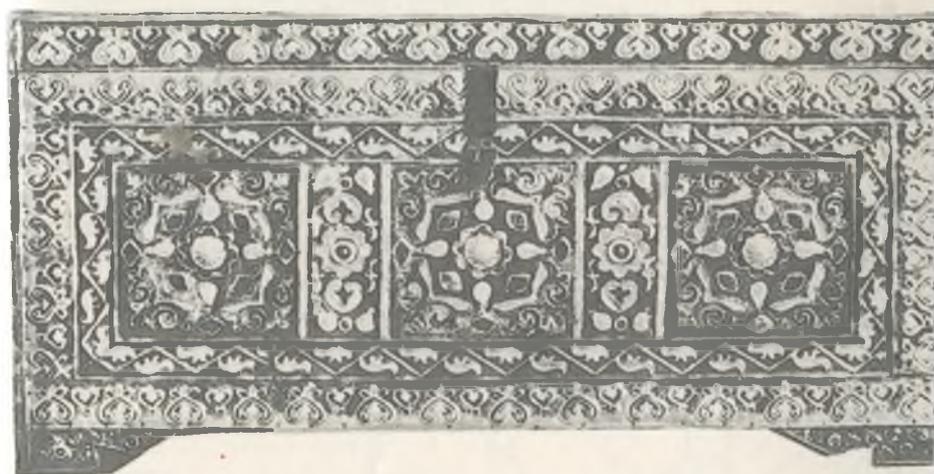
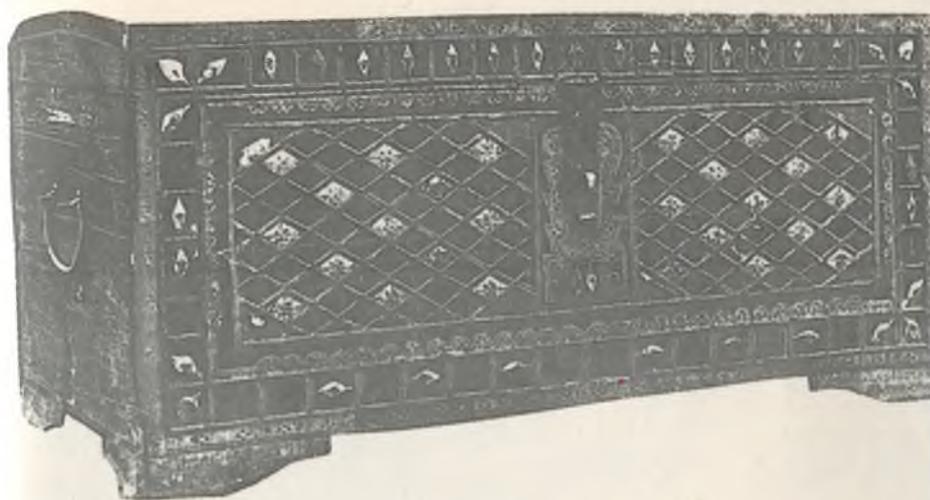


те мужского костюма казахов является войлочный плащ — кебенек (кебентай — в Семиречье), который шили преимущественно из тонкого белого войлока с ворсом на лицевой стороне. Валяли его небольшими квадратами размером 60×60 см. Получали войлок с ворсом путем вваливания грубой шерсти на полуготовую основу. Свертывали его в трубу, поливали многократно горячей водой и катали предплечьями рук.

К сожалению, образцы кебенек не дошли до нас. О его покрое мы можем судить только по рассказам очевидцев. Он был широким и длинным, выкраивался с разрезами сзади, вместе с брюками из того же материала, что и он сам. Имел глухой, стоячий воротник, заменявший капюшон. На-

детый поверх зимней одежды, кебенек надежно защищал всадника от ветра, дождя и снега.

Мужской костюм юга Казахстана отличался некоторой облегченностью, что, по-видимому, связано с оседлым и полuosедлым образом жизни населения, климатическими условиями. Одежда джигита состояла из короткого, приталенного бешмета, длиной чуть ниже бедер из шерстяной ткани, реже из бархата темно-вишневого, темно-синего или коричневого цвета (это основные тона мужского костюма юга Казахстана.— У. Д.), с прямыми рукавами, на подкладке. Рубаху к нему шили из тонкой хлопчатобумажной ткани, со стоячим воротником и косой застежкой по центру, брюки — из светло-бежевой или серой ткани, без разреза снизу,

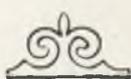


ибо они заправлялись в легкие сапоги на высоких каблуках. Костюм опоясывали ремнем или кушаком. На голову надевали войлочную шляпу, отделанную бархатом, под которой носили круглую тубейку.

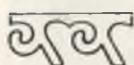
Широкие брюки с разрезами внизу в комплекте народного костюма принадлежали в основном пожилым людям, страдавшим полнотой, старикам-охотникам, вынужденным постоянно передвигаться верхом, народным сказителям, пев-

ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ КАЗАХСКОГО ОРНАМЕНТА

ЗООМОРФНЫЕ



МУЙИЗ



КОС МУЙИЗ



КЫНЫР МУЙИЗ



КАЗ МОИЫН



ТАБАН



ОРКЕШ



ОРМЕКШИ

РАСТИТЕЛЬНЫЕ



АГАШ



ЖАПЫРАК



УШ ЖАПЫРАК



ОТКИЗБЕ



ШИРШЫК



ГУЛЬ



ЖАУКАЗЫН

КОСМОГНИЧЕСКИЕ



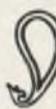
ШЕНБЕР



ШИМАЙ



ТОРТКУЛАК



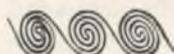
ШУГЛА



ЖУЛДЫЗ



АИШЫК



БИТПЕС

ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ



СҮЮР



ИРЕК



ТОРТУШКУЛ



БАЛДАК



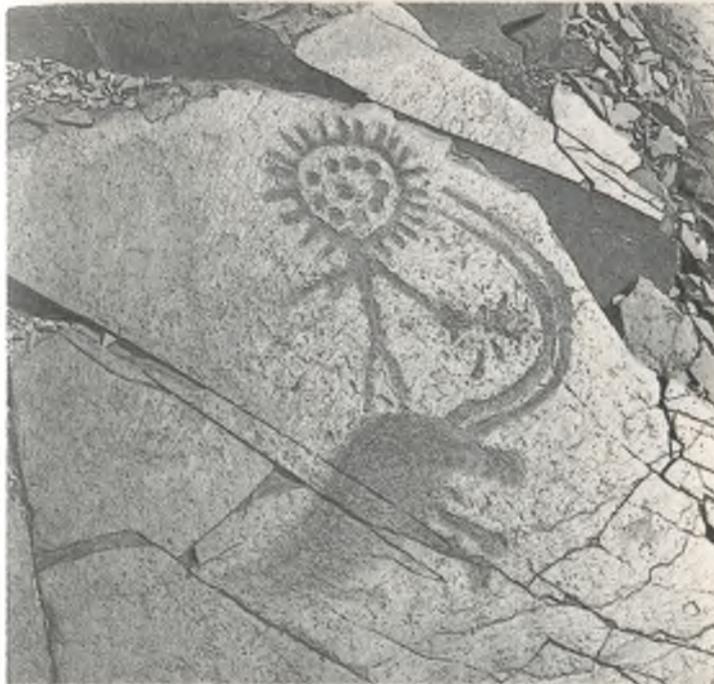
КАРМАК



ТУМАРША



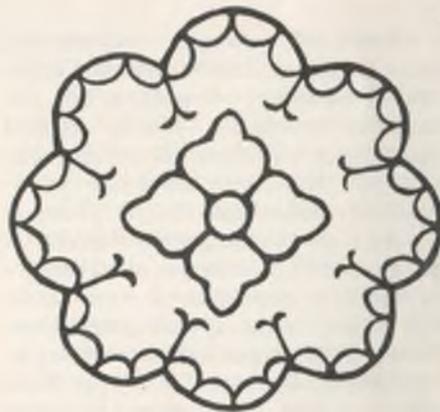
ШЫНЖАРА



Солнцеголовое
божество на быке.
Урочище Тамгалы

цам-импровизаторам, выступавшим перед публикой, сидя в течение многих часов подряд. Их носили не заправляя в сапоги, а разрезы делались для удобства.

Мужской костюм далеко не всегда застегивался и поэтому пояс был его обязательным элементом. Наиболее древним из них является *ксебелбеу* (*кісе белбеу*), в отличие от других типов ремней, например, *белдика* (*белдік*), он имел кожаные подвески, прочно прикрепляемые на ремешках, так называемые *окшантаи* (*оқшантай*) в форме старинной пороховницы, *кын* — ножны и т. п. Пояса украшались металлическими бляхами.



Таби
Розеі

Дверь кабырханы Ахмеда Ясави.
Резьба по дереву на мотив
казахского орнамента
«торт айшык» (по Т. Басенову)



Взрослые казахи постоянно, даже за дастарханом, носили круглую тюбетейку — *такия*, а все остальные головные уборы поверх нее, когда находились на свежем воздухе. Наиболее простым украшением тюбетейки были узорная строчка на околышке, из ниток — на верхушке. Вышитую шелком, золотой или серебряной канителью *зер такия* носили молодые люди. Не отличались разнообразием мужские верхние головные уборы. Калпак — шляпа войлочная, борик (*бөрік*) — шапка с меховой опушкой, тымак — треух — вот, пожалуй, и все. У феодальной знати

бытовала высокая, сшитая из бархата, вышитая золотой канителью шляпа на войлочной основе — мурак, надеваемая поверх конусообразной шапки с меховой опушкой.

Мужская обувь пожилых казахов состояла из *маси* (*масі*) — ичиг, на которые при выходе из дома надевали *кебс* (*кебіс*) — калоши кожаные. Взрослые мужчины все без исключения носили кожаные сапоги — *коксауыр*, внешне мало чем отличающиеся от обычных. Шили их обычно из шагрени зеленого цвета, которую получали, посыпая просо на размяченную



Казахские арабески
(по А. Медоеву).
Мангышлак. XIX в.

кожу и притискивая ее тяжестью. Казахские сапоги старинного покроя, нередко с заостренными и загнутыми кверху носками, не различались на левый или правый, что позволяло носить их дольше, меняя периодически с одной ноги на другую. Исключение составляли инкрустированные разноцветной кожей сапоги на высоких каблуках.

Наиболее примитивной обувью, которой пользовались бедняки, были *шокай* — кожаные сандалии, которые изготовлялись из сыромятной кожи, как и ремни, а также *шарык*, надеваемые на сапоги для

их предохранения при ходьбе по каменным осыпям.

Костюм женщины-казашки подразделялся по возрастным категориям. В комплект девичьего костюма входили:

легкое с двумя-тремя оборками, отрезное ниже талии на 5—6 сантиметров, сильно приталенное платье — *косетек*, одеваемое на нижнюю рубаху — *ишкойлек*. Юбку платья обшивали широким воланом, отсюда и его название — *косетек* — платье с двумя подолами, на которые пришивались два-три ряда присобранных оборок — *желбезек*. Столькими же рядами

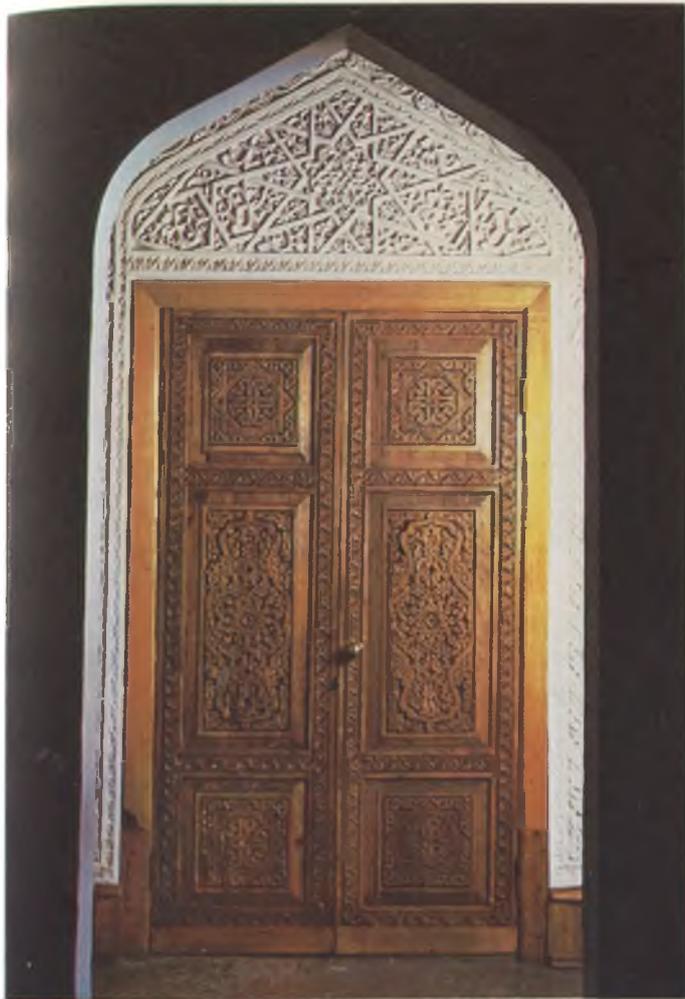
Резьба в стиле
«Кыр оюу» и «Кырма»
(реконструкция)



оборок украшался низ длинных рукавов, иногда и воротничков. В других образцах платья, особенно на Мангышлаке, в присырдарьинских степях, вместо оборок делали две-три складки;

камзол, преимущественно бархатный, яркого цвета, на подклад-

ке, длиной ниже бедер, приталенный. Вырез, полы, низ камзола отделялись вышивкой гладью, тамбуром, зачастую золотой или серебряной канителью, нашивками с люрексом, просто галунами, каймой из парчовой или набивной ткани, реже — бисером;



*Тот же узор
в резьбе по дереву
на верхнем
картуже двери*

такия — шапочка на твердой основе, расшитая жемчугом, золотистыми нитями, украшенная бусинками из драгоценных камней, кораллов и перьями совы;

белбеу — пояс кожаный, бархатный с металлическими бляшками, иногда филигранный;

етик — легкие сапоги из окрашенной кожи, вышитые канителью, на высоких каблуках или кебс — калоши, иногда с загнутыми кверху носками.

Нижнюю рубашку шили преимущественно из белой материи, без рукавов, с узкими плечами и вы-



резом ворота, завязываемым тесемками. Штаны — дамбал, не отличавшиеся по крою от мужских, шили из того же материала, что и нижнюю рубаху, а иногда из разноцветных тканей, с широким поясом и шагом, сужающимся чуть ниже колен штанинами.

Из всех этих элементов комплекта девичьего костюма особенно любовно украшали в прошлом тасию и белбеу, являющимися по старым понятиям символом девичества, которые не повторялись в общепринятом женском костюме. Исключением являлся белдик — кожаный пояс, которым запахивали свои чапаны пожилые женщины, и то исключительно в утилитарных целях.

*М. В а л и х а н о в.
Дада шугдасы.
Панно. Ганч
(реконструкция)*



*Костюмы супругов.
XIX в.*



Саукеле.
Свадебный головной
убор невесты.
Начало XX в.

*Мурак.
Мужской головной
убор*



*Казахи. 1861 г.
Петербург*



Айыркалда
головной у



Япон.
Халат мужской.
XIX в.





Утеря пояса для девушки была равнозначна лишению чести.

Костюм молодой замужней женщины состоял из такого же комплекта, что и у девушек, за исключением такии и белбеу. Такия заменялась на первых порах сау-келе — высоким свадебным головным убором, отороченным дорогим мехом, украшенным металлическими подвесками, диадемой, бусинами из драгоценных камней, кораллов, жемчуга, а после окончания свадебных торжеств — жаулыком, головным убором, складываемым из квадрата белой хлопчатобумажной ткани, или кимешекком, *суламой*, *кундуком*, покрывавшими волосы, спину, плечи женщи-

ны. Нередко обходились и белым платком. Камзол замужней женщины застегивался спереди на талии и украшался на месте застёжки большой металлической пряжкой — *капсырмой* (*қапсырма*).

Пожилые женщины поверх платья свободного покроя также надевали длинный камзол, в большей части с рукавами, на голову кимешек, дополненный белым платком, завязанным в виде тюрбана. В холодное время года они носили крытые бархатом теплые халаты, а более состоятельные шубу из шкурок пушных зверьков, бывшую в прошлом своего рода мерилем богатства.

В комплект женского костюма

Женщины
г. Уральска.
1910 г.



входила также белдемше — распашная юбка из бархата или тонкого сукна, которая присобиравалась на широком, плотном поясе из того же материала, застегивалась налево на пуговицы или пряжку. Белдемше вышивалась тамбуром, реже — отделывалась дорогим мехом.

Старинный головной убор *касаба* (*қасаба*), в котором трансформированы, по всей вероятности, основные элементы его раннего прототипа, древнетюркской (кыпчакской) одноименной шапки, не-

редко заменял саукеле в комплекте свадебного наряда, носили ее и после свадьбы. Касаба имела в своей основе круглую, слегка скошенную вниз на затылке форму. Ее размеры, высота строго не регламентировались. Делали ее из того же материала, что и камзол, окантуривая галунами с серебряным люрексом. Вышивалась золотом, украшалась мелкими круглыми металлическими пластинками. Лобная часть украшалась подвесками из чеканных металлических пластинок, бусин кораллов, бирю-

Молодые казашки.
Оренбург. 1914 г.



зы, драгоценных и полудрагоценных камней и монетообразных кружков. Справа к височной части касабы прикреплялись такие же, из пяти-шести бусин, но более длинные подвески, завершаемые зачастую серебряными колокольчиками. Нарядность шапке придавали еще и перья. Касабу замужние женщины носили без перьев, накинув поверх нее платок, нередко и

поверх платка. В соответствии со стилем ее украшений для комплекта женского костюма делали ожерелье, серьги, браслеты, кольца, подвески для кос, пояс филигранный, калоши кожаные.

Детский костюм у казахов повторяет одежду взрослых в уменьшенном виде, в строгом соответствии с ростом и возрастом ребенка. Это, по-видимому, связано со стре-



Композитор
Майра Уали-кызы
с мужем
Жармухамедом
Шормановым.
1920 г.

Поэт
Машхур-Жусуп
Копеев с друзьями.
1920 г.



млением каждого скорее увидеть в своих детях взрослых. «У киргизов (казахов. — У. Д.) в обычае прибавлять лета своим малым детям, — заметил польский революционер А. Янушкевич, побывавший в Казахстане в прошлом веке, — как бы от радости, что вырастили до такого возраста»¹. Исключение составлял т. н. *ит койлек*, который шили для новорожденного из цельного куска хлопчатобумажной ткани (бумазеи, ситца, бязи) несколько удлиненным, без плечевых швов и окантовок.

Казахи не шили специальную рабочую одежду. У них не было

¹Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям, А.-А. 1966, с. 236.

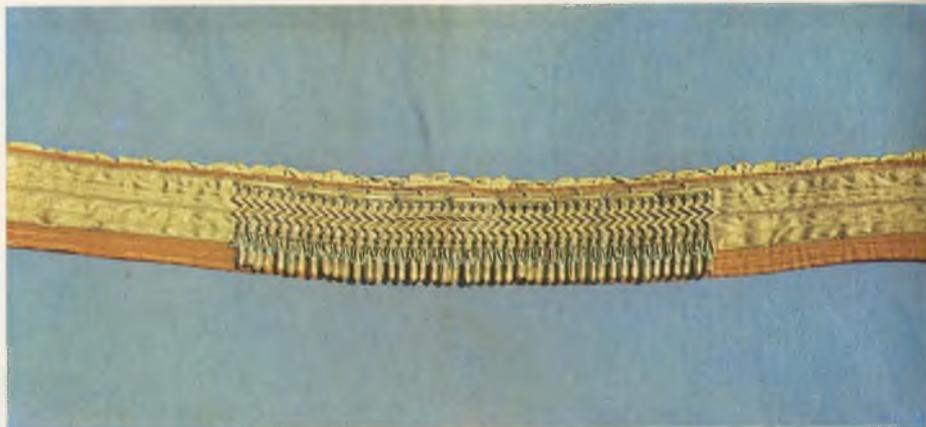
строгой грани в покрое будничного и парадного костюма. Последний отличался от первого более свободным кроем, объемом головных уборов, декором. Само собой разумеется, что на его пошив шли бархат, шелк, парча, дорогие меха, тогда как будничная одежда изготовлялась из простого материала.

Траурный костюм у женщины-казашки представлял собой обычную одежду, с которой удалялись все украшения. При этом убитая горем жена усопшего должна была распускать волосы, а дочери и сестры, сняв свои девичьи шапочки, накидывать на плечи черные шали. Лица мужского пола опоясывались траурными кушаками из трех-четырёх метров темной ситцевой ткани.



Казашки-горожанки.
20-е годы XX в.

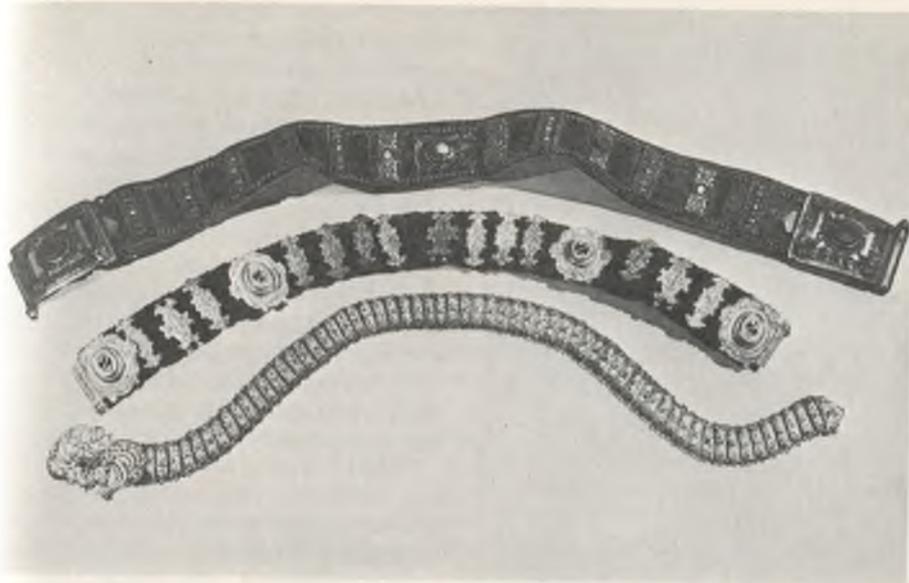
*Тати. Диадема.
Конец XIX в.*



*Касаба.
Старинный женский
головной убор*



*Касаба, украшенная
подвесками
и перьями*



*Белдик.
Пояса женские
для старшего,
среднего
и младшего
возраста*



*Белдик.
Пояс женский*



*Аяк киім.
Обувь женская.
Начало XIX в.*



*Кебс.
Калоши женские.
Кожа, металлические
украшения. XIX в.*

В целом казахский народный костюм сохранился до наших дней, особенно на селе у более пожилой части населения. Кое-где еще носят в комплекте современного костюма чапан — распашной халат, такию — тубетейку круглую, калпак — шляпу с отделанными бархатом полями, борик — шапку, отороченную дорогим мехом, тымак — треух, сапоги — саптама. Национальные традиции сохраняются и в современной одежде, развивая ансамблевость, рациональность кроя, единство формы и декора народного костюма.

При этом следует отметить, что комплект современной одежды казахов строится в сочетании европейской формы с элементами традиционного костюма, разумеется, с учетом склонностей различных возрастных групп. Но поскольку все необходимое, от нижнего белья до пальто и обуви, покупается сегодня в готовом виде, практически отпала необходимость в пошиве народного костюма, хотя бы частично, в домашних условиях. И поэтому больше не шьют верхней распашной одежды из самотканого сукна — шекпена, не делают дубленок, шуб из овчины и шкурок зверьков. Ушло в прошлое искусство золотошвей, вышивальщиц, кожевников, зергеров — ювелиров, так как с расширением производства товаров народного потребления на промышленной основе отпала необходимость в дорогостоящих кустарных изделиях. Музейной редкостью стали и перья совы. Вместо них в гардеробе театрально-концертных и

клубных учреждений для украшения девичьих шапок теперь используется белый капрон. Но мало кто стал бы возражать против организованного разведения этих неприхотливых птиц, коль без их перьев нельзя представить женский костюм в полной красе.

Полевые исследования, проведенные за последние годы, показывают, что под влиянием научно-технического прогресса, современной моды, замены материалов, украшений происходят изменения и в народном костюме. Даже в самых традиционных его видах, приобретаемых у населения для пополнения коллекций государственных музеев, в научных целях, не трудно проследить порою едва уловимую, но определенную эволюцию, смену форм. И если мы хотим сохранить его для грядущих поколений как проявление материально-бытовой культуры прошлого, то почему бы не наладить производство отдельных традиционных тканей, например, шекпена, мауты, масаты, батеса, бедерли, атласа, восстановить золотое узорчатое тканье, выпускать в широком масштабе металлические украшения, подвески из бусин драгоценных, полудрагоценных камней, кораллов, которые бы нашли применение и в современной одежде.

Как нам представляется, не стоило бы произвольно изменять форму, крой, орнамент народного костюма неумелым вмешательством отдельных модельеров, чрезмерно увлекающихся псевдонациональными элементами в искусстве



и активно внедряющих свои «творения» посредством кино, телевидения, театров, концертных организаций, пошивочных мастерских Союза театральных деятелей и местной промышленности.

История народного костюма нуждается в дальнейшем исследовании. Надо сказать, что значительно продвинулось его изучение в республике полевыми экспедициями Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова Академии наук Казах-

*Дети
из состоятельных
казахских семей.
Конец XIX в.*



*Резные доски
из дворца города
Кедера (Куйрук-тобе)
Сцена сватовства.
VII—IX вв.*



*Божество —
покровительница
города. Осада замка.
VII—IX вв.*



*Резная доска
из мавзолея
на городище Орнек.
X—XI вв.*

ской ССР, музеев республики, изданием большого научного труда «Народы Средней Азии и Казахстана» (М., 1962), монографии И. В. Захаровой и Р. Д. Ходжаевой «Казахская национальная одежда» (А.-А., 1964), выпуском красочно иллюстрированного альбома А. Галимбаевой «Казахский народный костюм» (А.-А., 1968, 1978), проведением выставки национальной одежды и научно-практической

конференции по ее проблемам в 1984 году.

Однако период, доступный изучению казахского народного костюма собственно полевыми экспедициями, сбором его образцов, записыванием сведений информаторов, исчерпаем, хронологически ограничен, как это ни печально, от силы пятидесятью-шестьдесятью годами нашего столетия. К этим далеко не всегда полным,

но очень ценным, за неимением других источников, сведениям информаторов-очевидцев можно приплюсовать услышанное ими в свою очередь от своих родителей, дедов и бабушек, охватывающее период примерно еще в 30—40 лет. Таким образом, наши полевые возможности для изучения народного костюма ограничиваются в лучшем случае концом XIX и началом XX веков. Примерно этого же периода образцы народного костюма хранятся в музейном фонде республики.

Остаются еще письменные источники, которые, к сожалению, содержат очень мало данных о собственно казахском народном костюме. К тому же арабо-персидско-армянские источники, в которых можно было бы, как нам кажется, найти очень интересные сведения о костюме казахов и их предков, изучены все еще мало. Новая информация о костюме стала известна благодаря археологическим раскопкам. Это, например, резные доски VII—IX веков из дворца города Кедера. На них изображены представители тюркской (кангарской) знати в роскошных одеждах. Однако археологический материал незначителен. Наши экспедиции все еще мало занимаются этнографической археологией.

Поэтому пока не произошла окончательная смена поколений, не перевелись последние очевидцы, не «состарились» музейные коллекции, ибо ткань, меха, кожа — основные материалы народного костюма — недолговечны, необходимо торопиться с изучением националь-

ной одежды, планомерно, в широких масштабах организовывать полевые экспедиции, сбор образцов одежды — с одной стороны, более глубоко исследовать и описывать содержание музейных фондов, выпускать красочные альбомы, проспекты, посвященные комплексам народной одежды — с другой. В целях популяризации народного костюма наладить выпуск научно-популярных кинофильмов, специальных передач на телевидении, выставок, улучшить качество производства костюма на предприятиях легкой и местной промышленности для коллективов художественной самодеятельности, любителей. И это отвечало бы целям сохранения и использования народного костюма как неотъемлемой части материально-бытовой культуры.

В народных промыслах казахов, как известно, переплелись почерки разных эпох, времен, поколений. На всевозможных изделиях из войлока, шерсти, кожи, дерева, кости, металла без труда угадываются знакомые нам по древним памятникам мотивы, ибо характер ремесла во все времена определялся накопленным опытом, установившимися традициями, в строгом соответствии с условиями жизни, быта, эстетическими идеалами общества.

Богатое художественное наследие казахов, их орнаментальное искусство, высокое техническое мастерство народных умельцев, неповторимый колорит народных художественных промыслов, наконец, народного костюма —

предмет особой национальной гордости. Пройдут годы. Еще не одно поколение исследователей будет заниматься изучением культуры казахского народного ремесла, привлекая большой фактический материал, художественные ценности, хранящиеся в музейных фондах, у населения, в организациях и учреждениях.

Однако век технического прогресса вносит свои поправки и в эту отрасль человеческой деятельности. Многие из обрядов, обычаев старого быта, вместе с ними и отдельные виды ремесла явно устарели и уже отошли в прошлое. Другие, приобретая иное содержание, продолжают жить в новых условиях, развиваясь уже на современной основе. Так, с увеличением ассортимента шерстяных изделий отпала необходимость в домотканых шекпенах, большой выбор современной обуви привел к

ликвидации надомного сапожничества, фарфор и фаянс вытеснили самодельную посуду. Давно не делают у нас мебель в домашних условиях, не получают красителей из корней различных кустарников, не варят мыла. Все больше становится предметов домашнего обихода, ювелирных изделий, выпускаемых промышленностью.

В такой обстановке изучение не только хозяйства, материального производства с привязкой во времени и пространстве, но и исследование художественных промыслов, народного костюма казахов в совокупности археологических, этнографических и исторических материалов приобретает особую значимость для синтеза культуры и быта, создания единой для всех социальных групп населения эстетической среды, окружающей советских людей в быту и на производстве.



ЖИЛИ, УМЕРЕННОСТЬ СОБЛЮДАЯ



*«Пока кочующий род людской
Минет безводных пустынь гор,
Пока перевалит за грани гор,
В страну, облюбованную мечтой».*

Султанмахмут



Жили, умеренность соблюдая

С. И. Руденко, изучавший в первой четверти XX века особенности народной архитектуры казахов в бассейнах рек Уила и Сагыза, обратил внимание на непосредственную связь жилого дома с помещениями для скота, весьма совершенное устройство крыши, практичность конструкций печей, разделяющих жилье на две половины — жилую и хозяйственную, наличие в жилых комнатах невысоких нар. Это — бесспорное свидетельство того, что наши отцы и деды более всего проявляли умеренность, практичность и простоту в строительном деле. Принимая во внимание своеобразные конструктивные приемы жилых домов казахов, ученый пришел к выводу, что они вовсе не являются заимствованными, а были известны казахам и их предкам с глубокой древности.

Можно, конечно, предположить, что немалое воздействие на

развитие степного зодчества оказали ремесленные и земледельческие поселения, возникшие в конце I тыс. до н. э. в оазисах вдоль Сырдарьи, у подножий Каратау, бассейнах Таласа и Чу, к которым всегда тяготели кочевники-скотоводы. Нельзя исключать и то обстоятельство, что и степняки могли оказать определенное влияние на городскую архитектуру.

Как известно, в первые века нашего летосчисления эти поселения превратились в города — центры политической, экономической и культурной жизни на пересечении древнего «Шелкового пути».

Установлено, что «Шелковый путь» на значительном своем протяжении пересекал Казахстан, орбиту торговых и культурных связей были втянуты племена и народы, населявшие его территорию в древности и средневековье. Уже в эпоху саков существовал прототип «степного пути», который по



Джайляу

должал интенсивно функционировать и в средневековье, в XIII—XV вв. Он шел из стран Средиземноморья через причерноморские степи, пересекая Волгу и Урал, приводил в земли савроматов в Южном Приуралье, к Иргизу, Ишиму и Иртышу на Алтай. По нему распространялись китайский шелк, иранские ковры, драгоценные меха.

В середине XIII в. по степному пути пришли дипломаты Плано Карпини и Вильгельм Рубрук. Но тогда он проходил южнее: из города Каффы в Крыму в Тану

в устье Дона, в Сарай на Волге, Сарайчик на Урале, Ургенч в Хорезме, Отрар на Сырдарье, далее по северным склонам Каратау в низовья Таласа, а оттуда в Семиречье и вдоль побережья Алакуля в Монголию и Китай.

Другое направление «Шелкового пути» из Сирии, Ирана вело в Среднюю Азию и далее через Южный Казахстан и Семиречье по побережью Иссык-Куля через горные перевалы в Кашгарию, Китай и Японию. Этот путь функционировал в VI—XII вв. На нем располагались такие известные города,



как Сайрам (Испиджаб), Касрибас, Тараз, Кулан, Мерке, Нузкет, Джуль, Навакет, Суяб, Баласагун.

В X веке становится оживленным отрезок пути, проходивший через Илийскую долину, где находились Тальхир, Екиогуз, Койлык, Илибалык. Североилийский и южноилийский пути вели в Алмалык, первый через Джунгарские ворота, второй через долины Усека и Хоргоса.

«Шелковый путь» функционировал до начала XV в. Он служил вначале для экспорта китайского шелка в страны Запада. В свою

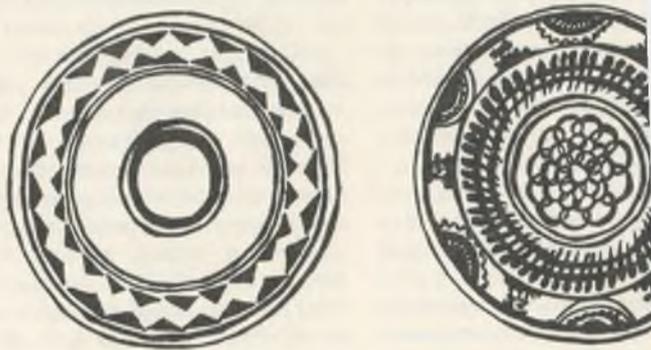
очередь из Рима, Византии, Индии, Ирана, Арабского Халифата по нему шли товары из этих стран.

Список экзотических товаров был разнообразен. Это мирра и ладан, жасминовая вода и амбра, кардамон и мускатный орех, женьшень и желчь питона, ковры, шелковые и хлопчатобумажные полотна, красители и минеральное сырье, алмазы и яшма, янтарь и кораллы, слоновая кость и «рыбьи бивни», слитки серебра и золота, меха и монеты, луки и стрелы, мечи и копья и многое другое. По «Шелковому пути» вели на продажу

Фрагмент казахстанского участка «Шелкового пути»



*Раскопки Отрара.
Застройка XVI—XVIII вв.*



*Отрарские чаши.
XVII—XVIII вв.*

«потокровных» коней Ферганы, арабских и нисийских скакунов, верблюдов и слонов, носорогов и львов, гепардов и газелей, ястребов и соколов, павлинов, попугаев и страусов. Процветала работоторговля военнопленными, ремесленниками, карликами и неграми.

«Шелковый путь» служил проводником духовной культуры и искусства. Искусные музыканты и танцоры, барабанщики и акробаты, музыкальные ансамбли из Средней Азии и Восточного Туркестана давали представления при дворе китайского императора и знати.

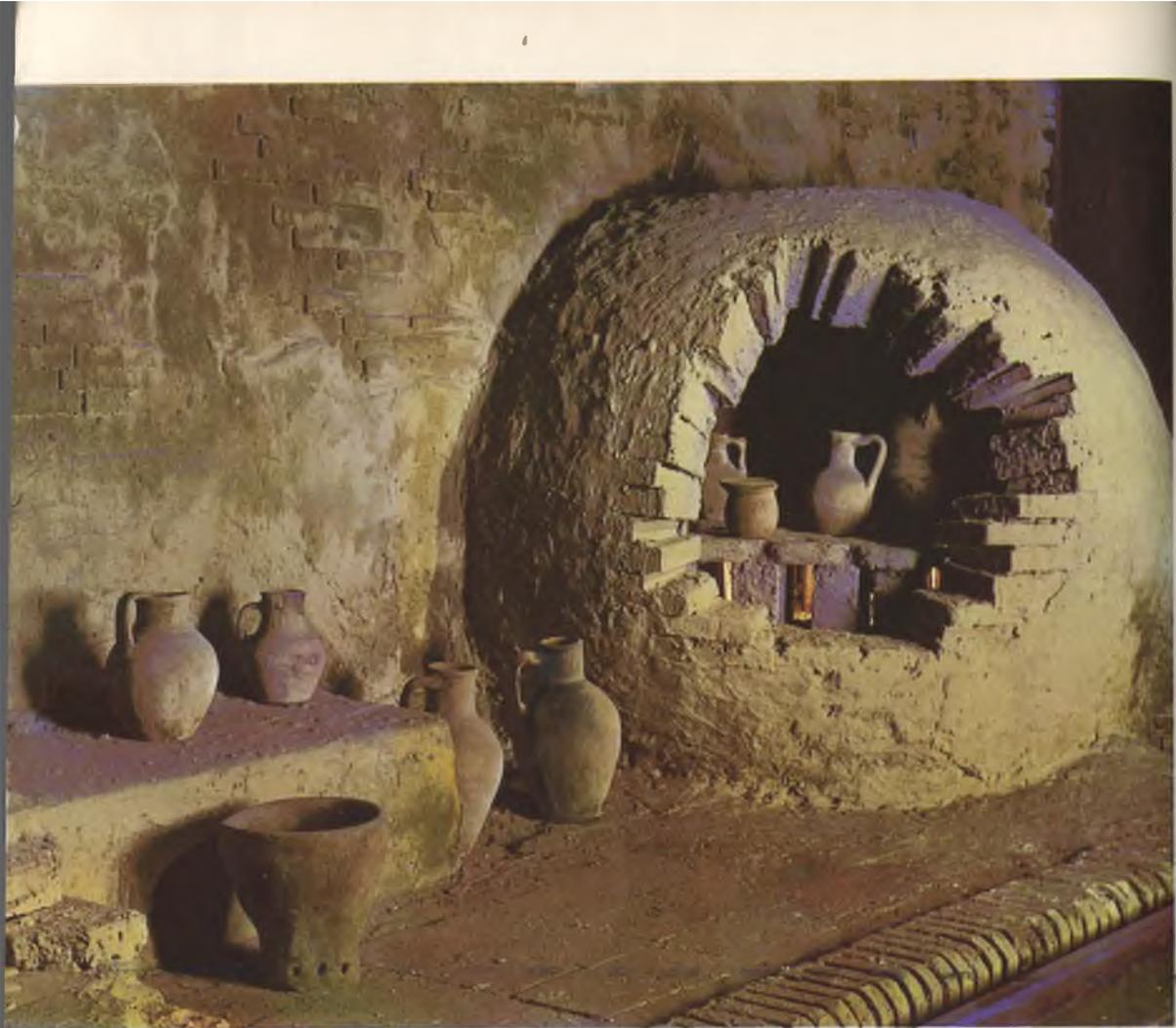
По «Шелковому пути» распространялись религиозные идеи, и различные миссионеры «несли» свою веру в заморские страны. Из Индии через Среднюю Азию и Восточный Туркестан, Китай и Японию пришел буддизм; из Сирии, Ирана распространялось христи-



Глиняный черепок с арабским письмом. Куйрук-тобе. X—XI вв.



Глазурованная керамика. Куйрук-тобе. X—XI вв.

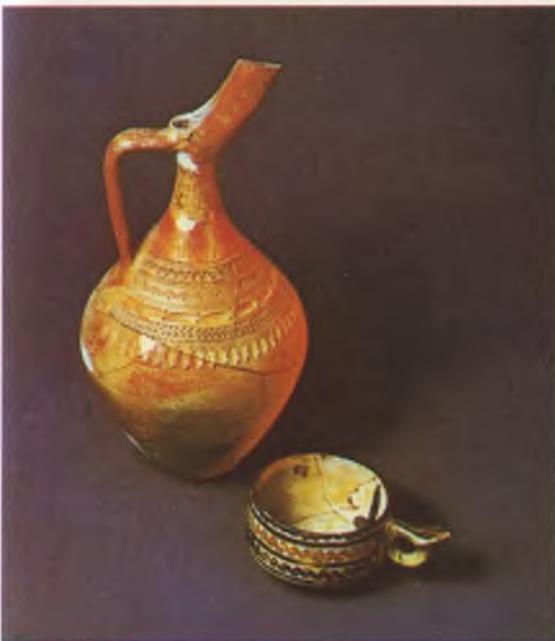


*Гончарная
мастерская
X—XII вв.
(реконструкция)*

анство, а затем ислам. Конечно, не следует забывать, что «Шелковый путь» подчас становился дорогой войн и нашествий, кровопролитных сражений, путем работорговли. Но его главное содержание, имевшее непреходящее значение для евразийского континента, заключалось в сближении и вза-

имообогащении стран, народов и цивилизаций.

Одним из крупных торгово-ремесленных и культурных центров, возникших на древнем «Шелковом пути», был великий Отрар с его не менее знаменитыми пригородами Кокмардан, Кедер (Куйрык тобе). Оксыз (Васидж), Каракон-



Глазуванная керамика.
Отрар. XIV—XVII вв.

Блюдо глазуванное. Оломки чаш.
Отрар. XV—XVI вв.

Кувшин. Кружка.
Городище Куйрук-тобе.
IX—XI вв.

Поливная чаша
с подглазурной росписью.
Йасы (Туркестан).
XV—XVI вв.



Поливная чаша
с подглазурной росписью.
Йасы (Туркестан).
XV—XVI вв.





Поливная чаша
с подглазурной росписью
Иасы (Туркестан).
XV—XVI вв.

сы (Каракунчук), Бузук, прославившимися как центры торгово-ремесленных дел, науки и культуры и давших миру таких выдающихся ученых-энциклопедистов, как Абу Наср аль-Фараби (870—950), Габбас Саид аль-Жаухари (IX в.), Исхак аль-Фараби (ум. 961), Исмаил аль-Жаухари (ум. 1002), Ахмет аль-Отрари (XI—XII вв.) и др.

Отрар имел четкую планировку улиц, кварталов, площадей, куда можно было попасть через трое крепостных ворот, снабженных перекидными мостами через ров. Наличие в городе монетного чекана, ремесленных кварталов, водопровода, канализации свидетельствует о развитой в раннем средневековье городской жизни. Только на примыкавшей к центру города территории находилось свыше 10 боль-

ших и малых городских поселений, на многие километры простиралась его сельскохозяйственная округа с великолепными ирригационными сооружениями.

В многослойной толще гигантского холма на площади 20 гектаров, каким предстает сегодня перед нами Отрар, археологами К. А. Акишевым, К. М. Байпаковым, Л. Б. Ерзаковичем и др. выявлены остатки материальной культуры с первых веков вплоть до первой четверти XVIII столетия, когда последние жители покинули этот запустевший город. На то были свои причины. Едва возрожденный после монгольского нашествия Отрар неоднократно подвергался трудным испытаниям, став ареной ожесточенных столкновений сначала между правите-





*Айша-Биби.
Джамбулская обл.
XI—XII вв.*

лями Золотой Орды и Тамерланом, затем казахским и среднеазиатскими ханствами. Начиная с XV века, с наступлением эпохи великих географических открытий древний «Шелковый путь» потерял былое значение. Сюда все реже и реже стали ходить караваны купцов с товарами из разных стран. Постепенно сокращались ремесленное дело, сеть древних ирригационных систем, масштабы земледелия. Но город продолжал жить вплоть до XVIII века.

Примечательно, что архитектурно-конструктивные приемы отрарского жилища, предметы материальной культуры, найденные в этом некогда цветущем оазисе, находят аналоги в казахском домостроении, традиционной культуре казахского народа, подчеркивая взаимосвязь культур, поколений¹.

¹ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Отрар XVI—XVIII вв. по итогам раскопок 1971—1973 годов. А.-А., 1975, с. 34—36.

←
*Остатки дворцовых
построек городища
Баба-Ата.
VI—IX вв.*

*Бабаджа-хатун.
Джамбулская обл.
X—XI вв.*

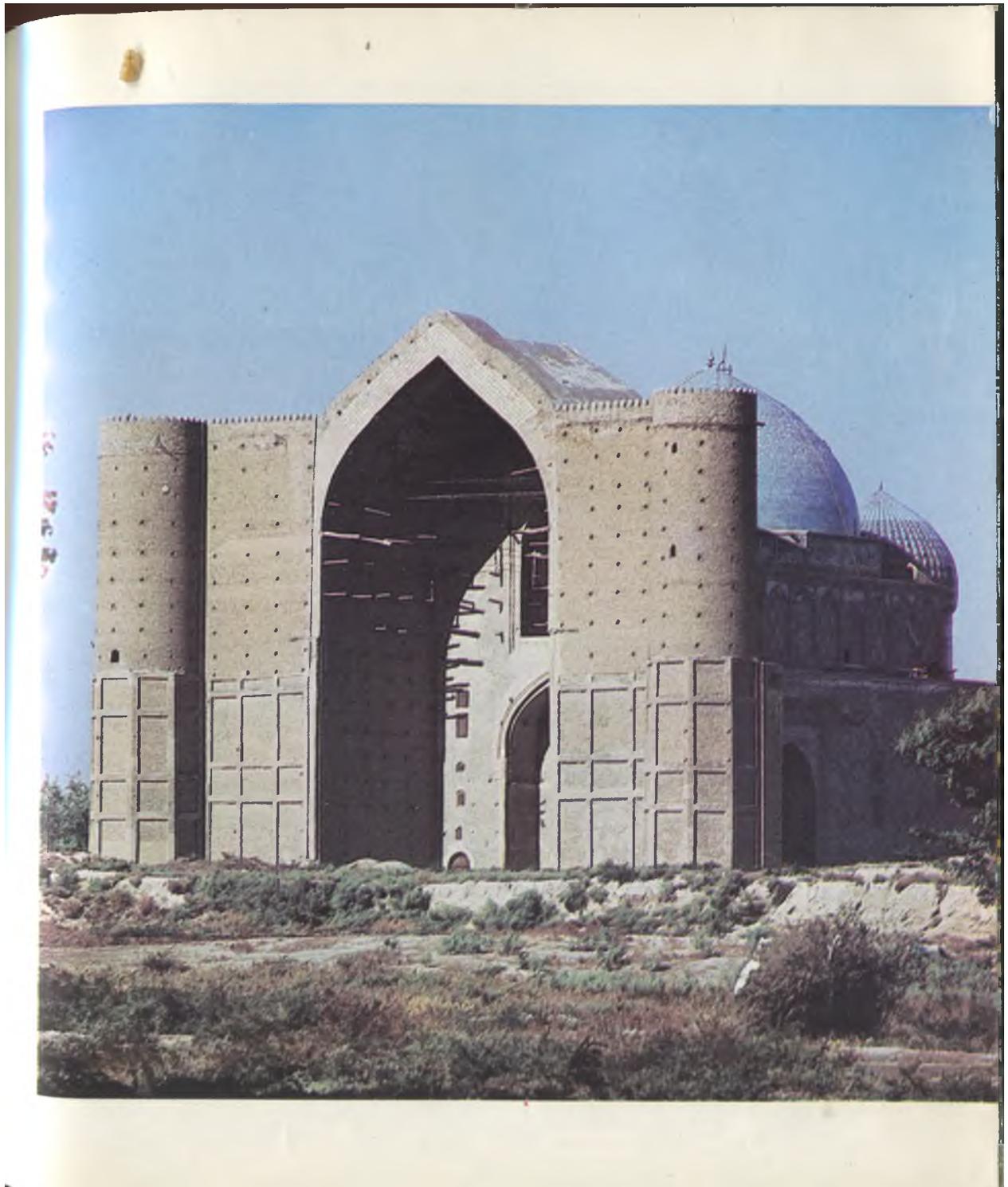


→
*Мавзолей-мечеть
Ахмеда Ясави.
Южный портал.
XIV—XV вв.*

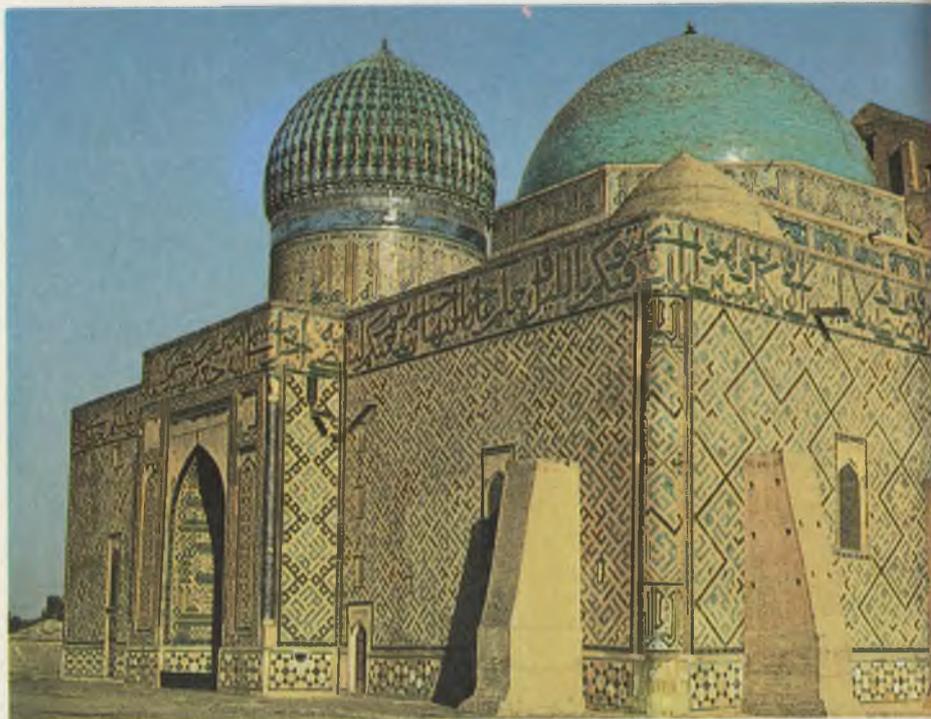
Население юга Казахстана, как известно, с незапамятных времен владело секретами изготовления сырцового кирпича — *кесека*, глиняных блоков — *жумбаз*, умело сооружать из них мощные по тем временам крепостные стены, архитектурные ансамбли. Об одном из

них — Баба-Ате очень подробные и интересные данные выявили исследования археолога Е. И. Агеевой¹. Четыре раза прекращало и

¹ Агапов П., Кадырбаев М. Сокровища древнего Казахстана. А.-А., 1979, с. 152—153.



*Мавзолей-мечеть
Ахмеда Ясави.
Северный портал.
XIV—XV вв.*

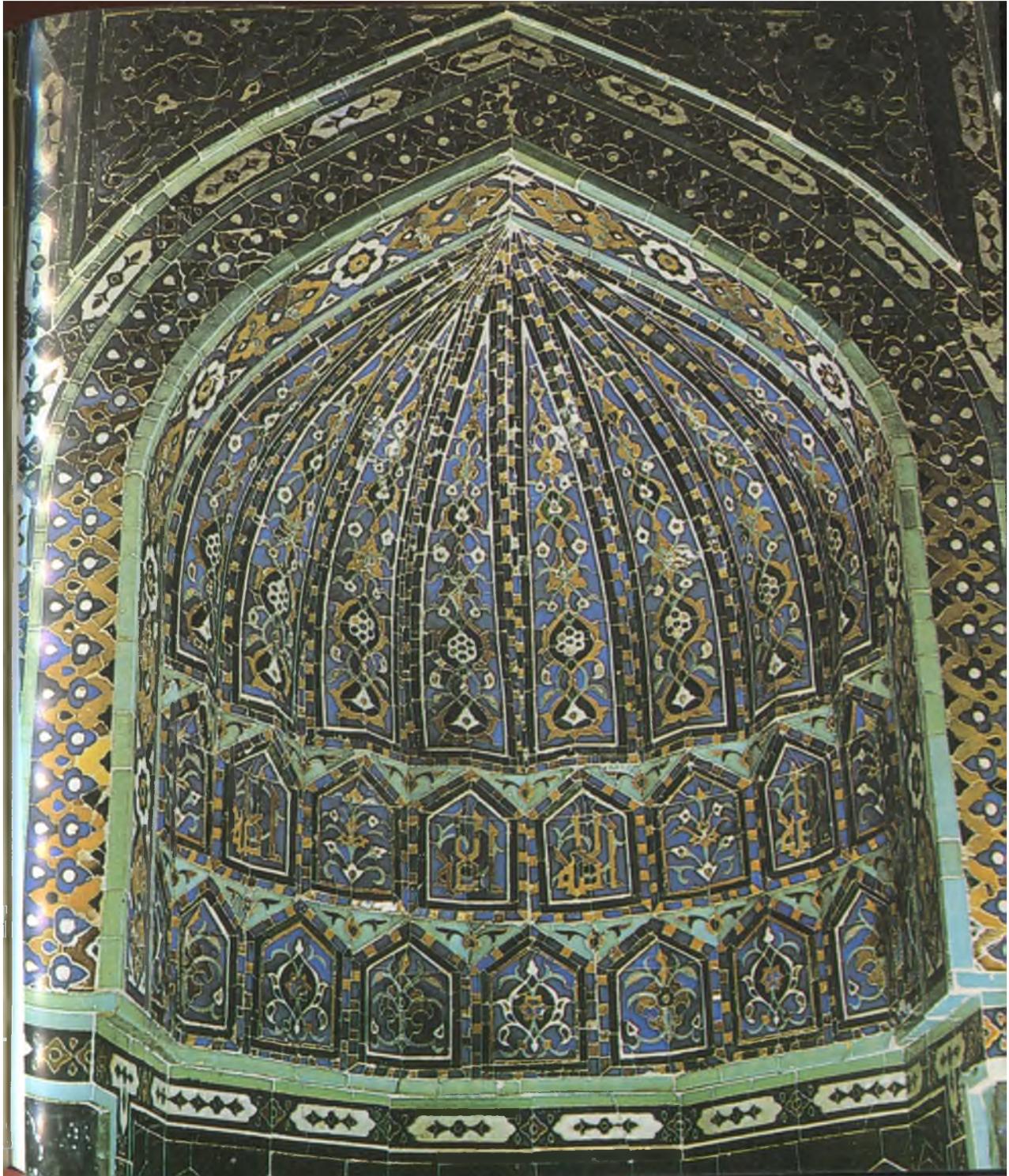


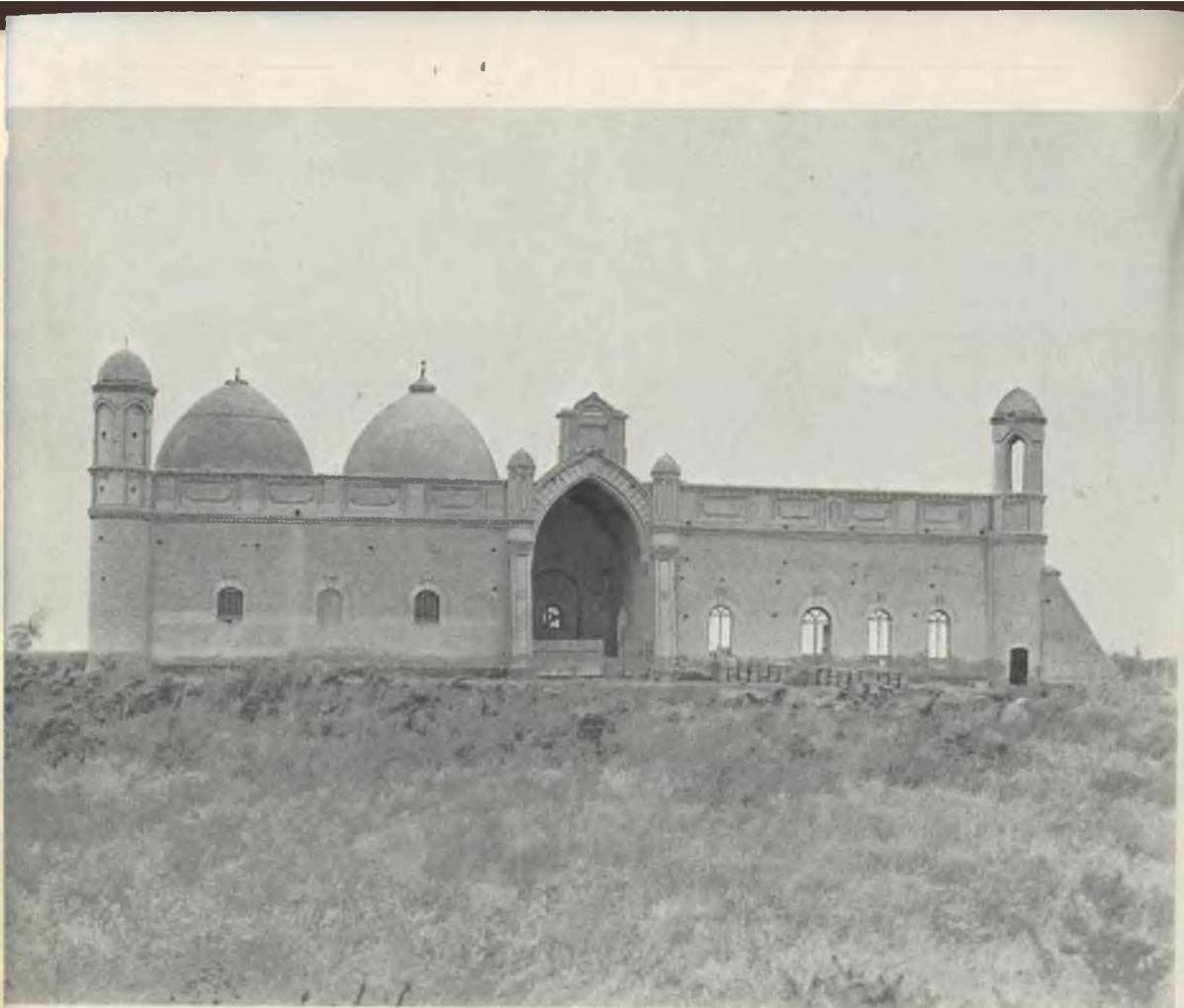
*Кибир.
Надгробие
Ахмеда Ясави*



→
*Микпур.
Михраб мечети
Ахмеда Ясави*

возобновляло свою жизнь это древнее поселение. В VI веке здесь была выстроена монументальная усадьба-крепость высотой более шести метров, окруженная стеной из глиняных блоков и кирпича-сырца. Это было двухъярусное здание, состоящее из нескольких залов с купольными перекрытиями и галереями между этажами, что характерно для архитектуры тех лет. Через двести с лишним лет в VIII—IX веках нижний этаж забутовали, расширили и на высокой платформе, на месте верхнего этажа, соорудили новое здание прямоугольной формы с полукруглыми башнями по углам. Постепенно рядом с ци-





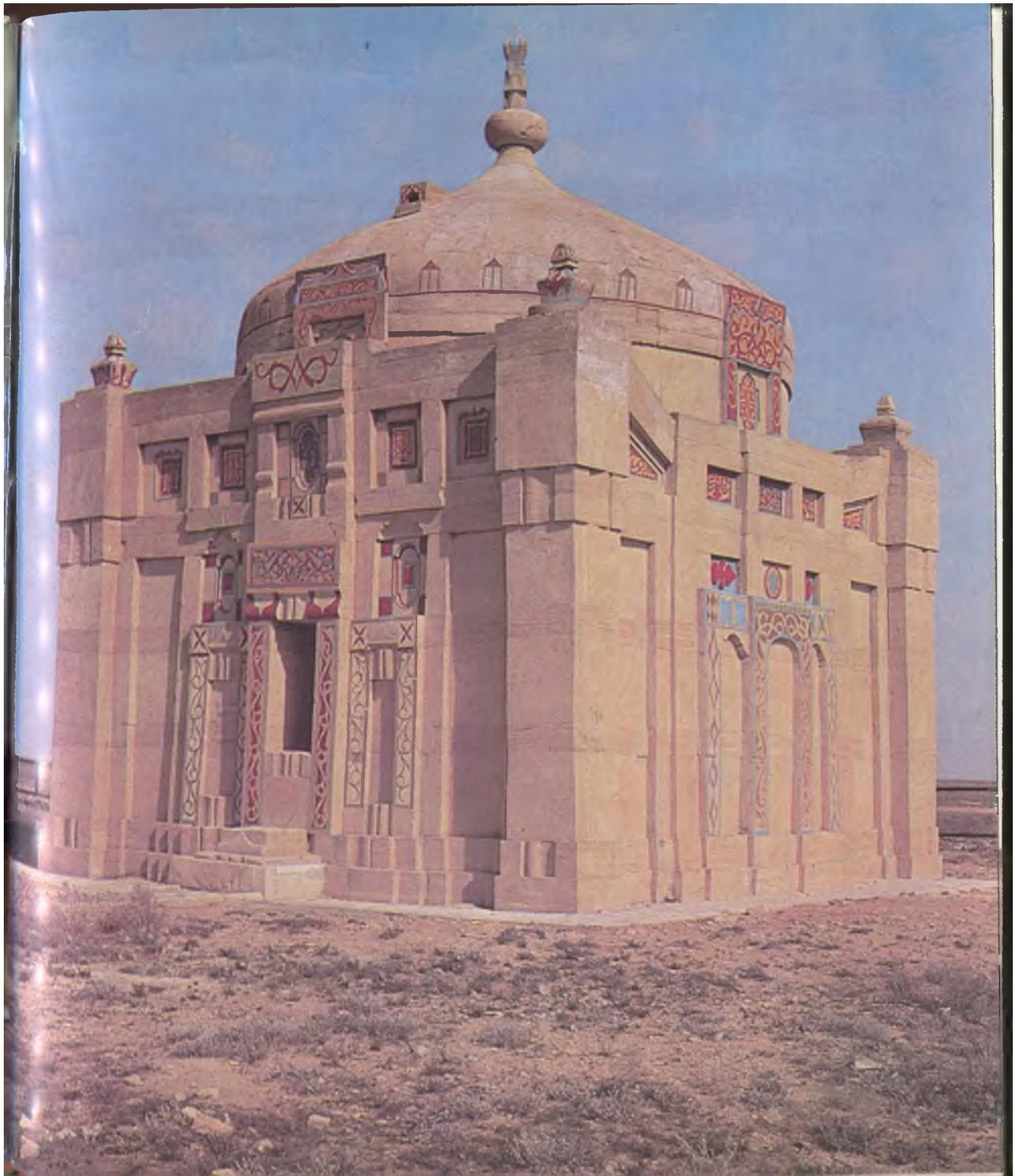
*Мавзолей-мечеть
Арыстанбаб.
Южный Казахстан.
XII в.
Реконструкция
начала XX в.*

→
*Мавзолей
Омара и Тура.
1897 г.
Западный Казахстан*

таделью возникли жилые кварталы, базары, небольшие храмы. Вскоре деловая часть города укрепляется мощными глинобитными валами, ровом с водой. С развитием ремесла и других форм производственной деятельности, с трех сторон пристраивается к ней рабад — ремесленно-торговое предместье, которое обносили глинобитными стенами с восьмигранными башнями. Нако-

нец в XI—XII веках площадь внутреннего города интенсивно застраивается жилыми домами. Реконструируются и расширяются замок и крепостные стены, пока Баба-Ата не был разрушен окончательно, очевидно, монголами.

На стыке древних скотопрогонных дорог и караванных путей возник другой крупный, густозаселенный с давних времен город Сай-



рам (Исфиджаб), открывшийся перед взором арабского путешественника XIII века одним «из процветающих и приятнейших», с обилием зелени, проточных вод, прекрасных садов. «Многовековое прошлое Сайрама — города, — писал известный советский востоковед М. Массон, — чувствуется при проезде через него уже в самом скелете кишлака, в его сложной, словно спутанной, но в действительности строго централизованной распланировке кварталов, больших уличных артерий и мелких вспомогательных переулков. Это смутное ощущение усиливается на базаре, где голоса пришлых по преимуществу казахов резко раздаются в общем шуме... где подчас можно ненароком подслушать музыкально плавную речь таджика-поселянина, именующего себя узбеком»¹.

Одним из крупнейших на древнем караванном пути был Тараз — «город купцов», предтеча современного города Джамбула, о котором сохранилось немало интересных сведений восточных авторов, в том числе византийского посла Земарха, побывавшего в 568 году в ставке западнотюркского кагана Дизабула. По данным арабского путешественника X века аль-Максиди, он был густозастроенным, с многолюдным предместьем, обнесенным крепостными стенами, со рвом и четырьмя воротами городом². Окружность города составляла

тогда 4—4,5 километра. Тараз был столицей тюрок-караханидов. В городе чеканились монеты.

Исследования, проведенные советскими археологами в современном Джамбуле, выявили, что еще в I тыс. до н. э. Тараз представлял собой город классического образца с цитаделью, шахристаном, торгово-ремесленными рядами, имел мощные улицы, водопровод, канализацию, общественные бани.

Это было время интенсивного развития земледелия и оседлости в долинах Таласа и Чу, период массового перехода кочевников-бедняков к оседлому образу жизни и строительства городов, поселений, феодальных усадеб-крепостей, дошедших до нас лишь в виде всхолмлений и курганов. Один из них местным населением называется Актобе (белый холм.— У. Д.) из-за внешней формы его центральной цитадели. Город располагался в междуречье Аксу и Карабалты. Как и все более значительные города той поры, Актобе имел цитадель, шахристан, ремесленное предместье, несколько рядов оборонительных стен со сторожевыми башнями и простирался на несколько квадратных километров³.

Наличие хорошо организованных систем водопровода, канализации, своего, как и в Таразе, монетного чекана, гончарного произ-

¹ М а с с о н М. Старый Сайрам. «Известия Среднеазиатского комитета». Вып. III. Ташкент, 1928, с. 24.

² Бо л и н С. Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах. «Труды института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР», т. VIII. А.-А., 1960, с. 91.

³ История материальной культуры Казахстана. А.-А., 1980, с. 14.

водства, поливной керамики свидетельствуют о столичном характере Актобе. Судя по размаху градостроительства, памятникам материальной культуры, выявленным при раскопках, перед нами огромный средневековой город, достигший своего наивысшего расцвета в IX—XII веках.

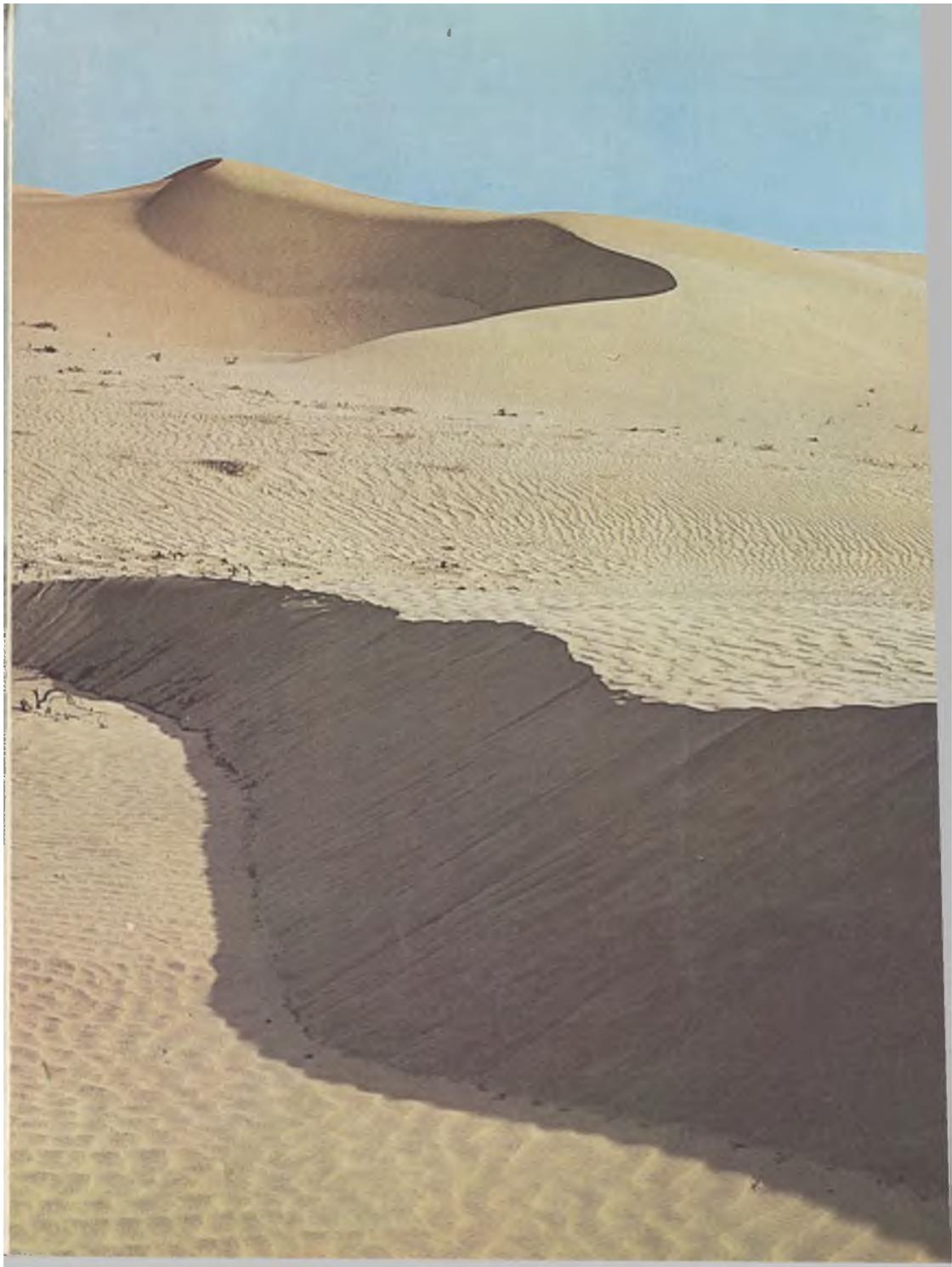
Развитие местной строительной культуры можно проследить и по архитектурному облику, выявленному археологами, не только таких городов, как Сыгнак, Йасы, Кулан, Тальхир (Талгар), Койлык, но и по конструкциям культовых сооружений типа Домбаул, мавзолеев Аяккамыр, Алаша-хана, Жошы-хана в Центральном Казахстане, Бабаджи-хатун (*Бабаши қатын*), Айша-Биби близ Джамбула, башни Сарман-косы, мавзолея Сырлы-там на Сырдарье, подземной мечети Шакпак-Ата на Мангышлаке, относящихся к VIII—XVI векам; и наконец, целого ряда памятников, входящих в комплекс мавзолея-мечети Ахмеда Ясави в г. Туркестане (XII—XVII вв.)

Не должно быть сомнений в том, что зодчие этих городов, архитектурных памятников отлично владели не только строительными приемами, складывавшимися на протяжении многих столетий, но и сложной теорией архитектуры. На такую возможность отчетливо указывает помимо прочего то обстоятельство, что хотя весьма различные по характеру и качеству стройматериалы — камень-плитняк, глиняные блоки, кирпич-сырец, жженный кирпич в руках древних мастеров и оказывали опре-

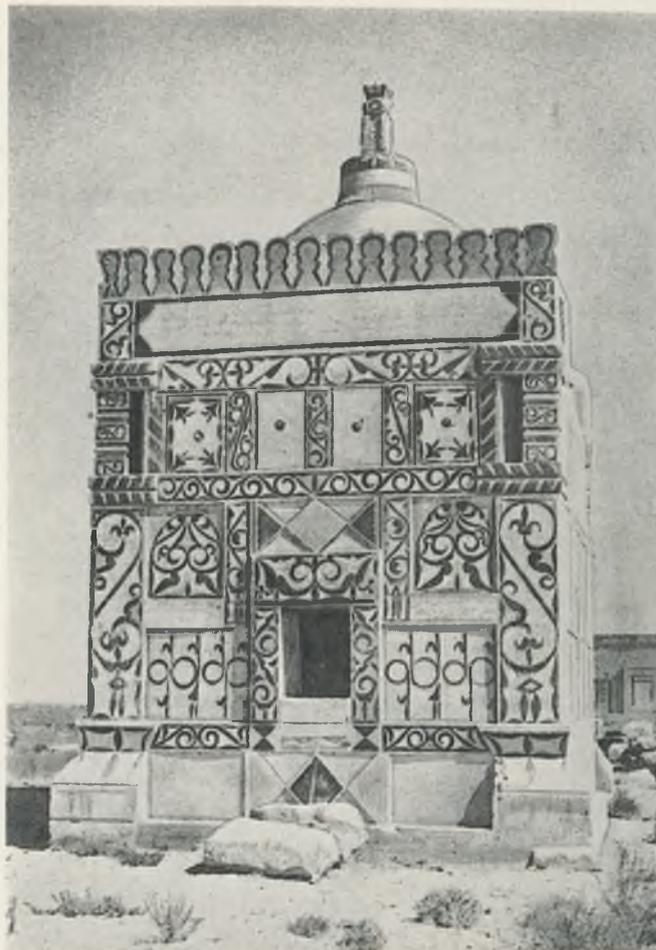
деленное влияние на конструкции, формы и пропорции строений, но сами по себе не решали главного — их архитектурного облика, гармонии и единства архитектурно-художественного решения. Они лишь подчеркивали при этом пропорциональные закономерности построения зданий, их поражающее взор декоративное убранство. Все это с неоспоримой убедительностью доказано в книге известного советского архитектора М. С. Булатова «Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии» (М., 1978).

Возьмем, к примеру, конструкции мавзолея Айша-Биби — выдающегося памятника архитектуры XI—XII вв. Он имеет кубическое основание, стены, соразмерные одной четвертой диагонали исходного квадрата, по четырем углам которых возвышаются изящные колонны, облицованные, как и стены, резной терракотой. Система небольших ниш, колонок, сводов, стрельчатых арок клинчатой кладки придают памятнику законченный вид, создавая впечатление гармонии, внутреннего совершенства и согласованности.

Мавзолей Айша-Биби особо ценен для нас еще и тем, что в узорах его резной терракоты воплотились в различных сочетаниях почти все мотивы казахского народного орнамента, отдельные из которых восходят ко временам древних саков. Архитектор Т. К. Басенов назвал мавзолей Айша-Биби «своего рода музеем, в котором сосредоточены основные орнаментальные сокровища архи-



В песках
Кызылкумов



Мавзолей
Нурмагамбета.
Мангышлак

тектуры Казахстана»¹, содержащий ключ к пониманию их форм, интерпретаций.

В силу известных обстоятельств на территории Казахстана сохранились, главным образом, памятники культовой архитектуры, кото-

рые почти без исключения являются купольными, а «форма купола в известной мере подражает форме переносного жилища»¹, т. е. юрты. Пример в этом дает конструкция известной на Мангышлаке подземной мечети Шакпак-Ата, соору-

¹ Архитектура Казахстана. А.-А., 1959, с. 101.

¹ Басенов Т. К. Памятники архитектуры в районе Сам. А.-А., 1947, с. 36

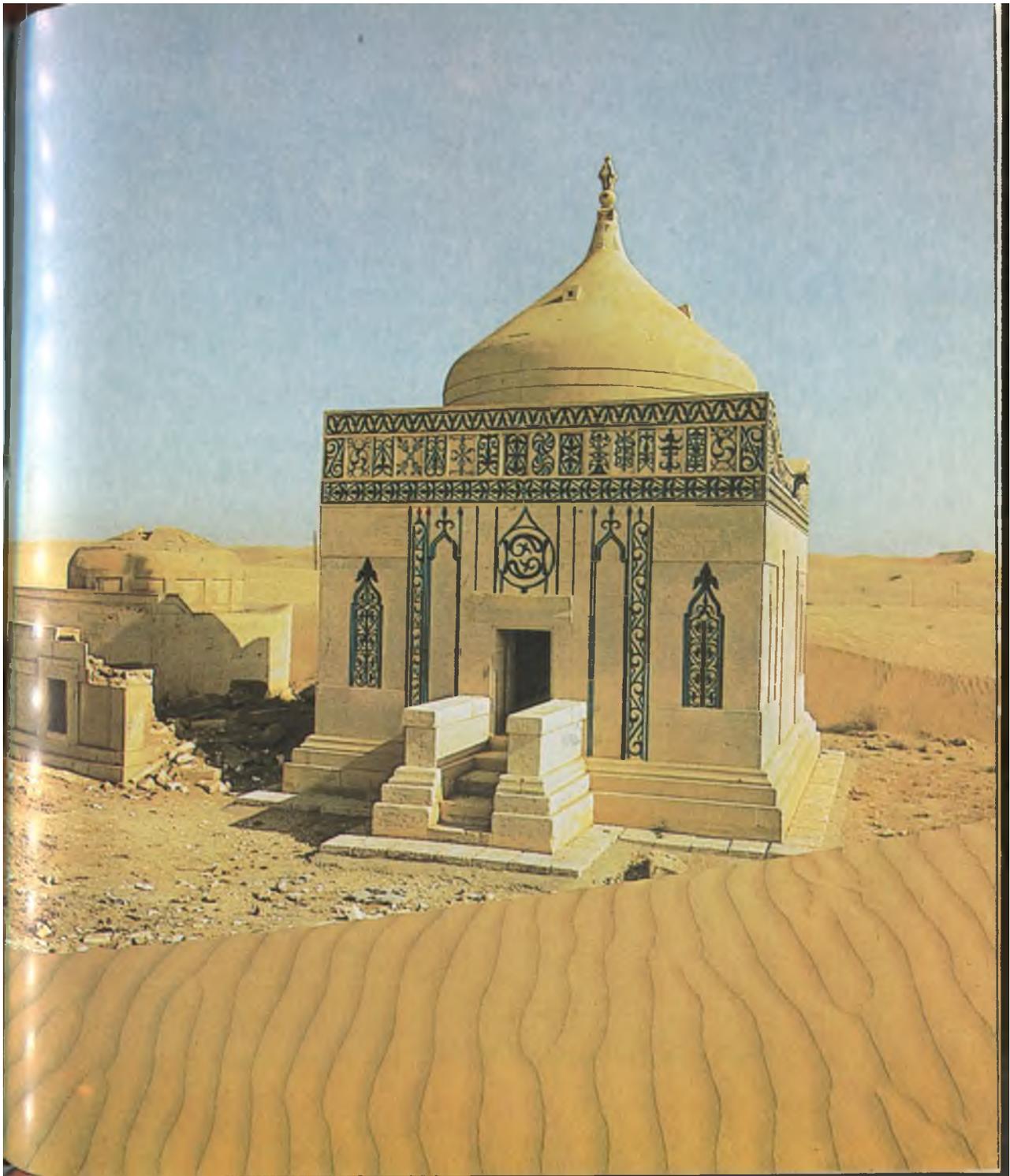


*Мавзолей Тажике.
Начало XX в.*

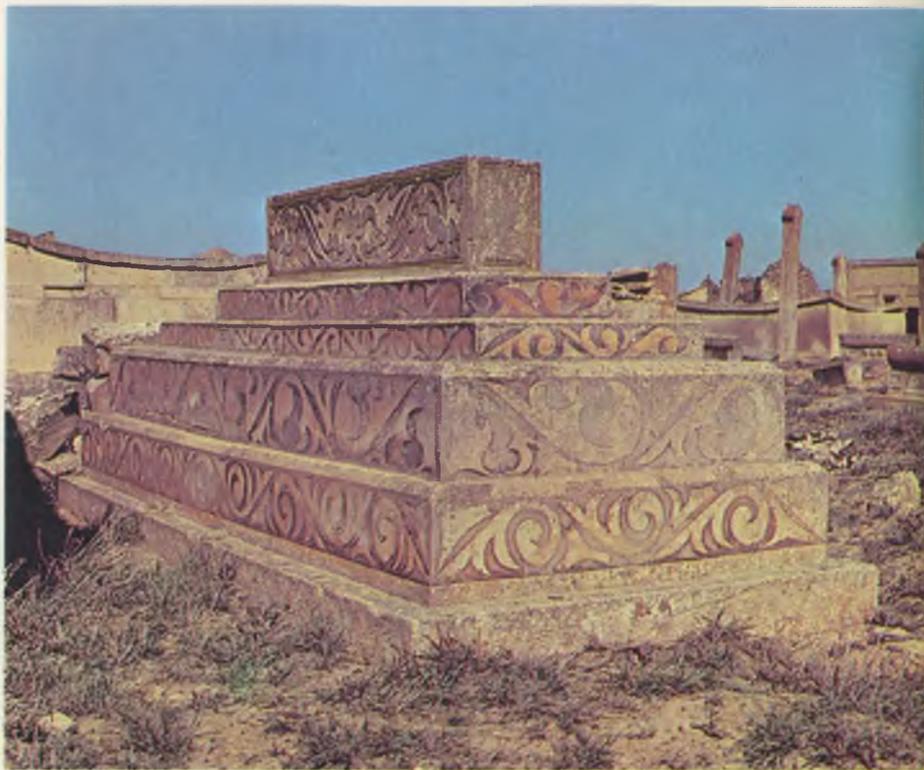


*Мавзолей
Амангурлы-Кожалак.
Конец XIX в.*

→
*Мавзолей Кылышулы
1900 г. Западный
Казахстан*



*«Бестас»
(пятиступенчатая
надмогильная
пирамида).
Западный
Казахстан*



*Койтас. XVIII в.
Западный
Казахстан*



женной еще в X веке. Центральный зал Шакпак-Аты имеет купольный свод с круглым отверстием в зените, имитирующим свод юрты вплоть до шанырака — верхнего обруча для выхода дыма и поступления света. Шатровое перекрытие мавзолея Бабаджи-хатун — памятника архитектуры X—XI веков вблизи Тараза, по мнению известного советского археолога и востоковеда А. Н. Бернштама, также является одним из древних. Эти и другие примеры позволяют нам предположить, что конструкция казахской юрты нашла воплощение в после-



*Медресе в Джамбуле.
XIX в.*

*Одноминаретная мечеть
в Семипалатинске.
Конец XIX в.*

*Двухминаретная мечеть
в Семипалатинске.
1858—1862 гг.*



дующей архитектурно-строительной практике.

Это подтверждает также открытый А. Н. Бернштамом факт использования древними тюрками шатрового свода, оказавшего огромное влияние на развитие портално-купольной архитектуры в целом. Им выделено три основных элемента портално-купольной архитектуры — куб основного тела здания с куполом, портал и декор из резных плиток, составлявших характерные черты среднеазиатского зодчества. При этом, по его мнению, идея купола и осуществление ее в монолите принадлежали кочевникам-скотоводам¹, по всей вероятности, дешти-кыпчакских степей.

Миновали годы, века. Изменились материалы, вяжущие растворы, усложнились формы, конструкции строений. В XIV—XV веках в облицовке дворцовых помещений, мечетей, медресе, бань, мавзолеев феодальной знати, наряду с фигурной кладкой, дававшей возможность выделять кирпичную фактуру, резной терракотой, создававшей единое художественное целое на поверхностях стен, стали широко применяться глазурованные полихромные плитки. Одним из выдающихся памятников этой эпохи является комплекс мавзолея-мечети Ахмеда Ясави в городе Туркестане. Вот уже почти шесть веков не перестают восхищать посетителей не только размеры, монументальность этого сооружения,

но и неповторимое по красоте декоративное убранство здания, в возведении которого принимали участие мастера и зодчие из многих стран мира. Впечатляют сверкающие на солнце величественные купола, стены, сплошь отделанные глазурованными плитками и украшенные угловыми колоннами — гульдастами, эпитафами комплекса.

А вот массовое жилье как тогда, так и после представляло собой построенные в основном из кирпича-сырца линейно-спланированные дома, состоявшие из нескольких комнат, с приусадебными участками, помещениями для скота, сеновалом, другими хозяйственными постройками. Сзади усадьбы, где традиционно находились обработанные поля, покосы, на лето ставилась и юрта — верный признак того, что обитатели дома ведут комплексное хозяйство, сочетая земледелие и скотоводство. Основная масса их скота паслась где-нибудь на близлежащих угодьях. Внешне эти дома походили на военные укрепления с мелкими проемами окон, без каких-либо намеков на декоративное убранство или роскошь. Сооружая свое жилище, казах, по-видимому, исходил, прежде всего, из удобств быта, жизни, связанной непременно со скотоводством, соображениями экономии¹.

Во многом это объясняется тем, что, несмотря на объединение казахских земель в XVI—XVIII

¹ Бернштам А. Н. Архитектурные памятники Киргизии. М., 1950.

¹ Архитектура Казахстана. А.-А., 1959, с. 124.

веках, упрочение центральной ханской власти, строительная деятельность в степях не могла активно развиваться из-за непрерывных войн со среднеазиатскими ханствами, набегами и нашествием джунгаров. В эти беспокойные времена наряду со стационарными все большее распространение получают переносные формы жилья. Пожалуй, и сами условия жизни в степях принуждали к этому. Наступление врага всегда приходилось ожидать весной и летом. Степные просторы зимой, с их пронизывающими ветрами и морозами, обычно отпугивали захватчиков, грозя им верной гибелью.

Как свидетельствуют источники, казахами в прошлом создавались различные типы домов на колесах, которые не дошли до наших дней. Об их конструктивных формах мы можем судить только по описаниям очевидцев. В частности, В. Рубрук описывал плетенные из прутьев и покрытые войлоком дома на колесах, характерные для середины XIII века, в которые впрягали до 22 быков. У Ибн-Батуты, побывавшего в дешти-кыпчакских степях спустя почти сто лет, также упоминаются кибитки со вставленными окнами на четырехколесных телегах «арба». В книге Фазлаллаха ибн Рузбихана Исфажани «Михманнаме-и Бухара» («Записки бухарского гостя»), написанной в XVI веке, рассказывается, что эти громадные кибитки имели жесткий деревянный каркас, покрываемый войлоком, затянутые тонкой кожей или пузырем окна, передвигались они упряжками мно-

жества верблюдов. Сведения о жилищах на колесах имеются и в записках англичанина А. Дженкинсона, проезжавшего по степям Прикаспия в середине XVI века. В отличие от других форм переносного жилья, например, юрты дома на колесах при переездах не разбирались. В их декоративном оформлении использовались традиционные приемы народного прикладного искусства.

Более поздние по времени бытования повозки-кюйме (*күйме*), служившие одновременно и дорожными жилищами, по всей вероятности, достались в наследство от тех времен. Тем более описание кюйме, содержащееся в народных эпических поэмах, удивительно точно соответствует сведениям В. Рубрука и Ибн-Батуты¹.

Однако дома на колесах скоро выходят из обихода и уже в XVIII—XIX веках основной формой переносного жилища казахов-кочевников становятся войлочные юрты. «Касаки,— писал А. Вамбери,— составляют большинство населения ханства (т. е. Кокандского). Они ведут кочевой образ жизни в гористой области, между озером Чаганакон и Ташкентом, и платят своему государю столько же, сколько хану. Многие из кокандских киргизов (казахов. — У. Д.) люди очень достаточные, имеют в Хазрети Туркестане или других местностях дома, в которых, впрочем, они сами не живут»².

¹ Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX вв. А.-А., 1980, с. 57—58.

² Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. СПб., 1865, с. 89.

Деревянная мечеть
в с. Жыланды.
Восточный Казахстан



Жилой дом конца XIX в.
Южный Казахстан



Казахская юрта — *кииз уй* относится к тюркскому (кыпчакскому) типу разборных решетчатой-войлочных построек, «которая с точки зрения конструктивной не превзойдена ни одним из кочевых народов и является самым совер-

шенным из переносных жилищ»¹. По сравнению с монгольской она имеет более высокое куполообразное очертание крыши, позволяю-

¹ Руденко С. Очерк быта казаков бассейна рек Уила и Сагыза. Л., 1927, с. 29.



щее выдержать ураганные ветры, дождь и снежные наносы. Академик А. Маргулан считал, что по сравнению со срубным или глинобитным домом современная нам войлочная юрта является относительно поздним жилищем, в кото-

ром трансформированы основные элементы его ранних прототипов¹. Кииз уй состоит из красиво изогнутых складывающихся решетча-

¹ Архитектура Казахстана. А.-А. 1959, с. 49.



Курке.
Балаган обездоленного



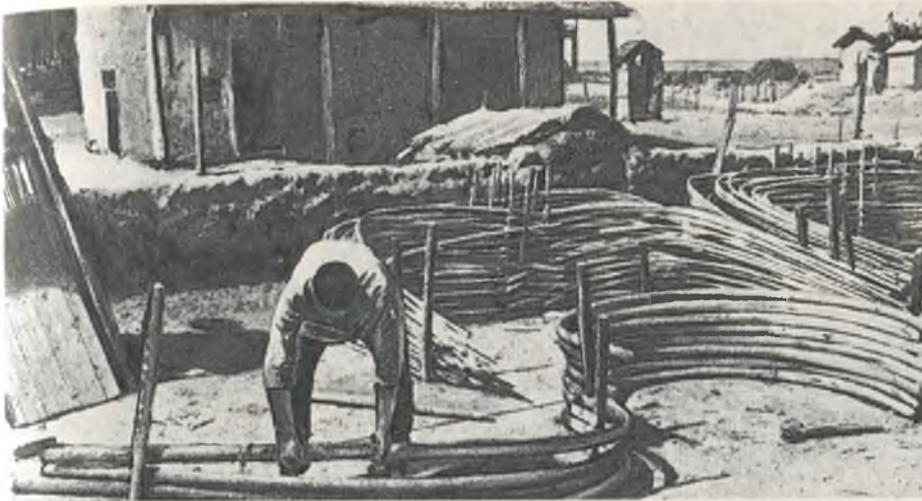
Кара уй.
Юрта бедняка

тых стен — *кереге*, сводчатых жердей — *уыков*, верхнего обруча — *шанырака*. Все это обвязывается веревками и ковровыми дорожками, покрывается по бокам четырьмя *туырлыками*, поверх их — двумя *узуками* и *тундуком*¹, со-

ставляющими стены и кровлю жилища, надежно защищающими от непогоды.

У казахов издревле была в

¹ *Туырлык*, *узук*, *тундук* — названия войлочных покрытий юрты.



Тез. Изготовление
каркаса юрты



Уста. Мастер-
юртостроитель

почете белая юрта — *ак уй* (*ақ үй*), считавшаяся символом достатка и благополучия. Она имела кереге 6—8, нередко и 12 штук в кругу, 140—150 уыков, вдвое больше, чем в обычной, т. е. темной юрте — *кара уй* (*қара үй*). Ак уй

покрывалась белым войлоком, обтягивалась в ее цилиндрической части циновками, а сверху, где к ней прикреплялись уыки, широкой ковровой полосой — *баскур* (*басқұр*). Неизменными принадлежностями казахской юрты являлись



В юрте.
XIX в.

всевозможные завязки и подвесные украшения — *тангыш*, *шанырак-бау*, *аркан*, *уыкбау*, *желбау*, *аякбау* и др. Двери юрты — *сыкырлаук* (*сықырлауық*) украшались тонкой резьбой, костяной инкрустацией или росписью, прикрывались войлочной завесой. Юрты малого размера *отау уй* ставились для новобрачных.

Во время коротких остановок на путях кочевий более состоятель-

ные степняки обычно ставили юрты малых размеров — *туырлык уй* с небольшим *шаныраком*. Снаружи такая юрта покрывалась лишь *туырлыками*, доходящими от *шанырака* до земли, а *шанырак* — *тундуком*.

Походная юрта — *жолама уй* (*жол үй*), или *аблайша*, представляла собой маленькую, из трех-четырёх кереге, с короткими *уыками* и миниатюрным *шаныраком*



кибитку. *Кос* — жилище пастухов в отличие от обычной общепринятой юрты имел конусообразную форму за счет прямых жердей-уыков, воткнутых в землю и связанных вверху волосяной веревкой, продетой в отверстия на их концах. Жерди в данном случае выполняли функции и решетчатой стены — кереге, и свода.

По размерам и внутреннему убранству юрты можно было опре-

делить степень имущественного положения ее обитателей. У бедноты, например, были маленькие, тесные, иногда даже без шанырака трех-, четырехстворчатые юрты. Нередко они обходились и двумя развернутыми и скрепленными друг с другом поперек кереге, покрытыми лишь одним темным туырлыком. Этот вид жилья назывался *шайла* — шалашом. А совсем обездоленные ставили *курке* — бала-

*Молодые
в юрте*



Чайпитие

ганы из трех связанных сверху жердей — *бакан*, прикрытых с подветренной или солнечной стороны кошмой или чием.

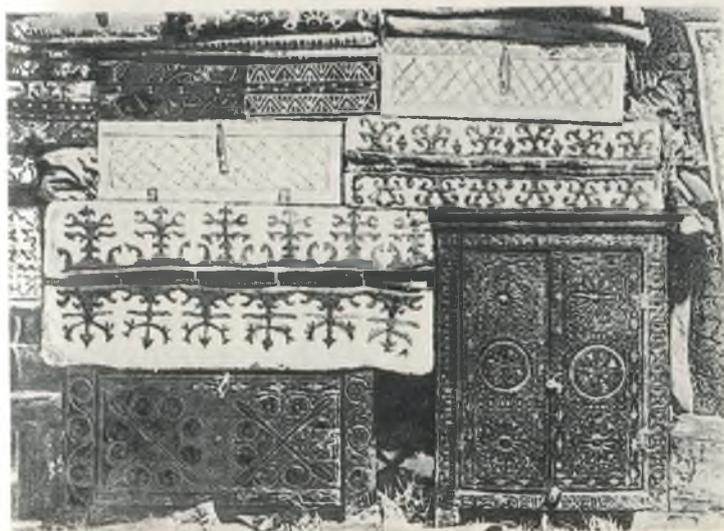
Юрта как жилище была очень удобна летом, но условия жизни в ней зимой, если приходилось зимовать, особенно при сильных морозах, ветрах, срывавших нередко ее войлочное покрытие и опрокидывавших каркас, были очень тяжелыми. Интерьер юрты, как это

подтверждают исследования этнографа М. С. Муканова, базировался на лучших народных традициях¹. По его мнению, различные предметы из войлока, тканые изделия, узорчатые циновки, настенные ковры, вышивки, домашняя утварь, отделанная резьбой по дереву, инкрустацией костью, росписью и

¹ Муканов М. С. Казахская юрта. А.-А., 1981, с. 48.



*Внутреннее
убранство юрты*



*Коржы.
Чехлы для постельных
принадлежностей*



*Бесик.
Люлька*

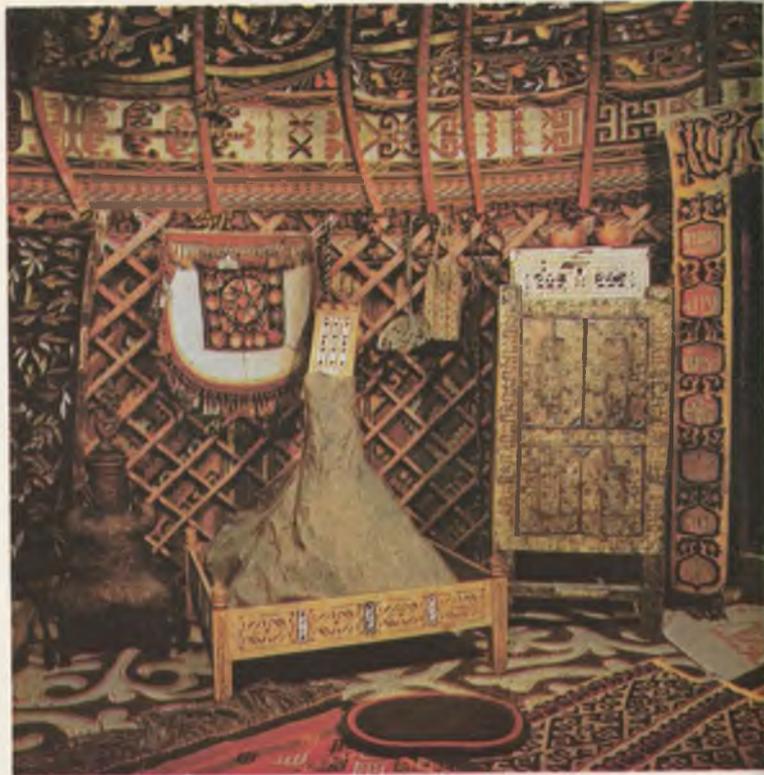


т. д. сохранили циклы производства древних мастеров и основы национального узоротворчества.

Войдя в богатую юрту, человек попадал обычно в неповторимый мир орнамента. Пол застилался коврами паласного типа, текеметами, *корпеше* — ватными одеялами, рассчитанными на постилку для сидения, на которые разбрасывали *жержастык* — подушки жесткие, а когда приходили наиболее почетные гости — еще и *кусжастык*, *копшик* — подушки мягкие, набитые перьями. На стены вешали разноцветные ковры.

В центре юрты ставили обычно очаг — треножник с котлом для приготовления пищи на огне. А в парадной юрте имелся круглый стол для трапезы, который покрывался *дастарханом* (*дастарқан*) — скатертью.

При входе в юрту слева, как полагается, висели принадлежности конской сбруи, приспособления для охоты с ловчей птицей. Чуть подалее ставилась деревянная кровать — *тосекагаш* для молодоженов с *шымылдыком* — пологом, прикрывавшим их постель от посторонних глаз. Рядом с *тосекагаш* на двух-трех подставках — *жукайяк* ставили набитые домашними вещами войлочные или ковровые чехлы — *каршын*, *тен*, а на них два-три сундука (*абдре*), поверх которых складывали одеяла, подушки, чтобы продемонстрировать достаток жившей в юрте семьи. Справа от входа ставили *асадал* — разборный шкаф для посуды, скатертей, салфеток; *кебеже* — ларь для продуктов; кухонные принадлежности. Здесь же висели настенные сумы — *аяккап*



Саба на подставке



Бау-баскур.
Ковровые ленты
для крепления юрты

для посуды, *теркеш* — футляры для кесе — пиал.

Наряду с юртой часть казахов, кочевавших вместе со скотом, имела и постоянные зимние стоянки — *кыстак*, *кыстау* с жилами и хозяйственными постройками. В них на лето оставались лишь те, кто занимался заготовкой сена, примитивным земледелием, поскольку сенокос, уборка хлеба, ремонт жилья привязывали их к месту зимовки. Отправляя свой скот на джайлау вместе с некоторыми членами семьи, они ставили тут же рядом с *кыстау* юрты и жили в них до



*Кыстау.
Зимовка
казаха-кочевника.
Середина XIX в.*



*Изготовление
кесека —
сырцового кирпича*

возвращения стада на зимовку. Сенокосные угодья были традиционно неотъемлемой собственностью тех или иных скотовладельцев, поскольку покосами обуславливалась жизнь на зимних стоянках, где каждый был не прочь

зимовать, если удавалось хоть как-то запастись сеном, придерживая основную массу скота на подножном корму в близлежащих зимних угодьях. А хлеба казах мог сеять сколько ему угодно в пределах своей родовой территории.



Облицовочные
кирпичи с узорами
шекпе и алаш



Можно ли рассматривать такое оседание и распространение земледелия новым культурным приобретением?— спрашивал С. И. Руденко,— если «земледелие в той форме, в которой мы встречали его у обследованных родов, известно казахам со времен их этнического самоопределения. Что же касается зимних жилищ, то типологическая их устойчивость, исключительно обширный ареал распространения и ряд других соображений говорят о большей их древности¹. В самом деле, стационарные формы казахского жилища отличаются друг от друга в разных районах лишь набором помещений, их названием, связанным с укладом жизни их обитателей.

¹ Руденко С. Очерк быта казаков бассейна рек Уила и Сагыза — Казаки. Антропологические очерки. Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. Вып. 2, Л., 1927, с. 9—10.

Для постройки кыстау обычно выбирался участок в долине реки или у озера, где много камыша, кустарника, трав для тебеневки скота, можно было укрыться от пронизывающих степных ветров. Участок этот, как правило, не закреплялся за хозяином, ибо другие, признавая обычное право, не вторгались в чужие владения.

Это были ничем не примечательные постройки из кирпичасырца, реже из глиняных блоков, пластов дерна, камня-плитняка, в редких случаях — жженого кирпича, отличавшиеся компактным размещением всех элементов жилища и хозяйственных построек. Непосредственно к жилому дому примыкали объединенные с ним в одно большое строение крытые загоны, кладовые для хранения зерна, мяса, помещения для молодняка. Само жилище, вход в которое, как правило, имел высокий порог, обогревалось своеобразной, с удлиненным дымоходом



печью — стеной, т. е. служившей одновременно и перегородкой в комнате. На кухне имелся соединенный с печью, обмазанный глиной очаг с котлом, в котором варили пищу. Окна в таких домах традиционно были малого размера, застеклялись или затягивались пузырем. Потолка как такового не было, им служила крыша дома. Пол был земляной, за исключением байских домов, в которых встречались и деревянные полы, потолки из шпунтованных досок, резные колонны.

Кровлю дома возводили следующим образом. Над фронтонами поперечных стен дома укладывали продольную балку, а иногда, исходя из размеров помещения, параллельно с ней ставили еще две боковые балки, соединенные между собой брусьями, на них рядами укладывали прутья, которые покрывались циновками, поверх них — толстым камышовым настилом, затем все засыпалось слоем земли. Обма-

зывали кровлю глиной, смешанной с соломой. Стены штукатурили, производя затем затирку и побелку.

Фасады домов богатых казахов облицовывались жженым кирпичом, украшались фризами, карнизами из фигурных кирпичей, угловыми колоннами, пилонами. Пример тому — жилой дом конца XIX века, который был построен, по некоторым данным, известным народным зодчим Аймагамбетом-устой в урочище Урпек Амангельдинского района Кустанайской области. Он был построен, как свидетельствуют местные жители, таким образом, что при отсутствии фундамента всю нагрузку брали на себя угловые пилоны. Этот дом — уникальный образец народной архитектуры. В нем Амангельды Иманов был провозглашен *сардаром* — предводителем восставшего народа против царизма и местных феодалов — баев во время национально-освободительного движения каза-

Облицовочные
кирпичи
с узорами табан,
суур и кисык



*Мавзолей Ак-Бекет.
Целиноградская
обл. XVIII в.*



*Дом Аймагамбет-
уста в с. Урпек.
Кустанайская обл.
Конец XIX в.*



Дом Аймагам-
бета-уста
после реставрации
и реконструкции

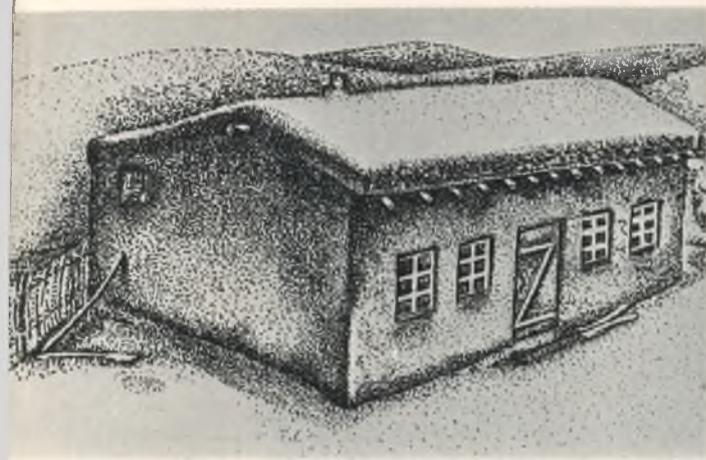
хов в 1916 году. В целях его сохранения решением местных властей в 1974 году дом был перенесен в поселок Амангельды — центр одноименного района.

Полуземлянки — *жертоле*, землянки — *кене* в прошлом были характерны для селений жатаков, оседавших впервые в результате обеднения и не имевших к тому же навыков в строительном деле. У казахов Западного Казахстана, особенно в бассейнах рек Уила и Сагызга встречались постройки из нарезанного в форме кирпича дерна.

В лесной полосе Рудного Алтая казахами строились рубленые четырех- и пятистенные дома *кыстык*, *дукен*, круглые плетеные дома *шарбак уй*, нередко совмещавшиеся с первыми, которые, к сожалению,



Дом Аймагам-
бета-уста.
Входные двери



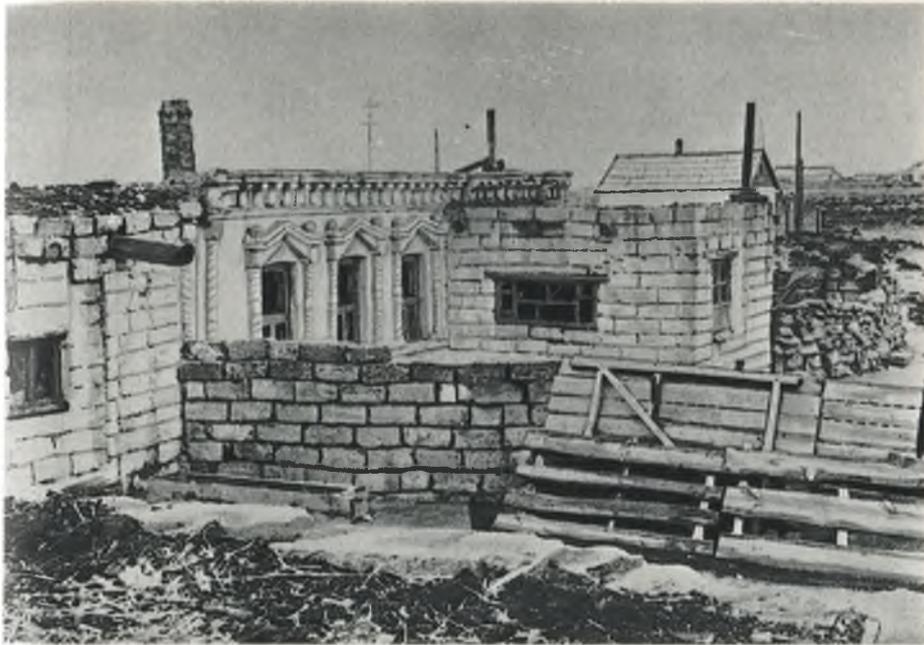
Дом Курмана в с. Маякум.
Чимкентская обл.

Олшек. Времянка дихана
(реконструкция).
Южный Казахстан

не сохранились до наших дней. Рыбаки Каспия и Арала жили в селениях, состоящих целиком и полностью из глинобитных домов — мазанок. Одним из древнейших в казахском домостроении типов стационарного жилища являлась *шошала*, круглое однокамерное помещение с коническим или сфероидным сводом, которое могло быть рубленным, плетеным, дерновым, из камня и сырцового кирпича¹. В этнографической литературе очень мало данных об этом типе казахского жилища, превратившегося постепенно в связи со строительством более совершенных форм жилья в кладовую для хранения продуктов, мяса на зиму и вышедшего вовсе из обихода за последние 20—30 лет.

Жители присырдарьинских оазисов, юга Казахстана и Семиречья обитали в небольших селениях, расположенных в местах традиционных зимовок, в районах орошаемого земледелия и богатых сенокосных угодий. Жилой дом, как правило, здесь строился отдельно от хозяйственных построек. Широкое распространение имели двухкамерные постройки, разделенные *дализом* — проходным помещением, служившим еще и кухней. В одной комнате обычно жила семья, в другой — принимали гостей. В народе такой тип жилья называют *коржын уй*, то есть дом, напоминающий переметную суму. Иногда в составе *коржын уй* име-

¹ Маргулан А. Казахская юрта и ее убранство. М., 1964, с. 3.



Дом Идриса
в г. Форт-
Шевченко.
Гурьевская обл.

лись и *бастырма* (*айван*), *тунок* (амбары). Летом жильцы обычно спали на дощатых нарах — *саки* (*сәкі*) перед домом под *масаханой* (палатка из марли.— У. Д.), защищавшей от комаров. Во дворе с изгородью из тamarиска, шенгела, располагаемом традиционно в тыловой части усадьбы, размещался огород, находились участки злаковых, кормовых культур. А на участке разового пользования вдали от дома хозяин строил на лето *олшек* (*өлшек*) —однокамерную, полуподвального типа высотой до одного метра над поверхностью земли временку. Для его сооружения тут же на квадрате у его основания месили глину, из нее формовали шары и клали ряд за



Дом Идриса.
Оконные проемы
и карнизы

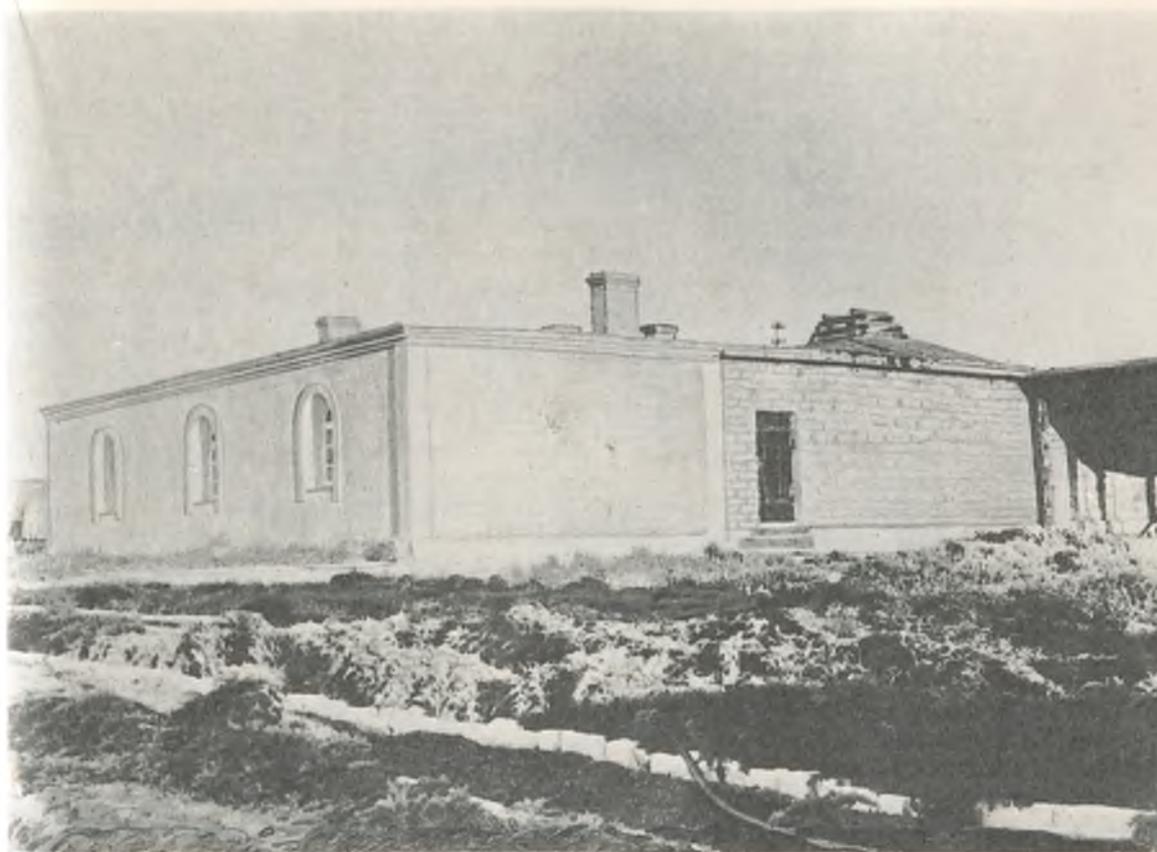


Дом-усадьба
Гани-бая
в г. Казалинске.
Кзыл-Ординская
область.

рядом на стены по краям углубления. Перекрывался олшек жердями, прутьями, свежескошенной колючкой *жантак*, хорошо закреплявшейся после высыхания. Чтобы создаваемую таким образом «кровлю» не снесло ветром, на нее закидывали обломки кирпичей, куски высохшей глины.

Внутреннее убранство традиционного жилого дома у казахов мало чем отличалось от убранства юрты. Те же, что и в юрте, ковры

и кошмы на полу, иногда и низкий круглый обеденный столик, вокруг которого раскладывались подушки, два-три ряда сундуков на подставках, со сложенными на них одеялами и подушками. На глухой стене жилой комнаты обычно висел ковер, устанавливалась *аспа* (перекладина.— У.Д.), на которую вешали дастарханы — скатерти, *сулги* — полотенца, *шашык*, *майлык* — салфетки. В составе жилого дома отводили комнату для моло-



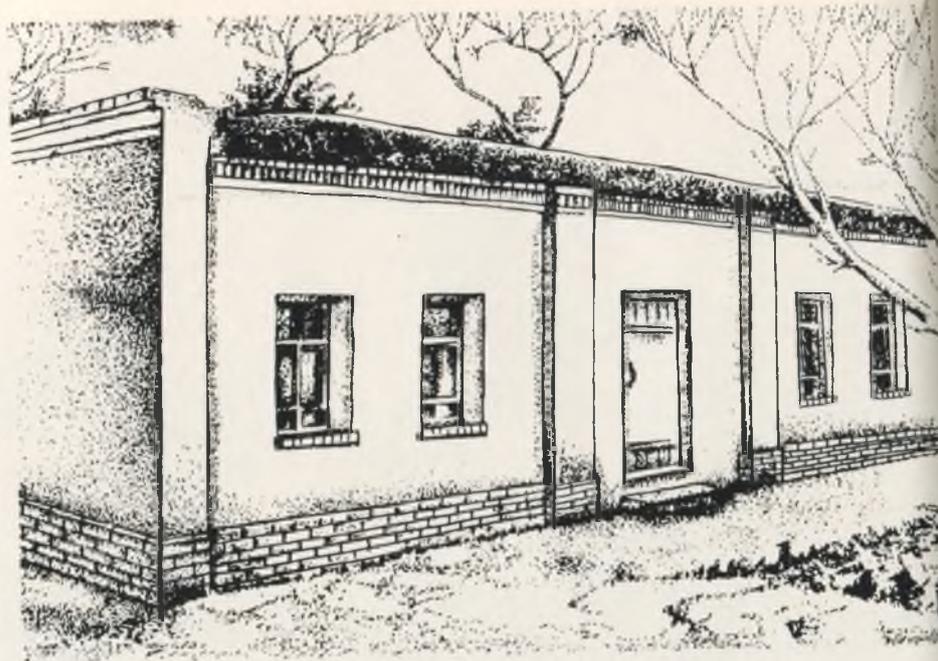
доженов, а если набор помещений не позволял это сделать, их постель, как и в юрте, отгораживалась *шымьлдыком* — пологом из тонкого белого шелка.

Казахи строили свои селения, в отличие от среднеазиатских кишлаков и русских деревень, без всякого намека на улицу, бессистемно. Вполне возможно, что это обуславливалось наличием в хозяйстве скота, поскольку приходилось выбирать место для загона в со-

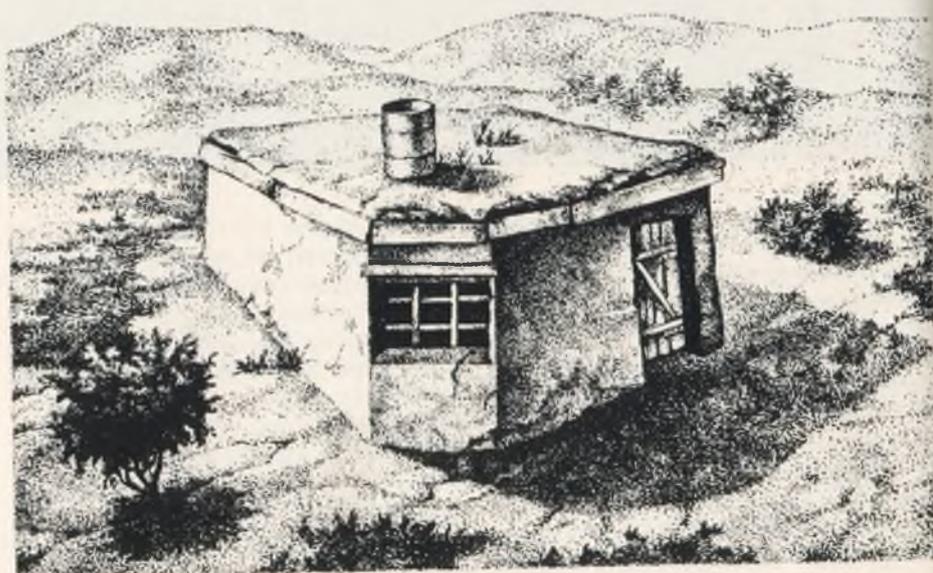
ставе усадьбы с учетом защищенности участка от ветров, освещенности солнцем и других факторов.

В принципе казахское постоянное жилище все еще не изучено достаточно глубоко. В силу недостаточной разработанности вопроса мы не располагаем данными о границах распространения того или иного типа казахского стационарного жилища. Однако ясно одно — опыт адаптации наших предков к условиям засушливых степей, пус-

*Дом-усадьба
Абая в урочище
Жидебай.
Семипалатин-
ская обл.*



*Жилой дом
в Кызыл-Орде*



*Устахана.
Кузница сарбазов
Амангельды
(реконструкция).
1916 г.*

тынь и полупустынь прослеживается не только в организации хозяйства, в устройстве быта, но и в традициях строительной культуры, уходящих корнями в седую старину.

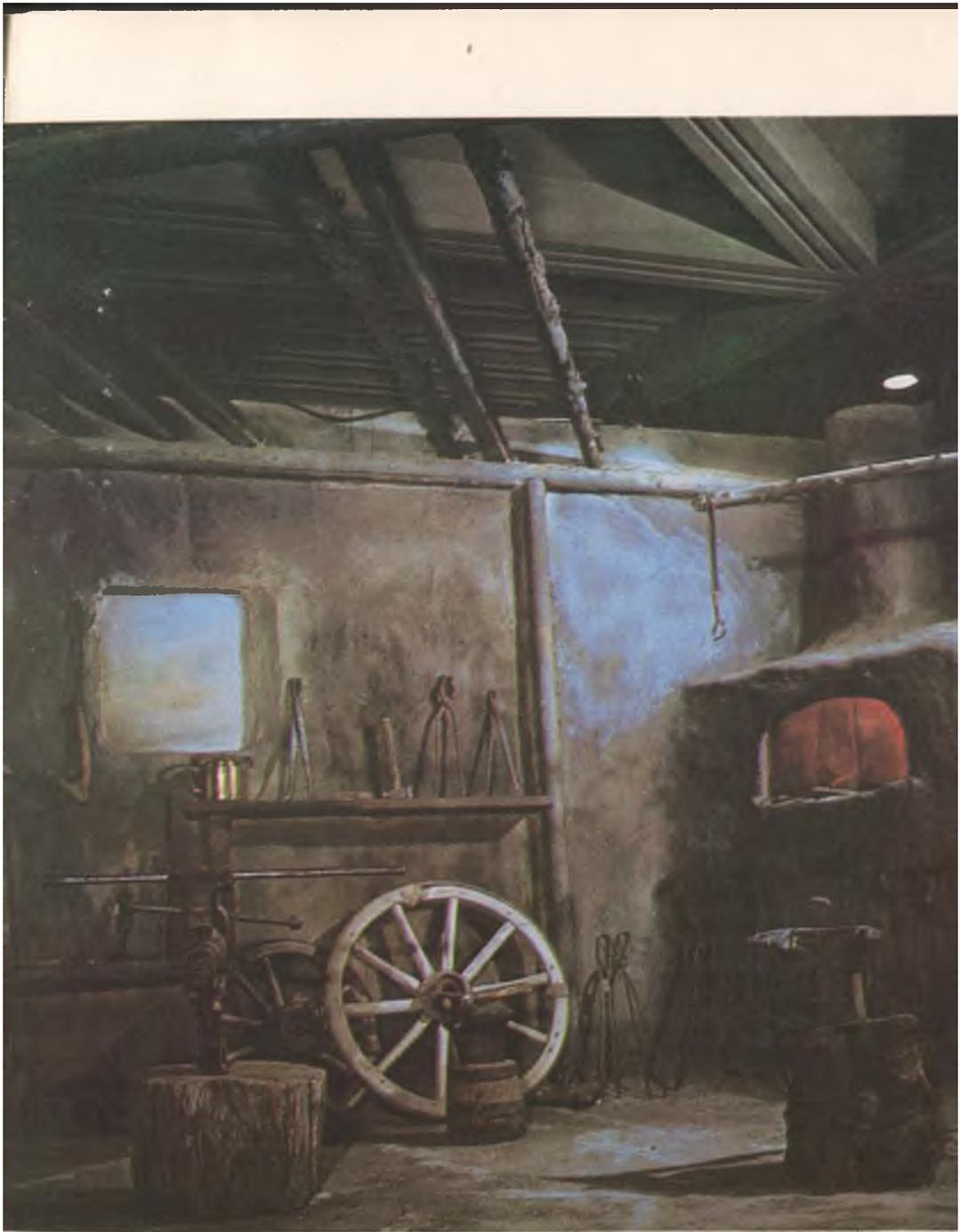
К примеру, возьмем основную ячейку отрарского жилища — комнату с передней или кладовой, а также многокомнатные линейно-спланированные дома. Как это подтверждают исследования археологов К. А. Акишева, К. М. Байпакова, Л. Б. Ерзаковича, они аналогичны общепринятой жилой застройке оседлых казахов, у которых до недавнего времени были широко распространены дома подобного типа. В жилой половине отрарских домов присутствуют глинобитные суфы, боковые стенки которых обкладывались жженым кирпичом, а в казахском доме их поздние аналоги — дощатые нары. Совпадают также конструкции и назначения печей. Стационарные дома с большими дворами, в которых располагались загоны для скота, конюшни, помещения для молодняка, а также место для установки юрты, обнаружены при раскопках Тальхира (Талгар) — города IX—XIII вв. в предгорьях Заилийского Алатау.

В плане выяснения проблем преемственности строительной культуры значительный интерес представляют и некоторые другие жилые постройки, сохранившиеся до наших дней. На трассах былых кочевий Сары-Арки кое-где все еще встречаются остатки ряда линейно-спланированных жилых домов, где из прихожей попадали в кухню, из

кухни — в жилую комнату, далее в гостиную. На Мангышлаке сохранились жилые дома, построенные из блоков ракушечника, в которых перемишки окон выполнены клинчатой кладкой, карнизы украшены резьбой по камню и орнаментальной росписью. На юге Казахстана имеются отдельные экземпляры коржын уй, в Семиречье — токал тамов — двухкамерных, разделенных проходным помещением жилых домов.

В силу исторических обстоятельств у казахов не было развито строительство специальных зданий производственного типа, но они всегда нуждались в орудиях труда, вооружении, конском снаряжении, домашней утвари, ювелирных изделиях. Этим объясняется наличие в прошлом на основных трассах кочевий, в крупных селениях, аулах небольших кузниц-мастерских, именуемых в народе *устаханой* (*устахана*).

К сожалению, эти кузницы-мастерские не дошли до наших дней. По свидетельству знатоков старины, в центре кузницы обычно устанавливался старинный, легко переносимый с двумя рукоятками горн — *корик* (*көрік*), встречающийся в большей части у кочевых народов. Он приводился в движение мастером — устой, сидящим у печи на краю специально выкопанного для ног углубления. Над горном в потолке всегда предусматривался широкий дымоход. Мастер держал при себе самый необходимый набор инструментов для перемещения захвата, поддержки и измерения заготовок. В такой кузнице ковали



вдвоем на однорогой наковальне — *тёс* (*төс*). Захватив заготовку, перемещая и переворачивая ее на *тёсе*, мастер показывал молотобойцу-ученику места для удара.

Такой описал нам старинную казахскую кузницу Садуахас Когентаев — житель с. Урпек Кустанайской области, человек завидной судьбы, один из сарбазов — бойцов повстанческого отряда Амангельды Иманова. В юности был подручным кузнеца, его учеником, а вот став взрослым, лучше других усвоил искусство кузнеца, мастера-ювелира. В советское время работал кузнецом в колхозе, трудился в совхозной мастерской.

По описаниям Садуахаса Когентаева, одна из старых кузниц, представляющая собой однокамерное с плоской крышей помещение, которой пользовались сарбазы Амангельды Иманова, восстановлена нами в 1974 году в селе Урпек.

Описав формы хозяйства, типы жилья, их конструкции и внутреннюю обстановку, наконец, и кузницу, где изготавливались предметы повседневного спроса, мы однако, не можем обойти молчанием виды скотопомещений, имеющих прямое отношение к народной архитектуре, этнографии и быту казахов. Наиболее характерными из них являются крытые загоны, известные этнографам под названием *кора-копсы*, сооружавшиеся в непосредственной близости, нередко и под одной крышей вместе с жильем. Этим подчеркивалась одна из особенностей казахского домостроения. Неразрывными сос-



*Тёс.
Наковальня*

тавными частями общего скотного двора были: *бастырма* — навесы, прикрытые стеной с подветренной стороны; *котаны* — помещения, возводимые из сена, предназначенного на зиму, которое мелкий скот должен был доставать со стены и съедать в долгие зимние месяцы; *ыктама* — «затишье», огороженное камышами, стеблями кустарников.

Изучение и охрана таких построек, как жилья в целом, приобретают особую значимость сегодня не только в историко-культурном аспекте для познания этнографии казахского народа. Понимание их характерных черт, особенностей могло бы помочь нам в решении

←
*Устахана.
Кузница
(реконструкция)*



*Здание первой
казахской школы
в Уральске.
XIX в. Ныне
областной музей*

ряда практических задач современного домостроения, с учетом условий жизни людей в степях.

Дело в том, что в послеоктябрьский период в Казахстане не сложился на практике новый тип жилья, с учетом особенностей народной архитектуры, конструкций, приемов, сформировавшихся на протяжении столетий, в сочетании с требованиями современного быта. Глинобитные с камышовыми крышами постройки, получившие широкое распространение в годы первых пятилеток, вскоре были вытеснены современными домами,

вобравшими в себя черты рядовой жилой застройки, привнесенной извне, без учета местных условий. Это, по всей вероятности, связано со значительным притоком в республику переселенцев, принесших с собой традиции, приемы, характерные для других регионов. Процесс этот, начавшийся задолго до Великой Октябрьской социалистической революции, и предопределил архитектурный облик не только современных городов, но и сел, аулов республики.

Это явление в архитектуре несомненно обогатило строитель-



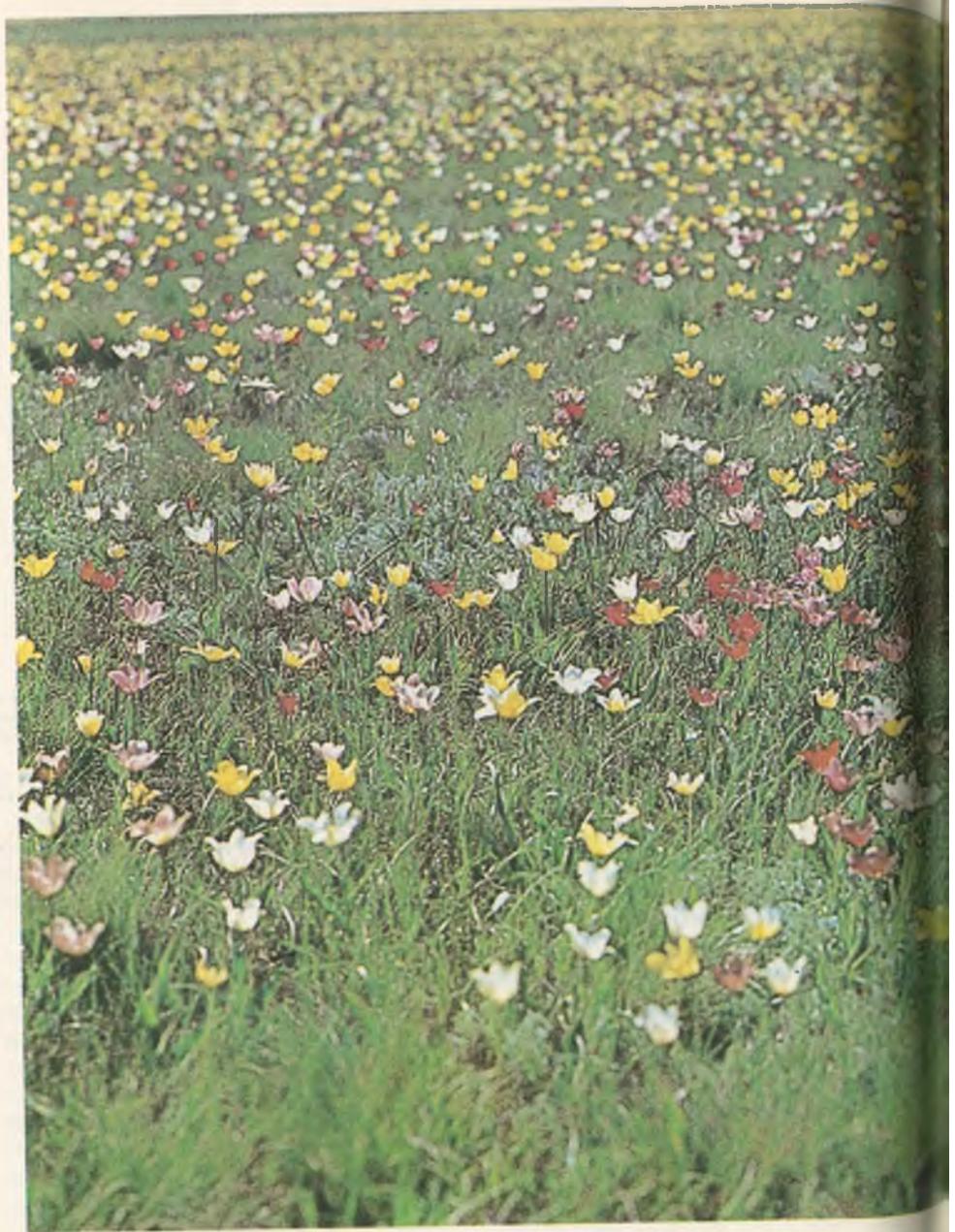
Жума меч
в Казалин
Кзыл-Орд.

ное искусство Казахстана. Однако новые приемы и средства должны органически сочетаться с традиционными формами, если учесть, что своеобразные условия жизни сельских жителей остаются. Их нельзя не принимать во внимание в практике строительства, решении проблем современного быта, синтеза жилья.

К тому же серийные дома, приближенные архитекторами к требованиям городской жизни, далеко не всегда отвечают условиям сельского быта как по размерам, так и по набору помещений, нуждаются

в серьезной корректировке с учетом сложившихся традиций, накопленного в прошлом опыта и современных требований. Немаловажное значение приобретает в наши дни и необходимость изменения и улучшения внешнего облика сел и аулов, которые практически мало чем отличаются друг от друга, удручают элементами урбанизации и стандартизации.

Словом, есть над чем поразмыслить. При этом не ставится задача вернуться к старому, изменить всю практику современного проектирования и строительства



жилья. Хочется только одного — чтобы при проектировании и строительстве новых домов были использованы все рациональные строительно-конструктивные приемы, способы достижения единого архитектурно-художественного целого, выработанные народом в течение столетий.

Подводя итоги, хочется сказать, что своего рода хозяйственная специализация кочевой, полукочевой, оседлой групп населения определила и строительную культуру, образ жизни казахов, сложившиеся на протяжении веков с одной стороны — под влиянием суровых условий засушливых степей с их морозами и ветрами, с другой — необходимостью устройства быта под палящим южным солнцем. «У наших предков мудрые и скромные мужи более всего

соблюдали умеренность и бережливость как во всех прочих делах общественных и частных, так особенно в строительном деле, избегая и ограничивая всякую роскошь» (Альберти). От природных условий, характера занятий различных групп населения, наличия строительных материалов, уровня строительного опыта живших на обширной территории степных племен зависели конструкции, декоративное убранство постоянных и переносных жилищ казахов. Это — само по себе очень важно для понимания сущности затрагиваемого нами вопроса, когда мы переживаем процесс урбанизации не только в жилищной архитектуре или, скажем, в градостроительстве, но и во всем многообразии жизни и деятельности современного человека.

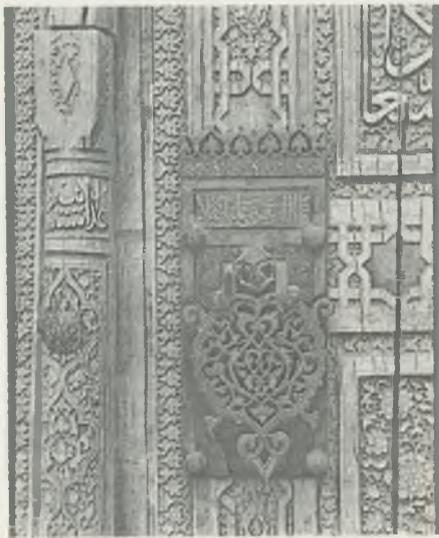


ПО СЛЕДАМ ЛЕГЕНДЫ О ЗОЛОТОЙ ДОМБРЕ



*«О, домбра, почему твоя песня грустна?
Грудь твоя забытых преданий полна.
Лишь рукою коснусь я упругих струн,
Зазвучит вековая боль, старина».*

Касым Аманжолов



По следам легенды о золотой домбре

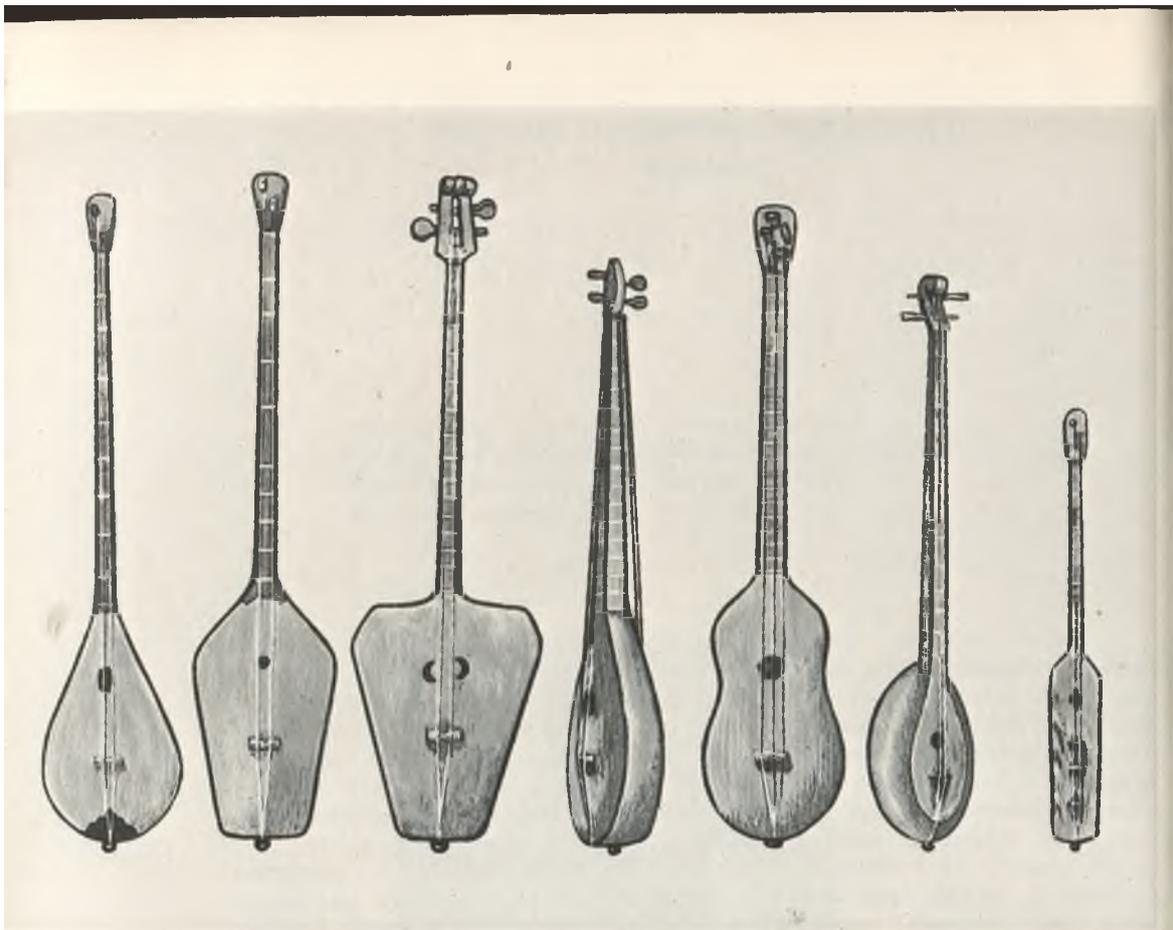
...Было это в стародавние времена. Много-много лет назад, как гласят предания, жил на свете старый музыкант, хранивший в памяти историю всех девяти ответвлений (тогыз тарау) нашего народа. Дожив до глубокой старости и чувствуя приближение конца своего, он собрал всех со-родичей и сказал им: в памяти моей вся история тогыз тарау, пересказывал ее как мог с помощью моей такой же старой, как я сам, домбры, не уносить же теперь ее в могилу. Решайте, как мне поступить на склоне лет.

Совещались долго, и стар, и млад, женщины и мужчины, богатые и бедные, и срослись на том, чтобы хранить историю тогыз тарау в корпусе домбры старого музыканта. Но она имела полый гриф и могла через него выпустить всю историю. Тогда все вместе прикрепили на гриф девять навязных ладов по количеству девяти ответ-

влений народа, а в честь старого музыканта натянули на деке его инструмента вторую струну. Говорят, после этого она превратилась в золотую домбру, корпус ее стал шире, «шея» стала уже, к тому же она стала цельнодолбленной.

Такие сведения о развитии народного инструмента мы находим в легенде о золотой домбре, записанной нами в одном из ничем не примечательных селений, расположенных в долине Сырдарьи.

Можно, конечно, предположить, что первые архаичные формы шертера, домбры, кобыза могли возникнуть, как всякий другой музыкальный инструмент, на основе синтеза охотничьего барабана с кожаной декой и струнами. На такую возможность указывает ряд фактов, прежде всего название домбры, означающее по-кыпчакски «данг-ра», «барабан», «бубен», а также способ извлечения звука не только



щипком, но и одновременными ударами пальцев при исполнении народных кюев. Чтобы проследить этот процесс, нам надо выяснить, прежде всего, возникновение лютни как отправной формы, поскольку другого более древнего инструмента еще не найдено. Причем, в самом древнем его варианте — этаким прообразе лютни, напоминающем грушу, механически сведены в одно целое барабан с кожаной декой и струны. Если его взять за основу, то нетрудно представить, как от

инструмента, постепенно в результате вытягивания корпуса отделился гриф.

Что же касается казахского шертера, то вне всякого сомнения, он являлся прообразом двух принципиально различных инструментов — щипковой домбыры и смычкового кобыза. На это отчетливо указывает и то, что на шертере можно играть и щипком, и смычком. У него довольно короткий гриф, яйцевидный, обтянутый кожей корпус, — бесспорное свидетельство

Б. Залесский.
Исполнитель на шертере.
1865 г.



Виды казахских
домбр:

қос ішекті — двухструнная
үш ішекті — трехструнная
кең шанақты — ширококорпусная
аша (екі жақты) — двухсторонняя
іші ішекті — подгрифная
қуыс мойын — с полым грифом
шіңкілдек — шинкильдек

того, как охотничий барабан, дав жизнь инструменту, остался жить в его конструкции.

Домбра же, отделившись от шертера, в результате долгой эволюции продолжала существовать с полым, выдолбленным внутри грифом. Но вскоре из-за неудобства и непрактичности полый гриф был заменен значительно удлиненным, монолитным и цельным грифом. Однако, отдавая дань древней традиции, и сейчас в народе вырезают иногда из цельного дерева домбру

қуыс мойын, т. е. с полым грифом.

От шертера отделился еще один инструмент — смычковый кобыз. Название инструмента намекает на его культовое назначение в прошлом и соответствует древнетюркскому слову «кобыз», которое приносилось обычно при изгнании «злого духа». Да и сам кобыз на протяжении многих веков использовался в основном для исполнения ритуальных мелодий и танцев баксы — шамана. Если у домбры кожаная дека была заменена на дере-



Шертеры

вянную, то у кобыза она оставалась неизменной. Только гриф у кобыза изогнулся, вследствие чего корпус его принял планетарную форму.

Основываясь на анализе казахского музыкального инструментария, проведенного советскими исследователями-инструментоведами, с учетом возникновения и бытования их в единой этнокультурной среде, тембровых особенностей, стиливых признаков, характера исполнительства, отражающих специфику музыкальной культуры народа, казахские музыкальные инструменты можно подразделить на общенациональные и фольклорные. Общенациональными народными музыкальными инструментами можно считать домбру, кобыз и их

разновидности, сыбызгы, распространенные по всему Казахстану и успешно используемые для исполнения как народной, так и классической музыки.

Фольклорными народными музыкальными инструментами являются уульдек, сазген, желбуаз, желкабыз, дангра, дабыл, дауылпаз, шындауыл, керней, дудыга, дунгиршек, токылдак, асатаяк, адырна, шыртылдауык, сакпан, функционирующие, главным образом, в фольклорно-этнографической среде. Сюда же можно отнести еще сырнай, кепшик, жетыген, бугышак, шын, шанкобыз, ауыз сырнай, возникшие, по-видимому, путем заимствования у соседей конструкций, способов изготовле-



*Исполнительница
на шергере*

Кылкобыз,
наркобыз,
желкобыз





ния, музыкального строя, принципов звукоизвлечения.

Батальный дабыл громкого звучания, упоминаемый во многих героических сказаниях XVI—XVIII веков, представлял собой инструмент значительно большего размера, на широкий ободок которого с двух сторон натягивалась шкура верблюдицы особой обработки. Наряду со знаменем он выносился на войну. Звуками дабыла объявлялось начало военных действий, подавались сигналы наступления или отступления, заключения мира и т. д.

Народные музыкальные инструменты имеют давнюю историю, о чем свидетельствуют древние предания, легенды, героические сказания, подтвержденные ныне археологическими исследованиями, ма-

териалами письменных источников, полевых экспедиций. При раскопках, например, в Кой-Крылган-кале (античный Хорезм), археологами найдены терракотовые фигурки музыкантов с двухстрункой, бытовавшей по меньшей мере две тысячи лет назад и являвшейся дальним прототипом казахской домбры. По мнению известного исследователя древней культуры музыкального инструментализма Р. Л. Садокова, на это отчетливо указывает наличие на инструменте пятиугольного резонатора с плоским торцом, длинного грифа и двух струн¹. Широкие «по-степному» штаны на

¹Садоков Р. Л. Тысяча осколков золотого саза. М., 1971, с.97.

музыканте, манера игры с положением инструмента наклонно и наискось через торс грифом вниз, как это нередко мы наблюдаем у аульных домбристов и в наши дни, когда играют стоя, также говорят о связях Хорезма с древними племенами Приаралья. Научкой доказано, что казахи этнически близки к этим насельникам степей, обеспечивавшим Хорезму крепкий и надежный тыл на всем протяжении его истории.

Отдельные экземпляры терракотовых музыкальных инструментов типа уульдек (*уїлдек*), относящиеся к X—XII векам, выявлены при раскопках древнего Отрара, что на юге Казахстана, городища Актобе в Джамбулской области.

Весьма ценные сведения о народных музыкальных инструментах оставили Абу Наср аль-Фараби (870—950), арабские путешественники, посетившие дешти-кыпчакские степи в древности и раннем средневековье, которые с удивлением писали о том, что они встречали здесь немало интересных мелодичных инструментов. Описание ряда старинных музыкальных инструментов содержат в себе труды А. Левшина, Ч. Валиханова, И. Георги, Г. Потанина, С. Рыбакова и др.

При этом обращалось внимание на то обстоятельство, что на протяжении длительного процесса исторического развития казахский народ создавал богатейшее музыкальное наследие в виде симфонически развитых программных произведений — кюев, исполнявшихся на народных инструмен-

тах — домбре, кобызе, сыбызгы, шанкобызе. Многочисленная плеяда народных исполнителей удерживала в своей памяти сотни интереснейших образцов исконно народного музыкального творчества. Богатейший музыкальный фольклор передавался из поколения в поколение.

Сбору казахских народных инструментов стало уделяться внимание лишь с середины XIX в. Немаловажную роль в этом сыграли академики Л. С. Берг, К. Н. Павловский, музыковед Н. Ф. Финдейзен, ученый-этнограф, путешественник Чокан Валиханов, поэт-просветитель, композитор Абай Кунанбаев и др. Собранная ими коллекция хранится в музеях Москвы, Ленинграда, Омска, Семипалатинска.

Но это были лишь первые робкие шаги отдельных энтузиастов, посвятивших себя такому благородному делу, как сбор народных музыкальных инструментов. Все возможности казахского музыкального инструментария, впитавшего в себя тайны веков, были раскрыты только в советское время. Еще в 1925 году по инициативе А. В. Луначарского было положено начало совершенствованию домбры. Постоянно действующая лаборатория по исследованию народного инструментария, открытая в республике в 1932 году, поставила реконструкцию домбры, кобыза и других музыкальных инструментов на научную основу. Впервые под руководством выдающегося советского композитора, ученого-искусствоведа, академика АН Казах-

ской ССР А. К. Жубанова были определены оптимальные параметры конструкции народных музыкальных инструментов, на них определен постоянный строй: на домбре — «ре», «соль» малой октавы, на кобызе «ре», «ля» малой октавы. В составе Казахского государственного академического оркестра народных музыкальных инструментов имени Курмангазы домбра приобрела темперированный звукоряд, ее диапазон расширился до двух с половиной октав, улучшилось качество звучания инструмента. Широкое применение нашли такие в прошлом распространенные музыкальные инструменты, как кобыз, сыбызгы, сырнай, дауылпаз. Наряду с традиционными кюйями музыканты осваивали русскую и западноевропейскую классику, произведения советских авторов.

От одинокой домбры, унисонного исполнения до современного полисимфонизма, до больших и сложных форм советской и классической музыки — таков творческий диапазон оркестра, насчитывающего ныне в своем репертуаре сотни произведений казахской, русской и мировой музыкальной классики.

Оркестру отдали свой энтузиазм, талант и вдохновение Лукпан Мухитов, Науша Букейханов, Кали Жантилеуов, Уахап Кабигожин, Жаппас Каламбаев, Искак Уалиев, Гульнафис Баязитова, Фатима Балгаева, Магауя Хамзин, Рустембек Омаров и другие замечательные музыканты. На протяжении ряда лет работала в нем

выдающийся народный композитор, музыкант-исполнитель Дина Нурпеисова.

Под руководством своего основателя Ахмета Жубанова оркестр достиг значительных успехов в овладении высотами исполнительского мастерства. Художественные традиции, заложенные им, были плодотворно развиты последующими руководителями оркестра — Л. Хамиди, А. Шаргородским, С. Шабельским. М. Тулебаевым, К. Мусиным и Н. Тлендиевым. Новые яркие высоты в творческом восхождении оркестра связаны с именем народного артиста СССР, профессора Шамгона Кажгалиева — генерального директора, художественного руководителя и главного дирижера коллектива.

...Вспоминаются начальные шаги коллектива под руководством Ш. Кажгалиева: 1959 г. — Бухарест. Оркестр им. Курмангазы первым из народных оркестров Советского Союза завоевал Золотую медаль и почетное звание лауреата Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Тогда интернациональная аудитория фестиваля была покорена исполнением не только «Родины радости» С. Мухамеджанова, кюйев «Адай», «Сары-Арка» Курмангазы, «Саржайляу» Таттимбета, но и «Вальса фантазии» Глинки, венгерских танцев Брамса.

И сегодня в исполнении оркестра народных музыкальных инструментов прекрасно звучит симфоническая музыка Моцарта, Гайдна и Бетховена. Прочным успехом у слушателей пользуются сочинения



Жетыгены (жетіген)

казахстанских композиторов — симфоническая поэма «Желдирме» Е. Брусиловского, вальс из оперы «Песнь о целине» Е. Рахмадиева, фрагменты из балета «Легенда о белой птице» Г. Жубановой, инструментальная пьеса «Махамбет» Н. Тлендиева и другие.

Убедительным подтверждением художественной зрелости, артистизма, роста мастерства и творческого подъема оркестра стали его выступления в Китае, во Франции, Италии, Финляндии, Португалии, Чехословакии, ГДР, Польше, а также в Москве, Ленинграде, столицах союзных республик. Оркестр продолжает проявлять верность своим принципам — хранить и развивать традиции народного искус-

ства, пропагандировать лучшие достижения русской и мировой музыкальной классики, чутко откликаться на творческие искания современных авторов.

Успехи оркестра им. Курмангазы, как и всего современного казахского искусства, во многом определялись тем, что начиная с 30-х годов под руководством Ахмета Жубанова шла реконструкция народных музыкальных инструментов с участием таких мастеров, как А. Е. Ермеков (1883—1943), К. Касымов (1884—1966), И. И. Романенко (1893—1970), позволившая приступить к изготовлению полного комплекта народного инструментария и выступить с успехом на первой (1936 г.) и пос-



Исполн
на жет



Народные
музыканты

ледующих декадах казахского искусства и литературы в Москве.

Внедрение нотной письменности, несомненно, стало значительным явлением в казахской музыкальной фольклористике. Однако современные музыканты, исполняющие кюйи по записям, не имеют возможности воспроизвести полностью исконное звучание народной мелодии, ибо далеко не все приемы традиционного исполнительства на домбре или кобызе поддаются письменной зашифровке известными нам нотными знаками. «Записывать домбру в кюйях, — пи-

сад А. Затаевич, — конечно, очень трудно. И если я сколько-нибудь и научился этому искусству, то уже в конце моей практики»¹.

Поскольку система дополнительных знаков все еще не разработана, отдельные авторы вынуждены добавлять дополнительные, пока что не унифицированные знаки. Видимо, эта проблема ждет своего решения.

В 1957 году осуществлен второй этап реконструкции народных му-

¹Затаевич А. 1000 песен казахского народа. М., 1963, с.21



Сазген



*Даумлас,
дангра,
шындауыл*

*Дабыл батальный
с булавой*

*Ушкурук.
Городище Отгар.
XII в.*



зыкальных инструментов. По эскизам и чертежам Ш. Кажгалиева были реконструированы и озвучены такие инструменты, как сырнай, дауылпаз с включением их в состав оркестра. Активную работу по пропаганде, изучению и реконструкции народных музыкальных инструментов развернули в 60—70-х годах известный музыковед, профессор Б. Сарыбаев, такие знатоки казахской старины, как С. Касиманов, О. Хаймулдин и др.

Исходя из того, что возрождение народных музыкальных инструментов, забытых временем, и исполнительских традиций помогут раскрыть новыми художественными средствами не только содержание музыкальных произведений, но и обогатит национальную культуру в целом, в послед-

нее время проводится работа по дальнейшему сбору, озвучиванию и совершенствованию старинных народных музыкальных инструментов не только на основе музейных собраний, но и письменных источников, народных преданий, материалов полевых экспедиций. В настоящее время проходит третий этап реконструкции и озвучивания народных музыкальных инструментов, таких, как жетыген, сазген, адырна, наркобыз, домбр-куыс мойын, трехструнной, аша с двухсторонней декой, шинкильдек (дословно — «писклявый»), а также с подгрифными струнами; керней, желбуаз, желкабыз. Немаловажную роль в этом деле призваны сыграть Республиканский музей народных музыкальных инструментов, известный далеко за преде-

лами республики фольклорно-этнографический оркестр «Отрар сазы» под руководством народного артиста СССР, лауреата Государственной премии Казахской ССР композитора Н. Тлендиева, фольклорные ансамбли «Шертер», «Сазген», «Адырна», которые с помощью им творческим поиском помогут дальнейшему раскрытию тайны легенды о золотой домбре.

С музыкальным фольклором, свадьбой и сватовством, сопровождаемыми их обрядовыми песнями, танцами, с играми-состязаниями, пантомимой непосредственно связана самобытная танцевальная культура казахского народа. Хотя многие канонические формы древних плясок не дошли до нас, в памяти народной остались их сюжетная тематика, традиционные увлечения многих поколений, идеалы танцевальной пластики, ибо этот вид искусства у казахов никогда не ограничивался определенной, раз и навсегда выработанной системой жестов, движений и «механикой» танца.

Изучение фольклора, памятников материальной культуры, письменных источников, лексикона самого казахского языка дает основание утверждать, что танцы, будь это — шаманские, плясовые или игровые состязательные, сопровождали весь процесс развития казахского общества с глубокой древности до наших дней, обогащая его духовную культуру. Сохранились некоторые народные танцы, в которых прослеживаются мотивы жизненного уклада казахов в прошлом.



*Инструментовед-исследователь
Б. Сарыбаев*

*Уульдеки
(уулдек),
керней,
камысырнай*



Асатаяки
(асатаяқ)

По сюжетной направленности, характеру и манере исполнения казахские танцы можно подразделить на следующие группы:

ритуально-обрядовые — «Баксы ойыны», «Айкосак» (пляски баксы), «Жезтырнак» (пляска ведьмы), «Буынби» (танец суставов), «Жар-жар» (пляска с одноименной ритуальной песней), «Коштасу» (прощание невесты с подругами), «Айда, былпым» (танец молодухи), «Келиншек» (танец молодухи с парнем), «Шалкыма» (танец на каблуках);

воинственно-охотничьи — «Сайыс» (поединок), «Акат» (танец по мотивам древней мужской пластики), «Клышпан-би» (танец с саблей), «Мерген» (танец с луком), «Коян-буркут» (заяц и беркут), «Кусбеги — дауылпаз» (танец с ловчей птицей и дауылпазом);

бытовые подражательные — «Ормек-би» (танец ткачей), «Ортеке» (танец козла-прыгуна), «Каражорга» (бег иноходца), «Тепенкок» (бег скакуна);

массовые — «Алка-котан» (дословно — бок о бок), «Алтынай», «Кербез-би», «Ыргакты», «Казкатар»; «Балбраун», «Утыс-би», «Кокпар», «Косалка», «Шашу» и др.

Наиболее характерными особенностями казахского танца, исполняемого под аккомпанемент домбры, кобыза, дангры, являются экспрессивность исполнения, резкость движения, подвижность суставов, собранность корпуса в мужских танцах, гибкость талии, пластика рук — в женских. Специфичными были пляски на коне, доступные лишь более одаренному



*Дудыга,
токылдак*

танцовщику, джигиту-наезднику, а также ночные хороводы вокруг костров у алтыбакана — переносных качелей и т. д.

Не прибегая даже к историческим аргументам, в качестве доказательства против бытующего в среде некоторых специалистов мнения, что казахский народ в прошлом не имел своего танцевального искусства, можно указать прежде всего на наличие в казахском языке слов «би» — танец, «билеу» — танцевать, в арсенале музыкального фольклора так называемых «бикюйев» — танцевальных ритмов. В этом отношении нельзя не согласиться с мыслью Л. Сарыновой о том, что «старинные народные пляски, следы которых удалось обнаружить не так давно, являлись не «зачатками примитивного танца», как часто называют их в наше время, и не «элементами танцевальности», а самобытным танцевальным искусством, выразительные средства которого определялись уровнем культуры патриархально-феодального общества»¹.

Искусством танца в прошлом владели в совершенстве многие певцы-импровизаторы, например, знаменитый певец Берикбол Копенов, прозванный Агаш-аяком (деревянной ногой), за умение танцевать на ходулях, Шашубай Кошкарбаев, Жунусбек Жолдинов, Карсак Копабаев и другие. Они были желанными на всех празднествах, ярмарках, где устраивались театрализованные танцы с пением, танцы-

¹Сарынова Л. П. Балетное искусство Казахстана. А.-А., 1976 с.26.

игры, показывающие силу и ловкость плясунов, представления, пронизанные пантомимой и шутками.

Автору этих строк посчастливилось видеть выступление одного из старейших народных танцовщиков в 1966 году. В числе других на свадьбу сына одного из моих давних знакомых в Алма-Ате был приглашен и я. В разгар свадебного торжества, войдя в зал, в котором веселилась молодежь, обратил внимание на старика, наблюдавшего, прислонившись к стене, за «движениями-танцами» парней и девушек, исполнявших, кто как мог, рок-н-ролл и твист. В какое-то мгновение, недовольный весьма непристойными, по его мнению, движениями танцующих, старик вышел в центр площадки и сам стал плясать, представляя публике какой-то незнакомый танец. Своими движениями и мимикой он изображал устремленный полет и охоту беркута — древнего символа мужества и благородства, его гордо посаженную голову, грозный взгляд, стальные когти, размах крыльев.

Это был известный в павлодарском Прииртышье народный акын Жунисбек Жолдинов.

Так я познакомился с этим удивительным человеком, талантливейшим представителем народных танцовщиков. В тот вечер он нам показал рисунки и основные движения таких старинных танцев, как «Айкосак», «Жезтырнак», «Клышпан-би», «Бала-буркут», «Казахско-калмыцкий танец», «Кусбегги», «Алка-котан» и др.

Впоследствии некоторые из этих танцев были восстановлены такими знатоками танцевального фольклора, как Аубакир Исмаилов, Ольга Всеволодовна Голушкевич и вошли в репертуар заслуженной артистки Казахской ССР Тойган Изимовой — незаурядной исполнительницы народных танцев, ансамбля народного танца «Алтынай» и получили восторженные отзывы благодарной публики не только в нашей стране, но и за ее пределами во время гастролей в Венгрии, Австрии, Швейцарии, Вьетнаме, Лаосе, Югославии, Соединенных Штатах Америки и других странах.

Факт существования искусства национального танца в быту народа не только в исполнении мастеров-танцовщиков, но и широких народных масс подтверждают материалы, собранные Д. Исаевым, который, описывая свадебные обряды, заметил: «Пока готовились к свадьбе, подруги и подруги невесты собираются к ней по вечерам, работают, поют и частенько оканчивают вечер плясками под заунывные звуки домбры или кобызы»¹. На рисунке «Торжество в юрте Даулеткерей», опубликованном в 1846 году в книге «Этнографическая характеристика народов России», также показан молодой человек, танцующий в сопровождении народных музыкальных инструментов. А композитор Даулеткерей был большим ценителем искусства танца.

¹ «Русский дневник», 1859 г., № 92, с. 111.

Более того, в отличие от некоторых других мусульманских народов Советского Востока, казахи имели в прошлом парные танцы, исполняемые юношей и девушкой, например, «Келиншек», «Коян-буркут», плясовую песню «Кто знает, о чем вы» и др., хотя специальных школ по танцам в степях, разумеется, не было.

Как свидетельствуют письменные источники, отдельные роды, племена имели своих мастеров-танцовщиков (*қулар*) на положении придворных шутов, забавников — комиков, трюкачей типа узбекских «маскорпазов». Мне довелось услышать однажды в Чимкенте, на вечере-диспуте из уст самого Мухтара Ауэзова об искусстве исполнителей народного танца «Ортеке», бытовавшего, по всей вероятности, у казахов и их предков с незапамятных времен и исполнявшегося странствующими танцовщиками — *ортекешилер*, изображавшими диких козлов, попавших нечаянно в овраг. Сюжетная линия этого танца прослеживается и на некоторых наскальных рисунках, в легендах и преданиях, дошедших до наших дней.

Искусство театрализованных представлений с участием ряженных артистов, иногда в масках, существовало в Казахстане уже в эпоху средневековья и, видимо, раньше. Так, при раскопках города Кедеря в Отрарском оазисе в доме X—XI вв. была найдена глиняная маска горожанина — артиста.

Впоследствии танец «Ортеке» был перевоплощен в игру-представление одинокой на специаль-

Футляр
для шанкобыза

Шанкобыз
(шаңғауыз)



ной установке фигурки козла-прыгуна, приводимой в движение тонкими нитями. Фигурка козла прикреплялась нитками к руке домбриста, она прыгала, кувыркалась, когда тот исполнял кюй, будто танцевала под музыку.

В условиях социалистического общества, с развитием материальной и духовной культуры народа, созданием театра, хореографических училищ, концертных организаций началось развитие танцевального искусства уже на профессиональной основе. В 30-х годах этот вид искусства занимал также важное место в быту. Даже семейные торжества нередко заканчивались массовым переплясом, когда один приглашал в круг другого, второй — третьего. Да и в кружках художественной самодеятельности немало людей увлекались народными танцами. Смотры художественной самодеятельности, т. н.

«олимпиады» с исполнителями народных танцев проходили как большие праздники.

Один из таких праздников — Всеказахстанский слет работников искусств проходил в Алма-Ате летом 1934 года. «Особенно интересно то обстоятельство, — писал впоследствии в своих воспоминаниях один из зачинателей казахского театра, народный артист Казахской ССР Канабек Байсеитов, — что на слете выявилось много замечательных танцоров. А ведь раньше мне не раз приходилось слышать, как, без всякого на то основания, утверждали, что у казахов нет и никогда не было танцев. После слета такие люди не бросали больше безапелляционных заявлений...

Танцор из пригорода Алма-Аты исполнил танец «Употребление насыбая». Это было поистине искусство пантомимы. Он отличался



большим мастерством и гибкостью, владел не только пластикой, но и мимикой. Сначала он воспроизводил картину подготовки к употреблению насыбая. Невольно изумляешься, как правдиво изображал ее танцор. Потом — сам процесс этого занятия. Человек, вкусивший привычное зелье, весь сразу преобразуется, становится веселым и радостным, у него поднимается настроение, он чувствует себя наверху блаженства, будто почи- вает на лаврах, и возбужденно начинает плясать. Через некоторое время, вдоволь натамцевавшись, постепенно пьянеет от насыбая и, окончательно выбившись из сил, устало валится с ног. Танец очень образный и красивый.

Особенно поразил некий Заурбаев, приехавший из Каркаралинска. Он один исполнил танец «Заяц и беркут». Его искусство тоже напоминало пантомиму. Бер-

кут взмахнул крыльями и взлетел ввысь. Заметив зайца, стремительно ринулся вниз, издавая клекот, а тот, завидев ловкую птицу, пустился наутек, но было уже поздно. И всю эту картину танцор нарисовал так образно и убедительно, что зрители долго потом его не отпускали. Когда я теперь смотрю, как танцует известный всем М. Эсембаев, невольно вспоминаю того Заурбаева, которого природа наградила щедрым талантом.

...Показали нам и несколько шаманских, знахарских танцев. Одни демонстрировали свое мастерство, другие — свою ловкость. Например, один танцевал на длинной палке, которую держали на плечах два человека. У него двигались не только руки и ноги, а, казалось, каждый мускул, каждый нерв на теле. Так танцевать никогда не научишь, даже специально обучая этому искусству, то был удиви-

Кол-дабыл



Конырау.
Колокольчики

тельный врожденный талант, и никто его никогда этому не учил. Я всегда восхищаюсь и преклоняю голову перед истинными талантами»¹.

По всему видно, что у танцевального фольклора казахов не было таких выдающихся энтузиастов-собрателей, каким для музыкального был Александр Викторович Затаевич (1869—1936), который в самые трудные годы сквозь голод, холод, тиф и холеру, «по казармам и ночлежкам, по базарам, по школам и курсам, по общежитиям съездов, как истинный «искатель жемчуга» ходил и собирал чудесные песни народа»². Это он за 16 лет напряженного труда записал 2300 произведений народного музыкального творчества. «Вот передо мной сборник «Тысячи песен казахского народа», они положены на ноты, — писал о подвиге замечательного русского музыканта А. М. Горький, — оригинальнейшие их мелодии — богатый материал для Моцартов, Бетховенов, Шопенов, Мусоргских и Григгов будущего»³.

Не случайно поэтому приходится теперь собирать по крохам то немногое, что осталось от прошлого, осваивать сюжетную линию танцев, сохранившихся главным образом в этнографической среде, формы увлечения народа, идеалы его танцевальной пластики, жестов, движений, как это делает Даурен

¹ Канабек Байсеитов. На всю жизнь. А.-А., 1983, с. 124—125.

² «Правда», 1926, 20 июля.

³ Горький А. М. По Союзу Советов. М., 1952, с.133.



*Исполнительница
на конярау*



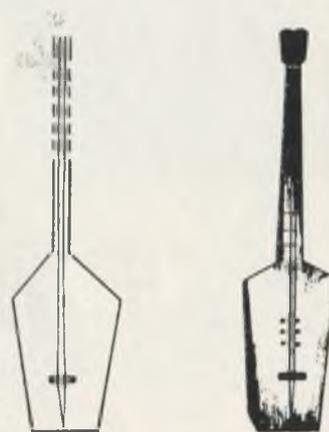
Керамическая
фигурка музыканта.
Городище Кой-
Крылган-кала.
Хорезм.
IV в. до н. э.



Туяктас
и шын



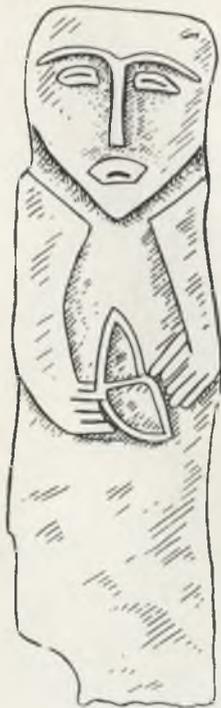
Керамическая
фигурка
музыканта.
Городище Кой-
Крылган-кала.
Хорезм.
IV в. до н. э.



Резонаторы домбр
(по Р. Садокову)

из Кой-Крылган-калы

из Семипалатинска



Музыкант с лукообразной арфой.
VII—VIII вв. Южный Казахстан.

По мнению специалистов, на каменном изваянии изображен музыкальный лук — монохорд, который своим происхождением обязан охотничьему луку и представляет собой наиболее древний вид дуговой арфы. В данном случае, вероятно, мы имеем дело с ранним прототипом казахской адырны

Абиров — известный педагог-балетмейстер, кому мы обязаны восстановлением и сохранением ряда творений народа. При этом он исходит из того, что в танцах, дошедших до нас, переданы впечатления от окружающего мира, характер, душевное состояние и настроение их создателей.

Нам нельзя не учитывать и то обстоятельство, что народные танцы сегодня становятся уделом лишь профессионалов, когда массы практически не танцуют по-казахски. Отчасти это объясняется серьезными недостатками в постановке этого дела в республике, когда в детском саду, школе, сред-

нем специальном и высшем учебном заведении не прививают навыков исполнения народных танцев. Мало что делают в этом направлении клубы, научно-методические центры художественной самодеятельности и народного творчества. Те немногие люди, которые сами танцевали и могли бы учить азам этого искусства, перевелись давно. Нет общедоступных пособий, по которым бы можно было разучивать народные танцы, к тому же на местах не располагают кадрами квалифицированных специалистов, не созданы школы народного танца. Не выдерживает никакой критики и состояние пропаганды



*Ахмет Жубанов
(1906—1968)*



*Казахский
государственный
академический
оркестр им.
Курмангазы.
Дирижер
Ш. Кажғалиев*

и популяризации казахских танцев, как таковых. Это в то время, когда телевидение, видеозапись с учетом доступности современных «танцев-движений» позволяют обходиться без народных танцев на свадьбах, народных празднествах, в семейном кругу.

В наши дни, как это ни парадоксально, только отдельные знаменитости танцевального фольклора могут назвать и показать такие характерные движения и жесты казахского танца, составляющие его основу, как «Сак журис» (ос-

торожный ход), «Сыпайы журис» (изящный ход), «Камтыма» (пластика рук), «Шынжара» (бегущие волны), «Окше алмасу» (ход с поворотом), «Молдас» (приседание), «Айналмалы-ауыспалы» (переменный ход с вращением), «Окшелеу» (ход с каблука), «Суйретпе» (скольжение), «Сырма» (поземка), «Дулей» (вьюжные закручивания), «Зарылдауык» (вихрь), «Буркасын» (полет метели), «Орама» (наматывание), «Ширатпа» (сучение), «Буранбел» (гибкость талии) и др.



Современность, как известно, не исключает старинные формы, образцы. Было бы неуместно игнорировать и то обстоятельство, что нынешняя молодежь любит танцевать под звуки вокально-инструментальных ансамблей, покачиваясь и крутясь, двигаясь как заблагорассудится в такт эстрадной музыке. Но было бы во сто крат хуже, если бы мы предали забвению танцевальное наследие прошлого в учебной и творческой практике, не популяризировали его в быту людей. Почему бы не исполнять, например, наряду с современными и народные танцы на свадьбах, вечерах, массовых празднествах, не проводить ежегодные республиканские конкурсы на лучшее исполнение казахского народного танца на призы известной танцовщицы Шары Жиенкуловой. Было бы полезно проводить телевизионные уроки казахского танца с участием таких знатоков танцевального фольклора, как Аубакир Исмаилов, Даурен Абирова. Тогда бы такие интересные по своей композиции, но малоизвестные народные массовые танцы, как «Алка-котан», «Утыс-би», «Кииз басу» и другие стали бы быстро достоянием молодежи.

Учить исполнять казахские танцы можно было бы, начиная с детского сада и школы, если внести необходимые изменения в учебные планы, выпускать популярные пособия с рисунками и нотными тетрадами, если предметом особой заботы станет и музыка к танцам. К сожалению, такими возможностями мы пока не рас-

полагаем. Кроме Е. Брусиловского, М. Тулебаева, А. Жубанова, Н. Тлендиева, трудно найти композитора, который сочинял бы танцевальную музыку. Поэтому постановщики танцев нередко прибегают к народным кюлям и песням, именуя танцы по их названиям, не обращая внимания на сюжетную линию, тематическую направленность произведения. Таковы танцы «Куабол», «Саулем-ай», «Бозинген», «Былкылдак», последний нередко именуется еще и «Таттимбетом» (автор кюля), «Айжан-кыз», «Кербез сылкым» и т. д. При этом далеко не всегда постановщики последовательно придерживаются созданных до них хореографических рисунков, «придумываемая» зачастую даже в худшем варианте своего «Косалка», своих «Былкылдаков», «Кербез сылкым», затрудняя тем самым популяризацию танцев среди населения. В так называемом женском «Лирическом танце» на чудесную музыку Н. Тлендиева постановщики использовали в качестве выразительного средства асатаяк — посох дервишей и никак не нарадуются своим «открытием», представляя его всюду, где только возможно.

Казахи любят петь, умеют слушать и наслаждаться красивой песней и кюлем от всей души. В свое время Арминий Вамбери и его спутники были чрезвычайно удивлены открытием в них большого расположения к музыке и поэзии. Больше всего они ценят широкие раздольные песни, исполняемые с пафосом или тонким лиризмом кюи. То, что певцы-

импровизаторы, песенники, музыканты-исполнители передавали из поколения в поколение сотни и тысячи уникальнейших образцов народных песен, поэм, кюев, нам представляется явлением не случайным.

В прошлом опытные музыканты могли с одного раза запомнить и исполнить незнакомый кюй любой сложности. Причина столь быстрого запоминания мелодии заключалась в глубоком знании ими порядка развертывания музыкального материала, то есть формы. Главным условным моментом запоминания нового кюйя являлись кистевые удары правой руки вверх и вниз. В прямой зависимости от штрихов, чередования и последовательности сильных и слабых ударов создавались те или иные образцы домбровой музыки.

С давних времен привлекали к себе внимание исследователей казахские народные песни и кюи, сбор и запись которых начались только с конца XIX века благодаря русским искусствоведам, фольклористам и музыкантам. Поскольку все это делалось по собственной инициативе, большая часть этих работ так и осталась неопубликованной.

Жители степей всегда отличались красноречием, умением говорить бегло, не запинаясь и не останавливаясь, наслаждаясь изяществом и отточенностью слов собеседника. «Несколько дней тому назад, — писал Адольф Янушкевич, присутствовавший на суде биев, — я был свидетелем столкновения между двумя враждующими пар-

тиями и с удивлением рукоплескал ораторам, которые никогда не слышали о Демосфене и Цицероне, а сегодня предо мной выступают поэты, не умеющие ни читать, ни писать, однако поражающие меня своими талантами... Народ, который одарен Творцом такими способностями, не может оставаться чуждым цивилизации: дух ее проникнет когда-нибудь в казахские пустыни, раздует здесь искорки света, и придет время, когда кочующий сегодня номад займет почетное место среди народов, которые смотрят на него сверху вниз, как высшие касты Индостана на несчастных париев...»¹

Русские и западноевропейские ученые-востоковеды, этнографы, путешественники, посетившие Казахстан с конца XVIII в. и главным образом в XIX в., давали высокую оценку устному народному творчеству казахов, отмечали глубину их народной поэзии, имеющей многовековые традиции.

Устное народное творчество казахов, уходящее своими корнями в глубокую древность, этническую историю, представлено героическими сказаниями, лирико-эпическими поэмами, преданиями, легендами, создававшимися преимущественно на основе пережитых народом исторических событий. Первоисточниками их могли быть краткие повествования о подвиге людей, отличившихся воинской доблестью, рассказы о несчастной,

¹ Я н у ш к е в и ч А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. А.-А., 1966, с. 71.



*Дина Нурпеисова
(1861—1955)*

трагической любви молодых, брошенных вызов несправедливости, патриархально-феодальным порядкам, и, наконец, здоровая стихия народной фантазии, проявлявшаяся в борьбе с силами природы.

Они глубоко патриотичны в своем содержании, поэтичны в изложении, пронизаны призывом к единству, стойкости духа, настойчивости, упорству во имя достижения поставленной цели.

Как в капле воды отражены в них судьбы народа, его мудрость, отношение к окружающему миру. И не случайно поэтому устное народное творчество казахов издавна привлекало внимание лучших умов дореволюционной России, в частности, В. В. Радлова,

С. Е. Малова, Г. Н. Потанина, крупнейшего ученого-фольклориста Абубакира Диваева, в чьих трудах мы находим ответы на многие вопросы казахской фольклористики.

Казахский фольклор уникален, включает в себя свыше сорока жанровых разновидностей, значительная часть которых, например, айтысы акынов — поэтические состязания, «Жар-жар», «Беташар», «Сынсу» — песни ритуальные, как и песни-прошения, песни-письма, песни-небылицы, песни-бессмыслицы характерны только для казахского устного народного творчества. Он неисчерпаем: здесь есть не только героические сказания, лирико-эпические поэмы, предания, легенды, частушки, любов-

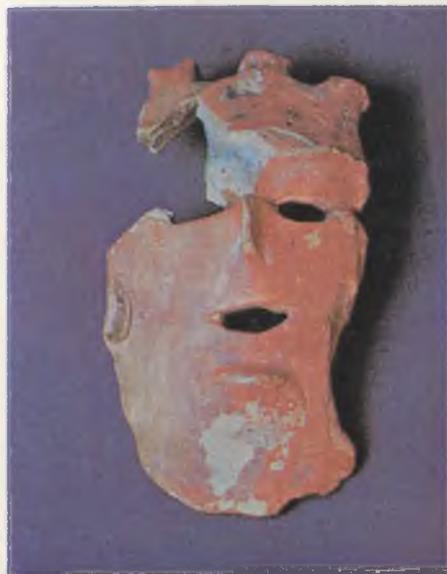


Фольклорно-этнографический ансамбль «Сазген». 1980 г.



Р. Чердеев.
«Праздник в юрте Даулеткерей». 1854 г.

Глиняная маска
горожанина-
артиста
из Куйрук-тобе.
X—XI вв.



ные и обрядовые песни, философские размышления, посвящения, поучительные сказки, но и остроумные поговорки, загадки, афоризмы, пословицы, прощальные, колыбельные и погребальные напевы, заговоры и заклинания. Они дают представление о народном бытии, народном миропонимании.

Разнообразны формы народного стихосочинительства. Это связано с тем, что ни одно событие, ни один праздник в казахской семье, народном быту не обходились без песни. На свадьбах, например, в обязательном порядке исполнялся «Жар-жар» — проводы невесты в форме хорового пения с ведущими как со стороны девушек, так и со стороны парней — сверстников новобрачных. Другая ритуальная песня «Сын-

су» — прощание с родным очагом исполнялась самой невестой перед выездом свадебной процессии из ее родного аула. В ауле жениха певцом-песенником исполнялась третья ритуальная песня «Беташар» для ознакомления невесты с его родственниками. Характеризуя в стихах каждого из почтенных родственников, он призывал невесту отдать поклон в его честь, относиться к нему уважительно, как подобает достойной невестке.

«Жоктау» — плач по усопшему. По установившейся традиции его исполняли женщины на поминках, устраиваемых в день смерти родича, в день его похорон, через семь дней, сорок дней, год и четыре года после смерти.

Все это результат усилий безымянных творцов казахского фольклора, шлифовавших исконно народные произведения на протяжении веков, тысячелетий. В силу того обстоятельства, что они передавались из уст в уста, из поколения в поколение, эти произведения изменялись и дополнялись поправками, внесенными как обществом в целом, так и господствующими классами. Некоторые из этих произведений в своем первоначальном виде отражали думы и чаяния народа, стойкость его духа, моральную чистоту, однако в последующих вариантах были изменены в интересах феодальной верхушки общества. Этим и объясняется наличие нескольких, порою противоречащих друг другу вариантов героических сказаний, например, о батырах (богатырях. —



Народный танец
«Шалкыма»



Народный танец
«Айкосак»



У. Д.) Кобланды, Алпамысе, Камбаре, Ер-Таргыне, таких лирико-эпических поэм, как «Кыз-Жибек», «Козы-Корпеш — Баян-Сулу» и др.

Единение народа по принципу «нет житя без единения» — главная цель всех без исключения героических сказаний, главными персонажами которых выступают батыры — выходцы из народа, которые растут не по годам, с детства проявляют богатырскую мощь, ставят целью жизни защиту родного народа от посягательства внешних врагов. Их жены оказываются в роли умных помощниц, советчиц, как, например, Кортка в «Кобланды», Акжунус в «Ер-Таргыне», наравне с мужьями разделяют все невзгоды жизни, ведут борьбу. Герои терпят невероятные трудности, лишения, но в конце концов выходят победителями.

Они решительны, благородны и снисходительны, когда того требуют обстоятельства. Так, в поэме «Камбар и Назым» братья невесты посмеиваются над бедностью молодого охотника Камбара, считая его не подходящим для своей сестры — красавицы Назым. Оскорбленный этим джигит, невзирая на расставленные сети безумно влюбленной в него девушки, дает себе клятву порвать связь не только с ее братьями, но и с нею. Однако, увидев нависшую над аулом своей возлюбленной опасность, вступает в единоборство с врагом, посягнувшим на жизнь его сородичей.

Лирико-эпические поэмы «Кыз-Жибек», «Козы-Корпеш — Баян-Сулу» сходны между собой по теме, содержанию и разворачиванию



событий, для их жанра характерны социально-бытовая направленность, любовная лирика. А в поэме «Айман — Шолпан» все явления жизни и быта тогдашнего казахского общества изображаются реально, без особой гиперболичности.

В лирико-эпических поэмах, не жалея красок, с особенной любовью авторы воспевают красоту девушки, находят ей сравнения и эпитеты из окружающей среды.

Будто белый сокол, она
На перчатке ловчей была.
Несравненная красотой,
Словно утренний снег бела.¹

Так воспевается красота девушки в поэме «Камбар и Назым».

Обращает на себя внимание разнообразие тематики казахской

сказки, особенно волшебной, представляющей во многом синкретическую форму. Здесь можно обнаружить наряду с чисто волшебными повествованиями космогонические, генеалогические, топонимические сказания, предания, легенды, например, о таком таинственном, демоническом существе, как Жезтырнак, нередко в обличи женщины с медными ногтями, «сводившей с ума путников не раз». Популярными героями казахских сказок являются Алдар-Косе и Жиренше — острословы и шутники, которые ловко проводят своих противников, главным образом, баев, представителей власти имущих.

Пословицы, поговорки, загадки, афоризмы у казахов несут в себе большую воспитательную нагрузку, способствуя расширению кругозо-

¹ Казахский эпос. А.-А., 1958, с. 399.



А. Дузельханов
Иллюстрация
к эпосу
«Кыз-Жибек»
1988 г.

ра, логическому мышлению людей.

Выдающимся памятником устного народного творчества является «Кырык отирик» (кырык өтірік) — «сорок небылиц», не поддающийся до сих пор точному переводу с казахского на русский и другие языки.

...Жесток нрав ханов-властелинов. Один из них то ли из-за безделия, то ли из-за честолюбия извещает своих подданных, что тот, кто составит неправдоподобный рассказ и споет сорок куплетов стихов-небылиц собственного сочинения, будет достоин руки его единственной дочери и сана великого везира. Многие сложили головы из-за малейшего правдо-

подобия сказанного. И лишь мальчик-паршивец, покинутый всеми пастушок, выходит победителем из этого испытания и вознаграждается за ум, находчивость, за сорок своих небылиц...

Распространителями и популяризаторами народного творчества в прошлом были:

жыршы — сказитель, который мог спеть целую поэму на память, пользуясь при этом традиционными приемами народного исполнительства, импровизации, демонстрируя одновременно виртуозную игру на народных инструментах. Таким был Мурын-жырау (1860—1954), владевший феноменальной памятью, талантом актера «театра



Х. А. Б.
Иллюс
«Камб
1979 г.

одного исполнителя», пел на память и эмоционально рассказывал содержание целой серии эпических поэм «О сорока батырах» — памятника устного народного творчества XIV—XVII веков, записи которых хранятся ныне в редком фонде

Академии наук Казахской ССР; *аниши (әніші)* — певец, не обучавшийся ни в каком учебном заведении, но достигший высоты исполнительского мастерства на народной основе. Такими были Биржан-сал, Ахан-серэ, Балуан-шолак,

М. Кисамеди-
нов.
«Махамбет
Утемисов».
1968 г.



С. Романов.
«Тазша-бала».
1968 г.



Мади, Ибрай и др. А вот Амре Кашаубаеву — выдающемуся казахскому певцу суждено было спеть на домбре такие сложные, требующие сценического воплощения и высокого профессионального мастерства песни, как «Агаш аяк», «Жалгыз арша», «Смет», «Уш дос», на Всемирных выставках в Париже (1925 г.), во Франкфурте-на-Майне (1927 г.);

акын — певец, обладавший искусством импровизации.

Большой популярностью всегда пользовались айтысы акынов — поэтические состязания певцов-импровизаторов, которые по обыкновению собирали большое коли-



Народные акыны.
Слева —
Манап Кокенов

чество любителей народной поэзии. «Как на Олимпийских играх,— вспоминал впоследствии А. Янушкевич,— два поэта боролись друг с другом. Едва один выстрелит строфой, другой немедля отстреливается; первый смело нападал, второй мастерски защищался; страсть у обоих все возрастала и и разжигала эту борьбу. Это была захватывающая картина». На айтысе с представителем противоположной стороны акын восхвалял

свой род, его людей, мгновенно слагая свои импровизации. Другой тоже приводил в пример достоинство и доблести своих сородичей, их щедрость и сердечность. Приз доставался тому, кто выходил победителем из этого состязания в стихах.

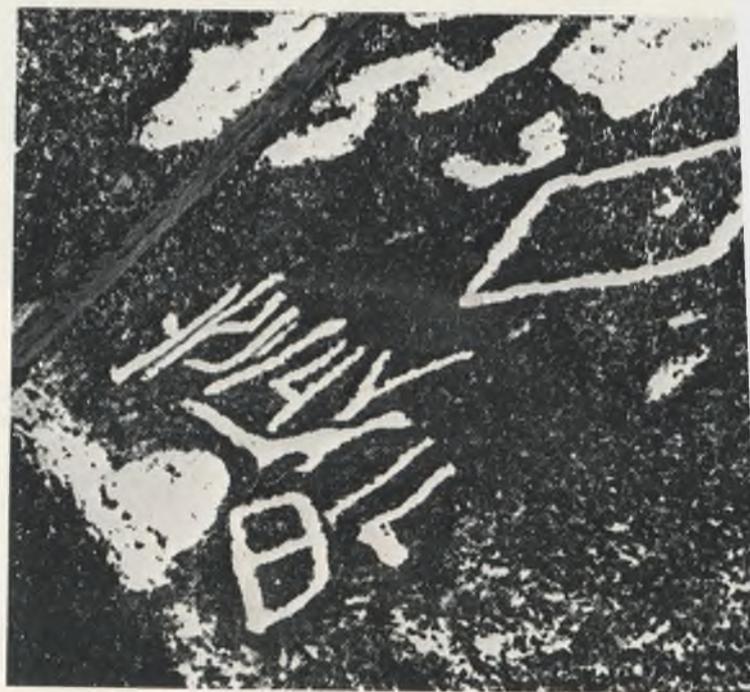
Были и такие, которые воспе-

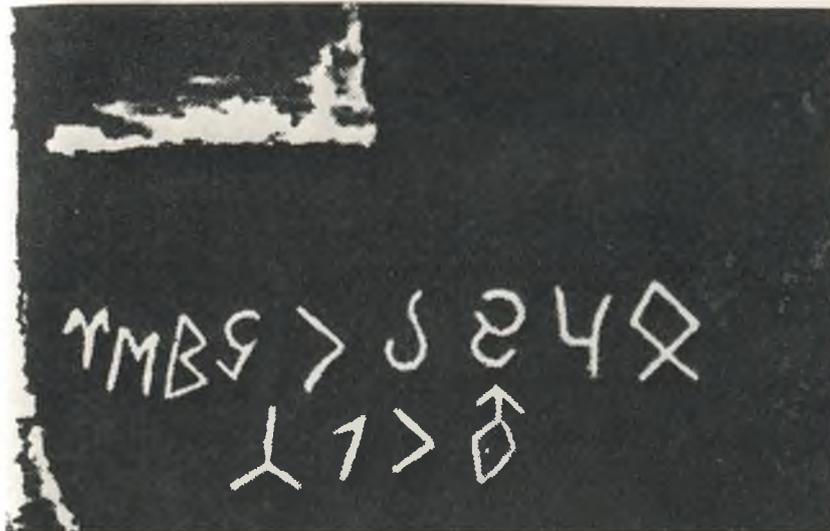
¹ Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. А.-А., 1966, с. 68.

*Баянжурекское
письмо.
Надпись на скале
(открыта в 1971 г.)
Талды-Курганская обл.*



*Узунсуское
письмо.
Надпись на камне
(открыта в 1963 г.)
Джамбулская обл.*





Сырдарьинское
письмо.
Надпись
(открыта
Чимкенте)

вали ханов, султанов, баев-феодалов, в угоду им перерабатывали содержание народных эпических поэм. Однако другие бичевали жадность, алчность феодалов, лицемерие и ханжество официальных представителей власти. Их стихи пользовались большой популярностью среди народа. Одним из таких был великий казахский акын Джамбул Джабаев (1846—1945).

В селениях предгорий Каратау, Таласского Алатау, в Присырдарьинских степях бытовала несколько иная, по-видимому, наиболее поздняя форма состязаний. Здесь к айтысу допускалось одновременно несколько пар девушек и парней, далеко не всегда являвшихся признанными акынами. Слушатели выбирали свои симпатии. Проигравшая пара обязана была преподнести своим соперникам *алым* — дар признательности.

Не вызывает сомнений бытование в прошлом наряду с устным народным творчеством, пусть даже не в таком объеме, письменной литературы в виде поэзии. К великому сожалению, сведено о ней весьма отрывочно и дошло до нас недостаточно полно в силу исторических обстоятельств. Волны завоеваний, прокатывавшиеся по евразийскому поясу, опустошали землю. Захватчики уничтожали культурные ценности, первую очередь книги, обрекая людей на историческое беспомощие. Уцелевшие рукописи были утрачены временем, и теперь о былой в прошлом письменности мы можем судить только по «мелким книгам».

Сохранившиеся памятники пиктографического, картинно-символического письма, идеографического древнетюркского и рунического пи-

Абу Наср аль-Фараби
(870—950)



менности, арабописьменных источников требуют досконального изучения. Без этого история мировой цивилизации могла бы предстать перед нами далеко не в полном объеме.

Китайский путешественник Чжан Цянь, проживший в общей сложности 13 лет (140—127 гг. до

н. э.) среди усуней, кангюй-кангаров и других племен, сообщает, что у них была своя письменность. В районах, указанных путешественником, впоследствии выявлено 15 памятников, известных в науке под названием «таласские руны». Один из них, т. н. «Таласский камень», относящийся к V—VII вв., был

открыт в 1896 году В. А. Каллауром. Надпись на камне гласит: «Имя его — Чур, от вас тридцать огланов (сыновей), от выгод и благ (мира) он отделился (т. е. умер) ...жена вдовой осталась» (перевод С. Е. Малова). Другой выдающийся памятник письменной культуры этой эпохи был выявлен в 1963 году в городище Артык (Архук) недалеко от г. Туркестана. На нем было написано, что «в те времена потомство старого Сабука считалось старшим из семи царевичей» (перевод Г. Мусабаева, А. Айдарова).

В VII—VIII веках усунями была создана эпическая поэма об Огуз-кагане, подлинник которой, как и другие письменные источники, по видимому, был уничтожен в 812—814 годах, о чем свидетельствует факт сожжения древнетюркских книг по приказу предводителя арабских завоевателей Кутайбе. Последняя редакция этого выдающегося литературного произведения была составлена в XI—XII веках и хранится в фондах Парижской национальной библиотеки.

После принятия мусульманства в Казахстане распространяется арабская письменность. Находки такой письменности на черепках глиняной посуды в виде изречений из Корана, благожелательных надписей на керамических и бронзовых сосудах были сделаны при раскопках средневековых городов. Этот период совпал с деятельностью выдающегося ученого-энциклопедиста Абу Наср аль-Фараби, родившегося в городе Васидж в округе Фараб — Отрар.

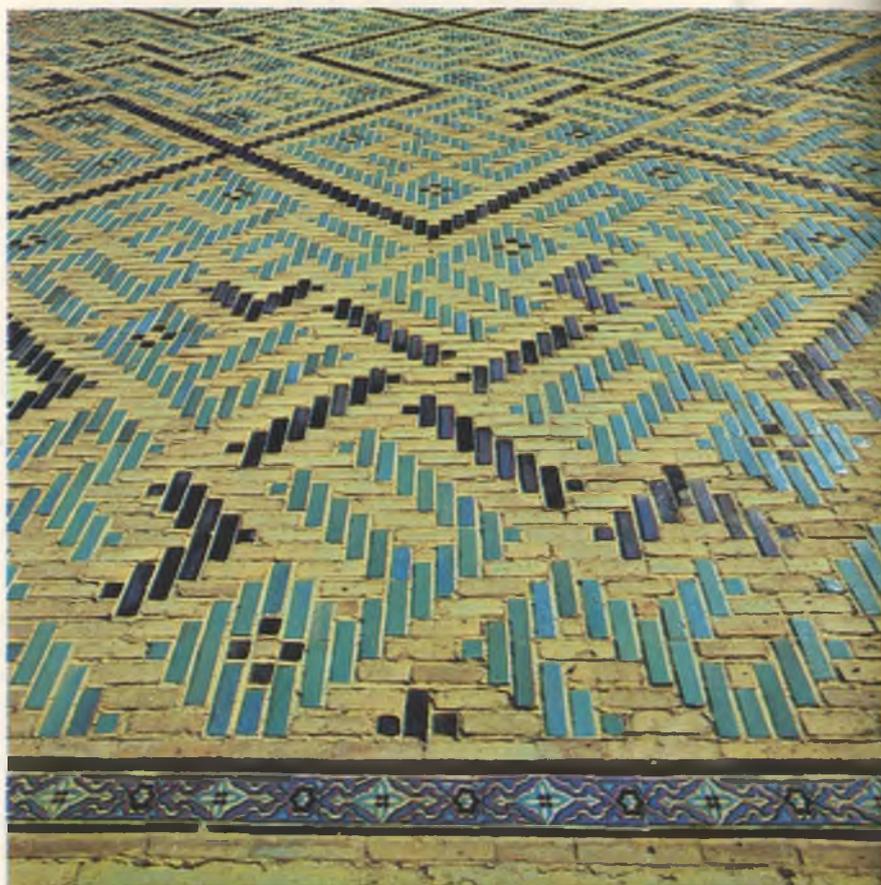
Отсюда великого отрарца именовали Фараби, а с арабским артиклем аль-Фараби. Первоначальное образование он получил в городе Отраре, славившемся тогда как центр науки и культуры, по некоторым данным, на кыпчакском языке, под которым подразумевается один из диалектов древнетюркского. Словари этого языка под названием «Китаб ат Тухва аз Закия фи-лугат-ат Туркия», «Китаб Булгат Аль-Муштах фалугат ат-Турк-з-Ал-Кыпчак», «Кодекс Куманикус» сохранились до наших дней. Некоторые кыпчакские источники, написанные армянским алфавитом, хранятся в известном всему миру хранилище древних рукописей «Матенадаран» (Армянская ССР).

Аль-Фараби написаны трактаты (рисала) по правописанию, каллиграфии, стихосложению, риторике, великолепные философские стихи (рубай). Его знаменитый «Большой трактат о музыке» переведен на многие языки мира.

Из той же тюркско-кыпчакской среды, что и Абу Наср аль-Фараби вышла впоследствии целая плеяда замечательных поэтов, писателей ученых-историков. Назовем хотя бы некоторых из них. Это — Юсу Баласагуни, Жемаль аль-Туркестани, Шамси Тарази, Ахмет аль-Юнаки, Ходжа Ахмед Ясави, Кадыргалий Джалаири, Хайдар Дулат и другие.

Написанная Юсупом Баласагуни (1021—?) на карлукско-кыпчакском языке поэма «Кутатгу блик» («Основа благоденствия знание») является по существу ф

Эпиграфика
мавзолея-мечети
Ахмеда Ясави



лософским трактатом о политике, государственном управлении, военном искусстве.

Мистико-религиозное содержание творчества другого тюркского поэта и проповедника суфизма Ахмеда Ясави (ум. 1166), написавшего свои стихи в отличие от других восточных авторов той поры на кыпчакско-огузском диалекте древнетюркского языка, вызывало сочувствие к бедным, обличало жадность и лицемерие служите-

лей культа, предостерегало людей от вражды с иноверцами:

Пророка есть такое завещанье:
Нечаянно столкнувшись с иноверцем,
Зла не чини ему. Людей с жестоким сердцем
Не любит бог, за гробом наказанье
Жестоким ждет: им придется
Томиться в темнице,
Совет такой я слышал от мудрейших,
Теперь его я вам передаю...¹

¹Басенов Т. Комплекс мавзолей Ахмеда Ясави. А.-А., 1981, с. 18.

Одним из выдающихся памятников позднесредневековой литературы является книга «Тарихи Рашиди» Хайдара Дулати (1500—1551), в которой с исчерпывающей полнотой сообщается о происхождении казахов, об их первых шагах на мировой арене, месте и образе жизни.

Следы арабизированных памятников встречаются и в архитектуре караханидского периода, например, на мавзолеях Бабаджи-хатун, Айша-Биби (X—XII вв.) близ Джамбула. Надпись на колонне последнего гласит так: «осень, тучи... жизнь прекрасна...» (перевод А. М. Беленицкого).

Исполненная арабским письмом эпитафия комплекса мавзолея-мечети Ахмеда Ясави в г. Туркестане нередко представляет собой законченное художественное целое — фриз или панно. В эпитафике используется множество почерков, выполненных на дереве, металле, майолике, в кирпичной мозаике и в камне. Зачастую надпись входит в узор, состоящий из геометрических и растительных мотивов, сливаясь с ним в единую орнаментальную композицию.

Помимо бесконечного множества различных канонизированных стихов, от коротких восклицаний во славу аллаха и пророка Мухаммеда, заполнивших все плоскости стен, арок, оснований куполов, до систематизированных коранических фрагментов, надписи на памятнике содержат целый ряд имен мастеров, принимавших участие в строительстве, а также датировки выполнения отдельных видов ра-

бот, что вводит в науку ценный документальный материал. А на т. н. Карсакпайском камне, выявленном в Улытауских горах (Центральный Казахстан) и переданном на хранение в ленинградский Эрмитаж, мы читаем, что «в год овцы средний месяц, султан Туране Тимурбек шел с двумястами тысяч войск, имени своего ради, по кровь Токтамышхана и, достигнув этой местности, он воздвиг этот курган, дабы он был знаком...»

Объединение степных племен, родов в единое целое, завершившееся образованием и значительным укреплением к началу XVI века казахской государственности, вызвало потребность в составлении *жарлыков* — указов, распоряжений на общедоступном разговорном языке и ведении делопроизводства. Так входит постепенно в жизнь страны общенародный казахский язык, сложившийся на основе кыпчакского диалекта древнетюркского языка. Впервые записываются народные эпосы, героические сказания, создаются такие письменные памятники, как «Сборник летописей» Кадыргалия Джалаири (1530—1605), свод законов «Жеті жарғы» и др.

Однако казахский язык, хот и имел некоторые письменные традиции, базировавшиеся на лучших приемах народного стихословосочинительства, о чем свидетельствует творчество таких деятелей литературы позднего средневековья и нового времени, как Джалаир Майлы Кожа, Мадели, Шади-тордо уровня общенационального литературного языка поднялся знач

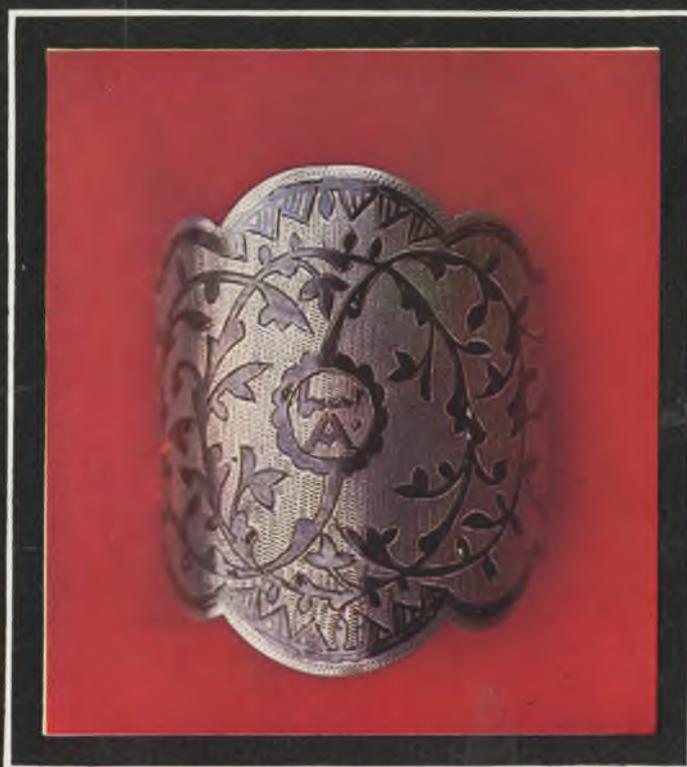
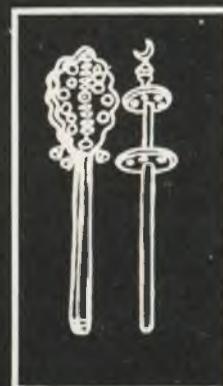
тельно позже, благодаря Абаю Кунанбаеву (1845—1904), Ибраю Алтынсарину (1841—1889), Шакариму Кудайбердиеву (1858—1931), Ахмету Байтурсынову (1873—1937), Спандияру Кубееву (1878—1956), Султанмахмуду Торайгырову (1893—1920), Магжану Жумабаеву (1893—1938), Жусупбеку Аймаутову (1889—1931), Сакену Сейфуллину (1894—1938), Мухтару Ауэзову (1897—1961).

Таким образом, народное творчество, будучи неразрывно связанным с народным бытом, на протяжении всей истории оказывало на него определенное влияние, испытывая в то же время обратное воздействие на себя и на свое развитие. Являясь составной частью духовной культуры народа, отражая его политические, правовые,

философские, религиозные взгляды, художественно-эстетические идеалы, народное творчество, будь это устное поэтическое, музыкальное или, скажем, танцевальное, всегда способствовало формированию у людей определенного отношения к жизни, к обществу в целом, его институтам. В этом плане легенда о золотой домбре, вмещавшей в себя все, что создано историей, была сложена народом неспроста, с позиции передового по тем временам мировоззрения, которое всегда оказывало благотворное влияние на развитие общества. Познавая эти ценности, эффективно используя их, мы можем способствовать поступательному движению нашего народа вперед по пути прогресса и социального совершенства.



НА ПОРОГЕ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ



ОТОВОН ЭНХЭГЭЙ А
РИ СУДАЛГААНИЙ ДЭГ
СЭН

*«Рад я, что этой эпохой рожден,
Этим дышу и горжусь!»*

Таир Жароков



На пороге нового тысячелетия

Достижения Казахстана очевидны каждому. Бесспорно и то, что свершив революцию, казахский народ, как и все трудящиеся республики, смогли решить сложнейшие задачи экономического и социально-культурного строительства. Переустройство казахского аула на социалистической основе, включение сотен тысяч бывших кочевников, полуседлых и оседлых крестьян в крупное промышленное и колхозно-совхозное производство, сопровождающееся привлечением их к коллективному труду, способствовали во многом консолидации народа в единую социалистическую нацию. Это само по себе имело огромное мобилизующее и цивилизующее значение.

В процессе вливания бывших крестьян и бедняков в ряды индустриального и агропромышленного рабочего класса, колхозного крестьянства происходила ломка патриархально-родовых отноше-

ний, феодальной идеологии, отсталых взглядов и настроений. Интенсивное развитие связей города и деревни, укрепление смычки между рабочим классом и колхозным крестьянством, улучшение транспортных, коммунальных, торговых бытовых услуг имели первостепенное значение в изменении бытовой психологии и образа жизни казахского народа.

Сегодня, спустя вот уже семьдесят с лишним лет, знакомясь с ленинскими документами, связанными с переводом кочевого и полуседлого населения на оседлость, земельно-водными реформами 1921—1923 годов, возрождением эмбинских нефтепромыслов, риддерских рудников, строительством железной дороги Кокчетав — Петропавловск, расширением рыбных и соляных промыслов на Арале, организацией первых сельхозкоммун, расширением орошаемого земледелия на юге Ка-



адники

захстана, созданием широкой сети школ, курсов, обучающих на родном языке, открытием учебных заведений, научных учреждений, налаживанием печатного дела и, наконец, подготовкой национальных кадров, мы воочию ощущаем отеческую заботу главы правительства первого в мире социалистического государства о развитии экономики и культуры Советского Казахстана, понимаем, насколько вперед во времени видел ленинский гений.

При всей деформации социализма и противоречивости его развития, о чем говорят и спорят

сегодня, за годы Советской власти достигнуты огромные успехи в культурном строительстве. В Казахстане, где в прошлом большинство населения было неграмотным, сейчас каждый третий его житель учится, каждый четвертый, занятый в народном хозяйстве, имеет высшее и среднее специальное образование, есть своя Академия наук, издается более 500 газет и журналов, выпускается в год свыше 40 млн. экземпляров книжной продукции. Значительным событием в культурной жизни республики явилось издание на казахском языке Полного собрания



сочинений В. И. Ленина, трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, сборников статей и речей видных деятелей Коммунистической партии и Советского государства.

Рассказывают, когда в Тургае впервые появился Алиби Джангильдин с кинематографическим аппаратом, это было незадолго до революции, он буквально взбудоражил степь: все хотели посмотреть на его «чудо-машину». Сегодня в республике нет ни одного населенного пункта, где бы не было клуба, не демонстрировались кинофильмы, не слушали радио и не смотрели телепередачи. Население

республики обслуживают 13 программных телецентров.

Богата и разнообразна культурная жизнь республики. Развивается вглубь и вширь профессиональное искусство: оперное, балетное, драматическое, симфоническая музыка. Есть популярные оркестры и ансамбли. Звездой оперной сцены была выдающаяся советская певица, народная артистка СССР, лауреат Государственных премий СССР Куляш Байсеитова (1912—1957). Весом вклад в развитие танцевального искусства республики первой казахской профессиональной танцовщицы, народной

*Ученики
аульной школы
20-е годы*



Куляш Байсеитова
и Канабек Байсеитов
в опере «Кыз-Жибек».
1938 г.

артистки Казахской ССР Шары Жиенкуловой. Значительным явлением в искусстве театра и кино стало творчество корифеев казахской сцены Калибека Куанышпаева, Серке Кожамкулова, Курманбека Джандарбекова, Елюбая Умурзакова, Рахии Койчубаевой, Канабека Байсеитова, Шакена Айманова, Хадиши Букеевой.

Умело сочетая национальные элементы с традициями классического реализма в жанрах тематической картины, графики, портрета, скульптуры, на широкую дорогу вышли художники Казахстана. Творения таких мастеров кисти, как Абильхана Кастеева, Канатии Тельжанова, Молдахмета Кенбаева, Абрама Марковича Черкасского, скульпторов Хакимжана Наурзбаева, Тулегена Досмагамбетова и других, пользуются большой известностью далеко за пределами республики.

Казахская литература, разви-

вавшаяся ранее преимущественно в одном традиционном жанре — поэзии, использовав опыт русских писателей критического реализма, в борьбе за социализм, ликвидацию отсталости и патриархальщины, вырастила целую плеяду замечательных писателей-прозаиков, драматургов. При этом следует особо отметить, что сильное воздействие на казахскую советскую литературу в годы ее становления оказал революционный романтизм великого пролетарского писателя Алексея Максимовича Горького, о чем свидетельствуют «Муслима» — первый рассказ Сакена Сейфуллина, повести «Караш-Караш» Мухтара Ауэзова, «Мои мектебы» Сабита Муканова, написанные под влиянием горьковских рассказов, повестей автобиографического цикла.

Наглядным подтверждением широты диапазона казахской советской литературы стали романы «Путь Абая» Мухтара Ауэзова, «Ботагоз» Сабита Муканова, «Кровь и пот» Абдижамия Нурпеисова, стихи Касыма Аманжолова, Олжаса Сулейменова, вошедшие в золотой фонд мировой литературы. Несут в себе частицу сердца своего народа, его думы и дела прекрасные стихи Кадыра Мырзалиева, Мукагалия Макатаева, Мухтара Шаханова и др. Дальнейшее развитие получает в республике творчество русских, уйгурских, немецких, корейских писателей.

Развитием национальной культуры и искусства, их самобытностью Казахстан демонстри-

рует объективно перед всем миром свою зрелость, непрерывность связи времен, поколений. В современной культуре казахского народа решающее слово всегда принадлежало и принадлежит социалистическому содержанию, интернациональному духу. Как слагаемое ее достижений, в ней укреплялись элементы, которые становились потом общими, близкими и понятными для всех советских людей, независимо от их национальной принадлежности...

Разумеется, путь к этому не был усеян цветами и тем более на первом его отрезке был сопряжен с громадными трудностями, ставшими уже достоянием истории. Гражданская война, голод, хозяйственная разруха, пути патриархальных обычаев и религиозных предрассудков значительно усложняли работу государственных институтов, творческих союзов и общественных организаций.

Тем не менее Советской власти удалось на практике опровергнуть клеветнические измышления буржуазных лжетеоретиков о том, что искусство народов Востока, в том числе Казахстана, не имеет большой перспективы, страдает примитивностью и отсутствием выразительных средств. Важное значение в этом имели труды В. В. Бартольда, С. Е. Малова, Ф. А. Фиельструпа, М. С. Андреева, А. А. Диваева, М. Ф. Гаврилова, А. П. Чулошникова, С. И. Руденко, А. Н. Самойловича и других ученых, привлеченных к изучению этнического и родоплеменного состава, истории казахов, их фоль-



клора, языка, быта, материальной культуры и искусства.

Значительный вклад в дело изучения и использования неувядающих ценностей духовной и материальной культуры народа внесли казахские литераторы Сакен Сейфуллин, Ильяс Джансугуров, Мухтар Ауэзов, Габит Мусрепов, ученые Ахмет Байтурсинов, Санджар Асфендияров, Каныш Сатпаев, Хажим Джумалиев, Алькей Маргулан, Есмагамбет Исмаилов.

Благодаря стараниям исследователей лучшие образцы казахского фольклора легли в основу крупных литературных и музыкальных произведений. Так, на основе лирико-эпической поэмы «Кыз-Жибек» созданы опера и художественный фильм. На сюжет «Козы-Корпеш — Баян-Сулу» Г. Мусреповым написана пьеса, снят кинофильм «Поэма о любви». Новое звучание в оперном искусстве получил народный эпос «Ер-Таргын»



*Театр оперы
и балета
в Алма-Ате*

Уже многие годы не сходит со сцены музыкальная комедия «Айман — Шолпан» М. Ауэзова, построенная на сюжете одноименной лирико-эпической поэмы. Композиторы Е. Брусиловский, А. Жубанов, Л. Хамиди, В. Великанов творчески использовали записи А. В. Затаевича при создании опер «Кыз-Жибек», «Жалбыр», «Абай», «Дударай», балетов «Камбар и Назым», «Калкаман — Мамыр».

Вершиной оперной музыки Казахстана стали оперы «Биржан и Сара» М. Тулебаева, «Абай» А. Жубанова и Л. Хамиди, родившиеся в тесном содружестве авторов с коллективом Академического

театра оперы и балета им. Абая. Большой популярностью в народе пользуется творчество выдающегося уйгурского композитора Куддуса Кужамьярова.

Оглядывая сыновним взором пройденный казахским народом путь, нельзя сказать, что его интеллектуальный потенциал раскрыт полностью. Было время, когда казалось — достаточно принять несколько решений и грянут те самые перемены, выстраданные народом и ради которых проводится сегодня перестройка. Пройдя уже по пути демократизации и гласности, каждый из нас, преодолевая по-своему притяжение прошлого в собствен-

ной душе, обретая новое мышление, убеждается в том, как тяжело дается новый шаг. Но мы несомненно стали видеть больше, оценивать ситуацию лучше.

Не так давно нам казалось, что строим «светлое здание будущего», повышаем уровень его этажей, именуемых общим средним и высшим образованием. И вдруг выясняется, что стены сооружаемого нами «здания» кое-где дали перекос, трещины, среднее образование превращено в средненькое, высшее — чуть выше среднего, а реформа оказалось проформой. Реализуя социально-педагогические установки административно-командной системы по формированию своих «винтиков», встав на путь всеобщего усреднения личности, школа объективно вела к подрезанию интеллектуальных корней нашего народа.

Не случайно поэтому в общей



массе молодежи можно встретить сегодня юношей и девушек, которые мало интересуются историей и культурой своего народа, не читают или вовсе не читают, могут объясниться, изложить свои мысли на языке собственных род





*К. Сатпаев,
М. Ауэзов
и К. Байсеитова
в составе жюри
республиканского
айтыса акынов.
1943 г.*

*Серке Кожамкулов.
1948 г.*

телей. Они не умеют петь, танцевать, наслаждаться миром прекрасного, а весь круг их интересов ограничен рамками света, ритма и звука так называемого «нового искусства». Растут они психически неуравновешенными, безразличными, пассивными в общественной

жизни, став жертвами культурно-идеологической экспансии, разрушающей народную основу музыки, песни и танца, живописи и скульптуры, эстетических и нравственных устоев общества.

К сожалению, ученые-обществоведы пока что мало интересуются этим явлением, формирующимся в суете буден, не претендующим на что-то особенное и возвышенное. Вполне возможно, что это результат того, что интернационализация социально-экономической сферы прямым переносилась в духовную жизнь, неоправданная стандартизация которой отразилась в быту, диктуя ту самую установочно-окантованную этику, которая привела к усреднению личности людей. При этом интернациональным считалось то, что образует общее, непреходящее, а все самобытное, все специфичное отодвигалось на задний план. В любом проявлении чувства национальной гордости иной обыватель видел проявление явного или прикрытого национализма. Отсутствие бытового плюрализма, стремление во всем к единомерию рождало пренебрежительное отношение к чужому образу жизни, обычаям, нраву, языку. Доводилось видеть редкий дар бестактности, когда делалось неуместное замечание тому, кто обмолвился с товарищами по работе несколькими словами на родном языке в присутствии некоего «третьего» лица.

Привязанность к родным, близким, нараставшее годами почтительно-трогательное отношение к старикам, послушание старших всегда



Академия наук
Казанской ССР

были в обычае казахов. Беглый взгляд со стороны, возможно, и отметит здесь диктат старших. Но если вникнуть в суть дела, то нетрудно заметить разумную строгость в сочетании с заботой о молодом поколении. Бабушка моя прожила 99 лет. Как мне представляется теперь, причина ее долголетия крылась не только в физическом труде или, скажем, в здоровой натуральной пище, чистом степном воздухе, но и в счастливой старости, в атмосфере простого незатейливого быта людей добрых и сердечных, окружавших ее всю жизнь,

в согласии и гармонии, царивших в родительской семье.

Мы нередко забываем, что в наше общее, интернациональное обретает реальную жизнь через бытовую сферу, житейскую психологию людей. Между тем в Казане при наличии Минпроса Института педагогических наук издательства «Мектеп» не была создана стройная система эстетического воспитания учащихся, не единых программ по изучению национальной истории, культур этики. А ведь реальный интернационализм, который мы отста

ваем, питается национальной гордостью, соками малой родины, запахами родных просторов и, наконец, памятью детства с его легендами, сказаниями, песнями, играми.

Вот и приходится теперь вновь перестраивать руководство народным образованием, создавать новые программы, учебники и учебно-наглядные пособия, поскольку, занявшись повышением этажей нашего «здания», мы, оказывается, забыли про фундамент, закладываемый в общеобразовательной школе, особенно в ее начальном звене. И только сейчас, в условиях перестройки, осознана необходимость составления целостной программы эстетического и нравственного воспитания детей и юношества, с учетом национальных особенностей, местных условий.

Наше общество приняло вызов истории. На наших глазах происхо-

дит раскрепощение личности, сметающее все препоны недоверия и подозрительности на своем пути. Но без прошлого нет настоящего и, тем более, будущего, ибо благороднейшая задача перестройки на пороге нового тысячелетия требует законченности не только в мыслях, но и в делах, душевной щедрости и безграничной верности нашему общему делу.

Заканчивая на этом свой рассказ об историко-культурных аспектах этнографии и, в особенности, быта казахов, не претендуя на полноту и исключительность, автор надеется, что читатель смог представить себе всю сложность исторического пути, пройденного казахским народом, осознал своеобразие его культурного наследия, положившего в свою основу принципы гуманизма, нравственности и патриотизма.



ЛИТЕРАТУРА

- Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма. М., 1953.
- Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3, М., 1958.
- Абу Наср аль-Фараби. Философские трактаты. А.-А., 1972.
- Агапов В., Кадырбаев М. Сокровища древнего Казахстана. А.-А., 1979.
- Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Отрар XVI—XVIII веков по итогам раскопок 1971—1973 годов.—«Древности Казахстана». А.-А., 1975.
- Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Позднесредневековый Отрар. А.-А., 1981.
- Аргынбаев Х. А., Кауанова Х. А., Ходжаева Р. Д. Направление и протяженность кочевых путей — «Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков», А.-А., 1980.
- Аргынбаев Х. А. Обычаи и поверья казахов, связанные со скотоводством — «Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков», А.-А., 1980.
- Аргынбаев Х. А. Қазақтың мал шаруашылығы жайында этнографиялық очерк. Алм., 1969.
- Архитектура Казахстана. А.-А., 1958.
- Ауэзов М. Путь Абая. Роман-эпопея в двух томах, т. I, М., 1971.
- Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. А.-А., 1986.
- Байырғы сак, ғұн, үйсін өнері. Қазақ Совет Энциклопедиясы, т. 2, Алм., 1973.
- Бартольд В. В. Киргизы. Соч., т. 1, часть 1, М., 1963.
- Басенов Т. К. Архитектурные памятники в районе Сам. А.-А., 1947.
- Бернштам А. Н. Архитектурные памятники Киргизии. М., 1960.
- Биржанов К. А., Захарова И. В. Распространение поливного и неполивного земледелия. Способы и типы ирригационных сооружений — «Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков», А.-А., 1980.
- Булатов М. С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX—XV вв. М., 1978.
- Валиханов Ч. Избранные произведения. А.-А., 1958.
- Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. СПб., 1865.
- Викторова Л. Л. Монголы. М., 1980.
- Волин С. Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах. Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР, т. 8, А.-А., 1960.
- Горький А. М. По Союзу Советов. М., 1952.
- Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край, т. 2, Л., 1926.
- Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967.
- Древние авторы о Средней Азии. Ташкент, 1940.
- Жданко Т. Я. Номадизм в Средней Азии и Казахстане. М., 1968.
- Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.
- Затаевич А. 1000 песен казахского народа. М., 1963.
- Захарова И. В., Ходжаева Р. Л. Казахская национальная одежда. А.-А., 1964.

- Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. А.-А., 1970.
- Кадырбаев М. К. Скотоводство (историко-археологический очерк) — «Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков». А.-А., 1980.
- Казахский эпос. А.-А., 1956.
- Кармышева Б. Х. «Кочевая степь» Мавераннахра и ее население в конце XIX—начале XX в.—«Советская этнография», 1980, № 1.
- Кармышева Б. Х. Способы молотьбы, перевозки и хранения урожая — «Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков», А.-А., 1980.
- Каскабасов С. А. Казахская волшебная сказка. А.-А., 1972.
- Кастанье И. А. Древности киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург, 1910.
- Костюм народов Средней Азии. М., 1979.
- Көбесов А. Эл-Фараби. Алматы, 1971.
- Курьлев В. П. Оружие казахов — сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР, XXXIV. Л., 1978.
- Левшин А. Описание киргиз-кайсацких орд и степей. Части 1-2, СПб., 1832.
- Маргулан А. Х. Казахская юрта и ее убранство. М., 1964.
- Массон М. Старый Сайрам. Известия Средазкомстариса. Вып. III. Ташкент, 1926.
- Муканов М. С. Казахская юрта. А.-А., 1981.
- Муканов М. С. Виды сельскохозяйственных орудий.—«Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков». А.-А., 1980.
- Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии, СПб., 1821.
- Омырзаков Т. Улус кун — великий день весны. «Горизонт» от 26 марта 1988 г. Плоды великого содружества. А.-А., 1968.
- Прошлое Казахстана в источниках и материалах. А.-А., 1935.
- Руденко С. И. Очерк быта казаков бассейна рек Уила и Сагыза — «Казаки. Антропологические очерки». Л., 1927.
- Рычков П. И. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. ч. I—II, СПб., 1762.
- Садокоев Р. Л. Тысяча осколков золотого саза. М., 1971.
- Сарыбаев Б. Казахские музыкальные инструменты. А.-А., 1978.
- Сарынова Л. П. Балетное искусство Казахстана. А.-А., 1976.
- Султанов Т. И. Краткое описание сочинения Сейфи.— Известия АН Казахской ССР, серия обществ. наук. 1970, № 1.
- Средняя Азия, Кавказ и зарубежный восток в древности. М., 1983.
- Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1968.
- Толстов С. П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. ИГАИМК, вып. 103. М.-Л., 1934.
- Турсунбаев А. Б. Казахский аул в трех революциях. А.-А., 1967.
- Ходжаева Р. Д. Молочная пища и утварь.—«Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков». А.-А., 1980.
- Шалекенов У. Х. Актобе — средневековый памятник — «История материальной культуры Казахстана». А.-А., 1980.
- Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. А.-А., 1966.

СОДЕРЖАНИЕ

У времени на виду

5

Нар-Тауекел! — Добро! Рискнем!

27

В тисках экстенсивности

67

Ищущий — отыщет

115

Жили, умеренность соблюдая

183

По следам легенды о золотой домбре

241

На пороге нового тысячелетия

289

Литература

301

Д 40 Джанибеков У. Д.
Эхо... По следам легенды о золотой домбре.— Алма-
Ата: Өнер, 1990.— 304 с., ил.

Книга У. Джанибекова знакомит с историей и этнографией казахского народа. В начальных разделах прослеживается эволюция и преемственность историко-этнических и культурных процессов на территории Казахстана, характеризуется общественный строй и быт казахов, их обычаи и обряды. Привлекают внимание материалы об оседлых земледельческих хозяйствах казахов в дореволюционную пору, о народных промыслах; раздумья автора о судьбе и путях дальнейшего развития народного костюма, традиционного жилищного зодчества.

Раздел, посвященный музыкальному, танцевальному и фольклорному искусству, представляет интерес и потому, что автор сам принимал непосредственное участие в воссоздании музыкальных инструментов, забытых песен и танцев, организации фольклорно-этнографических ансамблей.

Автор ищет и находит интересные, выпавшие из поля зрения историков и этнографов детали и штрихи, фактические материалы, легенды и былины, которые дополняют историю народа, создают его образ.

Каждый раздел книги снабжен обширным иллюстративным материалом. Многие фотографии публикуются впервые.

Адресуется самым широким читательским кругам.

ISBN 5—89840—283—7

ББК 63,5(2К)

Узбекали
ДЖАНИБЕКОВ

ЭХО... ПО СЛЕДАМ ЛЕГЕНДЫ
О ЗОЛОТОЙ ДОМБРЕ

Редакторы С. Муктарулы, С. Сакун
Художественный редактор Ж. Болатбаев
Технический редактор А. Токмурзина
Корректор А. Курмангожина

ИБ 786

Сдано в набор 26.12.89. Подписано в печать 6.07.90 УГ 17144. Бумага офс. мелов. Печать офсетная. Гарнитура «Тип Таймс». Формат 70×84¹/₁₆. Тираж 50 000 экз. Уч.-изд. л. 19,62. Усл. п. л. 20,71. Заказ 35. Цена в переплете из колленкора 4 руб. 40 коп., в переплете из штапеля 4 руб. 80 коп. Цена издания повышенного качества 5 руб. 80 коп.

Издательство «Өнер» Государственного комитета Казахской ССР по печати, 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Полиграфкомбинат производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по печати, 480002, ул. Пастера, 41.